Валё Пер, Шёвалль Май

Смеющийся полицейский

I

Тринадцатого ноября вечером в Стокгольме шел дождь. Мартин Бек и Колльберг играли в шахматы в квартире Колльберга недалеко от станции метро Шермарбринк. Оба были свободны, потому что последние несколько дней практически ничего не происходило.

Мартин Бек играл скверно, но ему все же каким-то образом удавалось оказывать сопротивление Колльбергу. У Колльберга была дочка, которой недавно исполнилось два месяца, и в тот вечер ему пришлось исполнять роль няньки, а Мартин Бек не испытывал особого желания возвращаться домой и всячески оттягивал тот момент, когда придется это сделать. Погода была отвратительная. Проливной дождь барабанил по крышам и окнам, улицы почти опустели, на них появлялись лишь одинокие прохожие, у которых, очевидно, были серьезные причины, чтобы выходить в такую погоду.

У посольства США на Страндвеген и ведущих к нему соседних улицах четыреста полицейских сражались с демонстрантами, которых было раза в два больше. Полицейские были вооружены гранатами со слезоточивым газом, пистолетами, резиновыми дубинками, автомобилями, мотоциклами, коротковолновыми радиостанциями, мегафонами, шли с овчарками и ехали на лошадях. Демонстранты были вооружены петицией и бумажными плакатами, расползающимися под проливным дождем. Вряд ли их можно было считать монолитной группой, поскольку здесь были разные люди, от тринадцатилетних школьниц в джинсах и шерстяных полупальто с капюшонами и весьма серьезных студентов до провокаторов, профессиональных хулиганов и даже восьмидесятипятилетней актрисы в беретике и под голубым зонтиком. Какой-то сильный импульс заставил их противостоять ливню и всему остальному, что могло произойти.

Полицейские, в свою очередь, тоже не представляли собою элиты. Их согнали сюда из всех полицейских участков города. Однако тем, у кого был знакомый врач и кто сумел каким-то другим образом выкрутиться, удалось избежать этой неприятной командировки. Остались лишь те, кто знал, что они делают, и одобрял это, — на полицейском жаргоне их называли петухами, и те, которые были слишком молодыми и неопытными, чтобы решиться не участвовать в происходящем, и которые, кроме того, не имели ни малейшего понятия, в чем они, собственно, участвуют, а уж тем более, зачем они это делают. Лошади становились на дыбы и грызли удила, полицейские нервно ощупывали кобуры пистолетов и размахивали дубинками. Маленькая девочка несла плакат «Исполни свой долг! Собери побольше полицейских!» Трое патрульных, каждый весом восемьдесят пять килограммов, набросились на нее, разорвали плакат и затащили ее в автомобиль, где выкрутили ей руки н лапали ее за груди. В этот день ей как раз исполнилось тринадцать лет, и груди у нее еще не успели развиться.

Всего задержали больше пятидесяти человек. Многие были ранены, в крови. Некоторые оказались так называемыми важными персонами, и можно было ожидать, что они напишут об этом в газетах или станут болтать по радио и телевидению. Дежурные офицеры полицейского участка с трепетом смотрели на этих важных персон, заискивающе улыбались им и с извинительными поклонами провожали до дверей. Всем остальным предстоял не слишком приятный допрос. Дело было в том, что одного из конных полицейских ударили по голове бутылкой, а ведь ее кто-то должен был бросить.

Операцией руководил офицер полиции в высоком чине, с военным образованием. Его считали экспертом в делах по поддержанию порядка, и он удовлетворенно наблюдал весь тот беспорядок, который ему удалось создать.

В квартире возле станции метро Шермарбринк Колльберг сложил фигуры и пешки в коробку и закрыл крышку.

— Ты никогда не научишься играть, — укоризненно сказал он.

— Наверное, это требует особых способностей, — угрюмо произнес Мартин Бек. — Для этого нужно иметь смекалку.

Колльберг сменил тему.

— Наверное, сейчас порядочная заварушка на Страндвеген, — заметил он.

— Наверное. А в чем, собственно, там дело?

— Они хотят вручить письмо послу, — ответил Колльберг. — Письмо, всего-то делов. И почему бы им не послать его по почте?

— В таком случае оно не привлечет к себе внимания.

— Конечно, но все равно получилось глупо, так что даже стыдно.

— Да, — согласился Мартин Бек.

Он надел плащ и шляпу и собрался уйти. Колльберг тоже поднялся.

— Я выйду с тобой, — сказал он.

— А что ты собираешься делать на улице?

— Да так, поброжу немного.

— В такую погоду?

— Я люблю дождь, — ответил Колльберг, застегивая просторный синий плащ из поплина.

— Тебе, наверное, мало того, что я уже простужен, — сказал Мартин Бек.

Мартин Бек и Колльберг были полицейскими. Они работали в отделе расследования убийств. Сейчас они временно ничем особенным не занимались и со спокойной совестью могли считать себя свободными от выполнения служебных обязанностей.

В городе на улицах полицейских не было видно. Пожилая женщина возле Главного вокзала напрасно ожидала, что к ней подойдет патрульный и, с улыбкой отдав честь, поможет ей перейти на противоположную сторону. Субъект, который в этот момент разбил витрину в торговом центре, мог не опасаться, что вой сирены полицейского патрульного автомобиля помешает продолжить начатое им дело.

Полиция была занята.

Неделю назад начальник полиции официально заявил, что полиция не будет способна выполнять многие рутинные обязанности, так как должна защищать американского посла от писем и выступлений людей, которым не правятся Линдог Джонсон и война во Вьетнаме.

Леннарт Колльберг не испытывал симпатии к Линдону Джонсону, и война во Вьетнаме ему не нравилась, зато он любил бродить по городу в дождливую погоду.

В одиннадцать часов вечера дождь продолжал идти, а демонстрацию можно было считать законченной.

В тот вечер и именно в это время в Стокгольме было совершено восемь убийств и одна попытка убийства.

II

«Дождь, — меланхолически думал он, глядя в окно. — Ноябрьская темень и холодный ливень. Предвестники приближающейся зимы. Вскоре выпадет снег».

В эту пору в городе ничто не радовало глаз, а уж об этой улице и говорить нечего: одни голые деревья и старые кирпичные дома. Уже когда улицу начали застраивать, выяснилось, что ее неправильно проложили. Она никуда не ведет и никогда никуда не вела и существует лишь как грустное напоминание о начатом когда-то с большим размахом и не доведенном до конца плане расширения города. Здесь нет освещенных витрин и людей на тротуарах. Только большие голые деревья и фонари, холодный белый свет которых отражается в лужах и поблескивающих от дождя крышах автомобилей.

Он так долго бродил под дождем, что волосы и штанины брюк у него совершенно промокли. Ледяная, пронизывающая влага стекала по бедрам, затылку, шее, он чувствовал ее даже между лопатками.

Он застегнул верхние пуговицы плаща, засунул руку в карман и потрогал рукоятку пистолета. Она тоже была холодная и влажная.

При этом прикосновении мужчина в синем поплиновом плаще невольно вздрогнул и попытался думать о чем-нибудь другом. Например, о перголе[1] отеля в Андрайче[2], где пять месяцев назад он проводил отпуск. О давящей, неподвижной жаре, о слепящем блеске солнца над побережьем и рыбацкими лодками, о голубизне неба над горным хребтом на противоположной стороне залива.

Потом он подумал, что в это время года там, вероятно, тоже идут дожди, а в домах там нет центрального отопления, а только камины.

Он заметил, что находится уже на другой улице и вскоре ему снова придется выйти под дождь.

Он услышал, как вслед за ним кто-то идет по лесенке, и знал, что это человек, который сел возле универмага на Клараберггатан двенадцатью остановками раньше.

«Дождь, — подумал он. — Не люблю дождь, даже ненавижу. Интересно, когда меня вызовут. И вообще, что я, собственно, здесь делаю, почему я не дома и не лежу с…».

Это была его последняя мысль.

Автобус был двухэтажный, кремово-красного цвета, с серой лакированной крышей. Это был английский «Лейланд-Атлантиан», сконструированный специально для введенного в Швеции несколько месяцев назад правостороннего уличного движения. В тот вечер он курсировал по маршруту № 47 в Стокгольме, от Белмансро в Юргордене до Карлбергсвеген и обратно. Сейчас автобус свернул на северо-запад и приближался к остановке на Норра-Сташенсгатан, которая находится на расстоянии всего лишь нескольких метров от границы между Стокгольмом и Сольной.

Сольна — это пригород Стокгольма, который является совершенно независимой административной единицей, хотя граница между ними существует только как линия, проведенная на плане Большого Стокгольма.

Красный автобус был большой: одиннадцать метров в длину и почти четыре с половиной метра в высоту. К тому же весил он более пятнадцати тонн. Фары у него были включены, он казался теплым и уютным, когда с запотевшими окнами катился между рядами голых деревьев по пустынной Карлбергсвеген. Потом автобус повернул направо на Норбакагатан и шум мотора стал приглушенным на длинном пологом спуске к Норра-Сташенсгатан. Дождь барабанил по крыше и окнам, из-под колес фонтанами брызгала вода. Автобус медленно и неотвратимо катился вниз.

Конец уклона был также концом улицы. Автобус должен повернуть под углом примерно тридцать градусов на Норра-Сташенсгатан, а оттуда оставалось уже только триста метров до конечной остановки.

Единственным человеком, который в этот момент наблюдал за автобусом, был мужчина, стоящий у стены дома на Норбакагатан, метров на сто пятьдесят выше. Мужчина был вором и собирался разбить витрину. Он наблюдал за автобусом и ждал, когда тот проедет мимо, потому что хотел действовать наверняка.

Он заметил, что автобус притормозил на перекрестке и начал поворачивать влево, мигая указателем поворота. Потом автобус исчез из его поля зрения. Дождь барабанил оглушительно. Мужчина поднял руку и разбил витрину.

Он не видел, что автобус не закончил поворот.

Совершая поворот, красный двухэтажный автобус словно на секундочку приостановился. Потом он покатился поперек улицы, въехал на тротуар и протаранил забор из металлической сетки, отделяющий Норра-Сташенсгатан от территории товарной станции.

Здесь он остановился.

Мотор заглох, однако фары и освещение в салоне не погасли.

Запотевшие окна по-прежнему светились в темноте и холоде, а сам автобус казался таким же уютным, как и раньше.

А дождь все барабанил и барабанил по крыше.

Это произошло в Стокгольме вечером тринадцатого ноября 1967 года. Было три минуты двенадцатого.

III

В патрульном автомобиле из Сольны сидели двое полицейских: Кристианссон и Квант.

За время своей однообразной карьеры они задержали сотни пьяниц и воришек, а однажды, возможно, спасли жизнь шестилетней девочке, схватив опасного сексуального маньяка-убийцу, когда он собирался на нее напасть. Это произошло пять месяцев назад, причем совершенно случайно, что, конечно же, вовсе не уменьшало ценности этого поступка, со временем постепенно превратившегося в подвиг, в лучах которого они еще долго намеревались греться.

В тот вечер, однако, ничего особенного не произошло, разве что они выпили по бокалу пива, хотя об этом, как противоречащем инструкции, лучше не упоминать.

Примерно в половине одиннадцатого им передали вызов по рации, и они поехали по указанному адресу на Капелгатан в Хювюдсте, где кто-то у входа в собственный дом наткнулся на человека, не подающего признаков жизни. Через три минуты они уже были на месте.

У входа в дом действительно лежал человек мужского пола в обтрепанных черных брюках, поношенных ботинках и потертом грязном плаще. Внутри, на освещенной лестничной клетке стояла пожилая дама в шлепанцах и халате. Очевидно, это она позвонила в полицию. Она начала подавать им какие-то знаки через стекло, потом приоткрыла дверь, высунула руку в щель и показала на неподвижную фигуру.

— Ага, ну и что тут происходит? — спросил Кристианссон.

Квант наклонился и фыркнул.

— Не подающий признаков жизни, — с отвращением сказал он. — Бери его, Калле.

— Подожди, — сказал Кристианссон.

— Зачем?

— Вы знаете этого человека, фру? — вежливо спросил Кристианссон.

— Да, по крайней мере, мне так кажется.

— Где он живет?

Женщина показала на дверь в глубине, на расстоянии трех метров.

— Там, — сказала она. — Он заснул, когда пытался открыть дверь.

— Да, у него в руке ключи, — почесав затылок, сказал Кристиансcон. — Он живет один?

— А кто бы хотел жить с таким оборванцем? — ответила женщина.

— Что ты собираешься делать? — с подозрением глядя на Кристиансcона, поинтересовался Квант.

Кристиансcон не ответил. Он наклонился и вынул ключи из руки спящего. Потом поставил пьяницу на ноги с ловкостью, свидетельствующей о многолетней практике, открыл коленом дверь и поволок правонарушителя в квартиру. Женщина слегка посторонилась, Квант остался на ступеньках у входа. Оба наблюдали эту сцену с явным неодобрением.

Кристиансcон открыл замок, включил свет и стащил с пьяного мокрый плащ. Пьяница зашатался, рухнул на кровать и сказал:

— Благодарю вас, фрёкен.

Потом он повернулся на бок и уснул. Кристиансcон положил ключи на плетеный столик у кровати, погасил свет, закрыл дверь и вернулся к автомобилю.

— Спокойной ночи, фру, — сказал он.

Женщина посмотрела на него, поджав губы, потом пожала плечами и ушла.

Кристиансcон поступил так не из любви к ближнему, а только потому, что был ленив.

Никто не знал об этом лучше, чем Квант. Когда они еще служили в Мальмё и были обыкновенными пешими патрульными, Кристиансcон частенько переводил пьяных через улицу и даже через мост на территорию другого участка, чтобы избавиться от них.

Квант сидел за рулем. Он включил зажигание и сказал с кислым видом:

— Сив всегда говорит, что я ленивый. Ей нужно увидеть тебя.

Сив была женой Кванта, а кроме того, любимой и почти единственной темой его разговоров.

— Зачем причинять человеку лишние неприятности, — философски заметил Кристиансcон.

Кристиансcон и Квант были похожи друг на друга. Оба имели рост один метр и восемьдесят шесть сантиметров, светлые волосы, голубые глаза н широкие плечи. Однако характеры и взгляды на многие вещи у них были разные. Например, как сейчас.

Квант был непримиримым. Он никогда не шел на уступки, когда обнаруживал правонарушения, однако проявлял удивительную ловкость, чтобы обнаруживать их как можно меньше.

Угрюмо молча́, он медленно ехал из Хювюдсты мимо полицейской школы, квартала одноэтажных жилых домов, железнодорожного музея, бактериологической лаборатории, пересек район, где располагались высшие учебные заведения, и наконец выехал на Томтебодавеген рядом со зданием управления железной дороги.

Это была мастерски проложенная трасса, проходившая через почти безлюдную территорию. По пути они не встретили ни одного автомобиля и видели только двух живых существ: кошку и потом еще раз кошку.

Выехав наконец на Томтебодавеген, Квант остановился так, что радиатор автомобиля оказался в метре от границы Стокгольма, выключил передачу и принялся размышлять, по какому маршруту лучше всего продолжить объезд территории.

«Интересно, хватит ли у тебя нахальства вернуться той же дорогой», — подумал Кристиансcон, а вслух сказал:

— Можешь одолжить мне десять крон?

Квант кивнул, вынул бумажник из внутреннего кармана и, не глядя на коллегу, протянул ему банкнот. Одновременно он принял решение. Если он пересечет границу города и проедет

по Норра-Сташенсгатан пятьсот метров в северо-восточном направлении, они только две минуты будут находиться в пределах Стокгольма. Потом они смогут повернуть на Евгениавеген, проехать по территории больницы, через Хага-парк и мимо кладбища, а там уже рядом полицейский участок. При этом объезд будет закончен, а шансы напороться на что-нибудь окажутся минимальными.

Автомобиль въехал на территорию Стокгольма и свернул влево на Норра-Сташенсгатан.

Кристианссон сунул десятку в карман и зевнул. Потом, щуря глаза, всмотрелся в дождь и сказал:

— Там бежит каналья какая-то.

Кристианссон и Квант были родом из Сконе и иногда путали порядок слов в предложении.

— У него есть собака, — заметил Кристианссон, — и он нам машет.

— Это не мой участок, — сказал Квант.

Человек с собакой, крошечным песиком, которого он буквально тащил за собой через лужи, выскочил на проезжую часть и преградил путь автомобилю.

— Черт бы его подрал, — пробормотал Квант и затормозил.

Он опустил боковое стекло и закричал:

— С чего это вы вздумали выскакивать на проезжую часть, да к тому же так неожиданно!

— Там… там стоит автобус, — сказал человек, с трудом переводя дыхание, и показал в глубь улицы.

— Ну и что?! — почти завизжал Квант. — Как вы можете так обращаться с собачкой! Бедное животное!

— Там… там произошло несчастье.

— Ну ладно, поглядим, — нетерпеливо сказал Квант. — Прошу посторониться. — Он двинулся с места. — Кроме того, прошу в следующий раз так себя не вести! — крикнул он через плечо.

Кристианссон выглянул в окно.

— Да, — сердито сказал он. — Автобус выехал на тротуар. Двухэтажный.

— Свет горит, — объявил Квант. — Передняя дверь открыта. Погляди, что там случилось.

Он остановился позади автобуса. Кристианссон открыл дверцу, машинально поправил портупею и сказал сам себе:

— Ага, ну и что тут происходит?

Так же, как и Квант, он был в высоких ботинках, кожаной куртке с блестящими пуговицами, с пистолетом и дубинкой на поясе.

Квант остался в автомобиле и наблюдал, как Кристианссон флегматично направляется к передней двери автобуса.

Он видел, как Кристианссон ухватился за поручень, неловко встал на ступеньку, чтобы заглянуть внутрь, потом вдруг отшатнулся и присел, одновременно потянувшись правой рукой к кобуре.

Квант отреагировал быстро. Ему хватило нескольких секунд, чтобы включить прожектор и мигалку.

Кристиансcон все еще стоял, согнувшись, у автобуса, когда Квант рывком открыл дверцу и выскочил под дождь. Он уже успел вытащить и снять с предохранителя свой семизарядный «вальтер» калибра 7,65 и даже взглянуть на часы: они показывали тринадцать минут двенадцатого.

IV

Первым, кто прибыл на Норра-Сташенсгатан из управления полиции, был Гюнвальд Ларссон.

Он сидел за своим письменным столом в управлении полиции на Кунгсхольмене и просматривал какой-то рапорт, в котором невозможно было разобраться, причем делал это с отвращением и, наверное, уже в десятый раз. Одновременно он размышлял над тем, когда эти люди уйдут домой.

Понятие «эти люди» охватывало среди прочих начальника полиции, его заместителя, а также множество различных руководителей и комиссаров, которые после благополучно закончившейся демонстрации болтались по лестницам и коридорам. Как только эти персоны решат, что рабочий день удачно завершен, и уберутся, он сделает то же самое, причем как можно быстрее.

Зазвонил телефон. Ларссон скривился и взял трубку.

— Ларссон слушает.

— Это центральная диспетчерская. Патрульный автомобиль из Сольны обнаружил на Норра-Сташенсгатан автобус, в котором полно трупов.

Гюнвальд Ларссон взглянул на электрические настенные часы, которые показывали восемнадцать минут двенадцатого, и сказал:

— Каким образом патрульный автомобиль из Сольны мог обнаружить автобус, полный трупов, в Стокгольме?

Гюнвальд Ларссон был ассистентом полиции. Из-за несносного характера в управлении его недолюбливали. Действовал он, однако, быстро и решительно и первым явился на место происшествия.

Он остановил машину, поднял воротник плаща и вышел под дождь. Красный двухэтажный автобус стоял поперек тротуара, пробив забор из стальной сетки. Передняя часть автобуса была смята. Кроме него, Гюнвальд Ларссон увидел черный «плимут» с белой полосой и надписью «Полиция» на дверцах. Стояночные огни у него были включены, а в конусе света, который давал прожектор, стояли два полицейских в униформе с пистолетами в руках. Оба казались неестественно бледными. Одного из них стошнило прямо на кожаную куртку, и он сконфуженно вытирал ее мокрым платком.

— Что здесь произошло? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Там… там внутри много трупов, — ответил один из полицейских.

— Да, — добавил другой. — Вот именно. И много отстрелянных гильз.

— Один из людей еще подает признаки жизни.

— Там есть один полицейский.

— Полицейский? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Да. Из уголовного розыска.

— Мы его знаем. Он служит в Вестберге. В отделе расследования убийств.

— Мы только не знаем, как его зовут. На нем синий плащ, он мертв.

Оба говорили неуверенно, тихо, перебивая друг друга.

Вряд ли их можно было назвать низкорослыми, однако рядом с Гюнвальдом Ларссоном они выглядели не слишком представительно.

У Гюнвальда Ларссона был рост один метр и девяносто два сантиметра, а весил он девяносто девять килограммов. У него были плечи боксера-профессионала тяжелого веса и огромные волосатые руки. Зачесанные назад светлые волосы уже успели промокнуть.

Сквозь шум дождя донесся вой нескольких сирен. Они приближались с разных сторон. Прислушиваясь к ним, Гюнвальд Ларссон сказал:

— Разве это Сольна?

— Мы находимся точно на границе, — хитро парировал Квант.

Гюнвальд Ларссон перевел лишенный всякого выражения взгляд своих голубых глаз с Кванта на Кристианссона. Потом быстрым шагом направился к автобусу.

— Там вид, как… как на бойне, — сказал Кристианссон.

Гюнвальд Ларссон даже не прикоснулся к автобусу. Он заглянул в открытую дверь и огляделся.

— Действительно, — сказал он. — Выглядит именно так.

V

Мартин Бек остановился на пороге своей квартиры в Багармуссене. Он снял плащ и шляпу, стряхнул с них воду на лестницу, повесил и только потом закрыл дверь.

В прихожей было темно, но ему не хотелось включать лампу. Из-под двери в комнату дочери пробивалась узкая полоска света, оттуда доносились звуки радио или проигрывателя. Он постучал и вошел.

Дочь звали Ингрид, ей было шестнадцать лет. В последнее время она заметно созрела и с каждым разом общаться с ней становилось легче. Она была спокойная, рациональная и умная; он любил с ней разговаривать. Она училась в последнем классе средней школы и с учебой справлялась успешно, хотя и не принадлежала к категории, которую в его времена называли зубрилами.

Сейчас она читала, лежа в кровати. Проигрыватель, стоящий на столике у кровати, был включен. Она слушала не поп-музыку, а какую-то классику; ему показалось, что это Бетховен.

— Как дела? — сказал он. — Ты еще не спишь?

Он осекся, сообразив, насколько бессмысленно то, что он сказал, и подумал о том, какие банальности слышали эти стены за последние десять лет.

Ингрид отложила книгу в сторону и выключила проигрыватель.

— Привет, папа. Ты что-то сказал?

Он покачал головой.

— О Боже, ты весь промок. Неужели так льет?

— Как из ведра. Мама и Рольф спят?

— Наверное. Мама загнала Рольфа в постель сразу после обеда. Сказала, что он простужен.

Мартин Бек присел на край кровати.

— Он действительно простужен?

— Мне, во всяком случае, показалось, что он выглядел совершенно здоровым. Но он послушно улегся. Наверное, чтобы не делать на завтра уроки.

— Зато ты прилежная. Что ты учишь?

— Французский. У нас завтра контрольная. Хочешь меня послушать?

— Вряд ли это что-нибудь даст. Французский я знаю плохо. Ну, спи.

Он встал, а дочь послушно скользнула под одеяло. Он заботливо подоткнул одеяло и, уже закрывая за собой дверь, услышал ее шепот:

— Скрести за меня завтра пальцы.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Он вошел в темную кухню и несколько минут постоял у окна. Казалось, дождь поутих, однако это впечатление могло быть обманчивым, потому что окно кухни выходило на подветренную сторону. Мартин Бек попытался представить себе, что происходило сегодня во время демонстрации у американского посольства и как напишут об этом завтра в газетах: назовут ли действия полиции беспомощными и неумелыми или охарактеризуют их как жестокие и провоцирующие. В любом случае без критики не обойтись. Будучи полицейским, он испытывал чувство солидарности по отношению к своим коллегам, и сколько он себя помнил, так было всегда, однако в душе признавал, что часто критика была обоснованной, если, конечно, не придираться к мелочам. Он вспомнил, что сказала Ингрид однажды вечером несколько недель назад. Многие ее одноклассники активно интересовались политикой, участвовали в митингах и демонстрациях, и большинство из них были решительно плохого мнения о полиции. Она сказала, что, когда была маленькой, гордилась тем, что ее отец служит в полиции, а теперь предпочитает не упоминать об этом. И не потому, что ей стыдно, а просто сразу начинаются споры и от нее ожидают, что она возьмет на себя ответственность за действия всей полиции. Конечно, это глупо, но тут уж ничего не поделаешь.

Мартин Бек вошел в гостиную, остановился у двери в спальню и услышал тихое похрапывание жены. Он осторожно постелил себе на диване, зажег бра и задернул занавески на окнах. Диван он купил недавно и перешел спать в гостиную из общей с женой спальни под тем предлогом, что якобы не хочет ей мешать, когда возвращается домой поздно ночью. Она протестовала, ссылаясь на то, что он часто работает по ночам до самого утра, а потом днем отсыпается, и она не хочет, чтобы он лежал в гостиной и мешал. Он обещал, что в таких случаях будет лежать и мешать в спальне, где она днем редко бывает. Поэтому вот уже целый месяц как он спал в гостиной и прекрасно себя чувствовал.

Жену звали Инга.

Отношения между ними с каждым годом становились все хуже и хуже, и теперь он почувствовал облегчение оттого, что ему не нужно больше спать с ней в одной кровати. Из-за этого чувства облегчения он испытывал иногда угрызения совести, но после шестнадцати лет супружеской жизни невозможно было разобраться, кто прав, кто виноват, и он уже давно перестал над этим задумываться.

Мартин Бек сдержал приступ кашля, снял мокрые брюки и повесил их на стул возле радиатора. Сидя на краешке дивана и снимая носки, он подумал о том, что ночные прогулки Колльберга под дождем могут объясняться тем, что его супружество тоже начинает превращаться в ненависть и равнодушие.

Так быстро? Колльберг женился всего полтора года назад.

Поэтому Мартин Бек отбросил эту мысль еще до того, как снял первый носок. Леннарт и Гюн, несомненно, счастливы друг с другом. Впрочем, какое ему до этого дело.

Он встал и голый подошел к книжной полке. Долго выбирал и наконец решил взять книгу, написанную старым английским дипломатом сэром Юджином Миллингтоном-Дрейком, в которой повествовалось о «Графе Шпее» и битве у берегов Ла-Платы.[3]

Он купил эту книгу в букинистическом магазине еще год назад, но до сих пор у него не было времени ее прочесть. Он забрался в постель, откашлялся, испытывая чувство вины; открыл книгу и обнаружил, что у него нет сигарет. Одним из преимуществ спанья на диване было то, что теперь он мог без всяких осложнений курить в постели.

Он снова встал, вытащил из кармана плаща намокшую и расплющенную пачку сигарет «Флорида», аккуратно разложил сигареты на ночном столике, чтобы они просохли, и закурил

ту из них, которая показалась ему наиболее пригодной для употребления. Он уже собирался лечь с сигаретой во рту, как вдруг зазвонил телефон.

Телефон у них стоял в прихожей. Еще полгода назад Мартин Бек сделал заказ на установку дополнительной розетки в гостиной, но, принимая во внимание темпы работ телефонной станции, он наверняка должен будет считать себя счастливчиком, если заказ выполнят хотя бы еще через полгода.

Он быстро подошел к телефону и взял трубку до того, как раздался повторный звонок.

— Бек слушает.

— Комиссар Бек?

Он не мог узнать голос в трубке.

— Да.

— Это центральный пульт связи. В автобусе маршрута № 47 недалеко от конечной остановки на Норра-Сташенсгатан обнаружено много застреленных пассажиров. Вас просят немедленно отправиться туда.

В первый момент Мартин Бек подумал, что это чей-то глупый розыгрыш или кто-то пытается выманить его под дождь, просто так, ради шутки.

— Кто сообщил об этом? — спросил он.

— Хансон из пятого участка. Хаммара уже проинформировали.

— Сколько убитых?

— Точно еще не известно. По крайней мере, шесть.

— Кого-нибудь задержали?

— Нет, насколько мне известно.

«Колльберга я захвачу по пути, — подумал Мартин Бек. — Надеюсь, такси заказать удастся». Вслух же он сказал:

— Хорошо, я сейчас приеду.

— Герр комиссар…

— Да?

— Один из мертвых… наверное, это кто-то из ваших людей.

Мартин Бек крепко сжал трубку.

— Кто?

— Не знаю. Мне не сказали фамилию.

Мартин Бек положил трубку и прислонился к стене.

Леннарт. Наверняка это он. И зачем он только вышел в такой дождь? Что ему понадобилось в автобусе № 47? Нет, наверное, все-таки это не Колльберг.

Он поднял трубку и набрал номер Колльберга. Зуммер. Второй. Третий. Четвертый. Пятый.

— Колльберг.

Сонный голос Гюн. Мартин Бек пытался говорить спокойным, естественным тоном:

— Привет. Там рядом с тобой есть Леннарт?

Ему показалось, что он слышит скрип кровати: очевидно, Гюн села. Прошла вечность, прежде чем она ответила.

— Нет, во всяком случае в постели его нет. Я думала, он у тебя. Хотя ведь ты сегодня был у нас.

— Он вышел вместе со мной на прогулку. Ты уверена, что его нет дома?

— Может, он в кухне. Подожди, я посмотрю.

Снова целая вечность, прежде чем она вернулась.

— Нет Мартин, его нет дома.

Теперь голос у нее был встревоженным.

— Как ты думаешь, куда он пропал? В такую погоду?

— Он вышел, чтобы подышать свежим воздухом. Не волнуйся.

Очевидно, это ее успокоило.

— В конце концов, это дело не срочное. Спокойной ночи.

Он положил трубку и внезапно почувствовал холодную дрожь. Он снова поднял трубку и, держа ее в руке, начал размышлять, кому бы позвонить, чтобы точно узнать, что произошло. Потом решил, что будет лучше, если он сам как можно быстрее приедет на место. Он набрал номер ближайшей стоянки такси, и ему сразу же ответили.

Мартин Бек служил в полиции двадцать лет. За это время многие его коллеги погибли при исполнении служебных обязанностей, и каждый раз, когда такое случалось, он был потрясен. Он чувствовал, что служба в полиции становится все более и более опасной и что в следующий раз может прийти его очередь. Однако к Колльбергу он относился не просто как к коллеге. Они полностью доверяли друг другу. Им прекрасно работалось вместе, и они давно научились понимать друг друга без слов. Когда Колльберг женился полтора года назад и переехал к Шермарбринк, они сблизились, если можно так выразиться, географически и стали вместе проводить время после службы.

Совсем недавно в один из редких моментов депрессии Колльберг сказал:

— Черт его знает, остался бы я вообще в полиции, если бы здесь не было тебя.

Мартин Бек думал об этом, надевая мокрый плащ и спускаясь бегом по лестнице к такси, которое уже ожидало его возле дома.

VI

Несмотря на дождь и позднее время, за барьером на Карлбергсвеген собралось много народу. Люди с любопытством смотрели, как Мартин Бек выходит из такси. Молодой патрульный в черной непромокаемой накидке сделал резкое движение, словно хотел преградить путь Мартину Беку, однако другой полицейский придержал его за руку и одновременно отдал честь.

Невысокий мужчина в светлой куртке и кепке подошел к Мартину Беку и сказал:

— Примите мои соболезнования, герр комиссар. Я только что узнал, что один из ваших…

Мартин Бек смерил его взглядом, от которого остаток фразы застрял у того в горле.

Он слишком хорошо знал человека в кепке и был о нем отвратительного мнения. Это был независимый журналист, который представлялся всем репортером уголовной хроники. Он специализировался на репортажах о самых сенсационных и жестоких убийствах, в которых все перевирал и которые публиковали только самые низкопробные издания.

Репортер отступил в сторону, а Мартин Бек пролез под натянутыми веревками. Он увидел, что такой же барьер имеется и дальше, со стороны Торсплан. На огороженной территории стояло несколько черно-белых автомобилей и было множество фигур в блестящих дождевиках. Земля вокруг двухэтажного красного автобуса размокла, под ногами хлюпало.

В автобусе горел свет, фары были включены, однако они почти не пробивали плотную завесу дождя. Рядом с автобусом стоял автомобиль, в котором приехали эксперты-криминалисты. Автомобиль судебного врача тоже уже был на месте. За разорванной стальной сеткой несколько человек устанавливали прожектор. Все эти особенности указывали на то, что здесь произошло нечто, намного более серьезное, чем обычное дорожно-транспортное происшествие.

Мартин Бек посмотрел в направлении мрачных жилых домов на противоположной стороне улицы. Он увидел освещенные прямоугольники окон и во многих из них фигуры, лица которых, прижатые к стеклам, были похожи на неясные белые пятна. Какая-то женщина в резиновых сапогах на босу ногу и дождевике, наброшенном на ночную рубашку, выбежала из парадного чуть наискосок от места происшествия. На середине улицы ее остановил полицейский, он взял ее за руку и отвел назад, к парадному. Полицейский шел широким шагом, и ей пришлось почти бежать, мокрая белая рубашка обвивалась у нее вокруг ног.

Мартин Бек не мог видеть двери автобуса, но в салоне за окнами двигались какие-то фигуры, и он понял, что криминалисты уже приступили к работе. Своих коллег из отдела расследования убийств и людей из криминальной полиции он также нигде не видел, но догадывался, что они находятся с другой стороны автобуса.

Он невольно замедлил шаг при мысли о том, что увидит через минуту, и сжал кулаки в карманах. По пути ему пришлось обойти фургон института судебной экспертизы.

В свете, падающем из средней двери автобуса, стоял Хаммар, бессменный начальник Мартина Бека в течение многих лет, и разговаривал с кем-то, очевидно, находящемся в автобусе. Он прервал разговор на полуслове и обратился к Мартину Беку:

— Ага, вот и ты. А я уж думал, что тебе забыли позвонить.

Мартин Бек ничего не ответил, он подошел к двери и заглянул внутрь.

У него спазматически свело желудок. Это было хуже, чем он ожидал.

Холодный яркий свет позволял отчетливо увидеть каждую деталь. Казалось, весь автобус заполнен окровавленными мертвыми телами, которые находились в самых неожиданных позах.

Охотнее всего Мартин Бек предпочел бы отвернуться и не смотреть на них, однако эти чувства никак не отразились на выражении его лица. Он даже заставил себя зафиксировать все детали. Люди из института судебной экспертизы работали спокойно и методично. Один из них посмотрел на Мартина Бека и медленно покачал головой.

Мартин Бек переводил взгляд с одного трупа на другой. Он никого из них не узнавал. По крайней мере, в их теперешнем состоянии.

— А он наверху? — внезапно спросил Мартин Бек. — Он…

Он посмотрел на Хаммара и осекся. За спиной у Хаммара вынырнул из темноты Колльберг. Он был с непокрытой головой, волосы у него прилипли ко лбу.

Мартин Бек уставился на него широко раскрытыми глазами.

— Привет, — сказал Колльберг. — А я уж начал подумывать, куда это ты пропал, и собирался попросить кого-нибудь, чтобы тебе снова позвонили.

Он остановился перед Мартином Беком и испытующе посмотрел на него.

— Тебе не мешает выпить чашечку кофе. Я принесу.

Мартин Бек покачал головой.

— Не надо возражать, — сказал Колльберг и исчез за пеленой дождя.

Мартин Бек проводил его взглядом. Потом перешел к передней двери и заглянул внутрь. Хаммар, тяжело ступая, следовал за ним.

Водитель навалился на руль. Судя по всему, пуля попала ему в голову. Мартин Бек смотрел на то, что раньше было лицом водителя, и, к своему собственному удивлению, не чувствовал тошноты. Он повернулся и взглянул на Хаммара, который с бессмысленным видом глазел на дождь.

— Ты не знаешь, что он тут делал? — почти беззвучно спросил Хаммар. — Именно в этом автобусе?

В этот момент Мартин Бек понял, кого имел в виду сотрудник, который ему звонил.

У окна за лесенкой, ведущей на второй этаж автобуса, сидел Оке Стенстрём, ассистент отдела расследования убийств, один из самых молодых сотрудников Мартина Бека.

Впрочем, слово «сидел» было неточным. Синий поплиновый плащ Стенстрёма был пропитан кровью, а сам он полулежал, упершись правым плечом в спину молодой женщины, скорчившейся на соседнем сиденье.

Он был мертв. Так же как и женщина рядом с ним и шесть остальных человек в автобусе.

В правой руке он держал служебный пистолет.

VII

Дождь шел всю ночь, и хотя по календарю солнце должно было взойти без двадцати восемь, только около девяти ему удалось пробиться сквозь плотные тучи и начался тусклый, туманный день.

Красный двухэтажный автобус стоял поперек тротуара на Норра-Сташенсгатан там, где он остановился десять часов назад.

Однако это было единственное, что осталось без изменений. На оцепленной территории в это время находилось человек пятьдесят, а за барьерами толпилось множество любопытных. Большинство из них стояло здесь с полуночи, с интересом наблюдая за полицией, машинами скорой помощи и прочими служебными автомобилями. Это была ночь сирен и сплошного потока автомобилей, которые с воем проносились по блестящим от дождя улицам, на первый взгляд без всякой цели и смысла.

Никто ничего не знал наверняка, однако несколько слов, которые передавали друг другу шепотом, расходились концентрическими кругами среди зрителей, проникали в соседние дома, становились все громче и уже звучали на всю страну. А к утру они вырвались и далеко за ее пределы.

Групповое убийство.

Групповое убийство в Стокгольме.

Групповое убийство в автобусе в Стокгольме.

Об этом уже знали все.

В управлении полиции на Кунгсхольмсгатан знали ненамного больше. Собственно говоря, не было даже точно известно, кто именно проводит расследование. Царила совершеннейшая неразбериха. Телефоны непрерывно звонили, все время входили и выходили люди, возбужденные и мокрые от пота и дождя, пол был заляпан грязью.

— Кто составляет список убитых? — спросил Мартин Бек.

— Кажется, Рённ.

Колльберг сказал это, не оборачиваясь. Он прикреплял лист картона к стене. Лист имел три метра в длину и полметра в ширину, и с ним нелегко было управляться.

— Кто-нибудь может мне помочь? — бросил через плечо Колльберг.

— Конечно, — спокойно сказал Меландер, поднявшись из-за стола и вынув изо рта трубку.

Фредрик Меландер был высоким худощавым мужчиной весьма серьезного вида и с характером педанта. Ему уже исполнилось сорок восемь лет, и он был ассистентом криминальной полиции. Колльберг работал с ним уже много лет, он даже не помнил сколько. Меландер, напротив, помнил; он славился тем, что никогда ничего не забывал.

Зазвонили два телефона одновременно.

— Да. Комиссар Бек слушает. Кого? Нет, его здесь нет.

Он положил трубку на место и поднял трубку другого телефона. В это время дверь открылась и на пороге в нерешительности остановился седой человек лет пятидесяти.

— Что у тебя, Эк? — спросил Мартин Бек.

— Я по делу об автобусе, — ответил седоволосый.

— Когда я вернусь домой? Не имею понятия, — сказал Мартин Бек в трубку.

— А, черт! — воскликнул Колльберг, потому что клейкая лента запуталась у него в толстых пальцах.

— Главное — спокойствие, — сказал Меландер.

Мартин Бек снова обратился к стоящему на пороге.

— Да, так что там с автобусом?

Эк закрыл за собой дверь и достал блокнот.

— Автобус изготовлен на заводе «Лейланд» в Англии, — сказал он. — Тип «Атланта», но у нас его называют «Н-35». Семьдесят пять мест для сидения. Особенность состоит в том, что…

Дверь открылась. Гюнвальд Ларссон с недоверчивым видом заглянул в набитую битком комнату, которая была его рабочим кабинетом. Его светлый плащ промок насквозь, так же как и брюки, и русые волосы. Ботинки были облеплены грязью.

— Ну и вид здесь, — с неудовольствием сказал он.

— Ну, так что за особенность у того автобуса? — спросил Меландер.

— Особенность состоит в том, что автобусы этого типа не используют на маршруте № 47.

— Не используют?

— Да, обычно не используют. По этому маршруту ездят немецкие автобусы марки «Бюссинг». Они тоже двухэтажные. А этот автобус оказался здесь случайно.

— Замечательная улика, — заметил Гюнвальд Ларссон. — Сумасшедший, который это сделал, имеет привычку убивать людей только в английских автобусах. Ты это имел в виду?

Эк с неодобрением посмотрел на него. Гюнвальд Ларссон стряхнул с себя воду и поинтересовался:

— Кстати, а что это за стадо обезьян у нас в вестибюле?

— Журналисты, — сказал Эк. — Надо, чтобы кто-нибудь поговорил с ними.

— Только не я, — мгновенно отреагировал Колльберг.

— А почему не делает официального сообщения Хаммар или начальник полиции, или министр внутренних дел, или еще какая-нибудь важная персона? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Наверное, его еще не сформулировали., — ответил Мартин Бек. — Эк прав Кто-нибудь должен с ними поговорить.

— Только не я, — повторил Колльберг. Потом он повернулся с таким видом, словно его осенило. — Ты, Гюннальд, приехал туда первым, — произнес он. — Мог бы провести пресс-конференцию.

Гюнвальд Ларссон огляделся по сторонам и огромной волосатой рукой убрал со лба мокрую прядь волос. Мартин Бек ничего не сказал и даже не взглянул в направлении двери.

— Ладно, — сказал Ларссон. — Надо подумать, где можно разместиться. Поговорить с ними нужно. Но до этого я бы хотел кое-что узнать.

— Что именно? — спросил Мартин Бек.

— Кто-нибудь сообщил об этом матери Стенстрёма?

В кабинете воцарилась мертвая тишина, словно эти слова оглушили всех присутствующих, включая того, кто это сказал. Стоя на пороге, Гюнвальд Ларссон медленно окинул всех взглядом.

После длинной паузы Меландер повернулся к нему и сказал:

— Да. Ей сообщили.

— Хорошо, — сказал Гюнвальд Ларссон и закрыл за собой дверь.

— Хорошо, — словно разговаривая сам с собой, заключил Мартин Бек и забарабанил костяшками пальцев по столешнице.

— Разве это разумно? — спросил Колльберг.

— Что?

— Разрешить Гюнвальду… Не кажется ли тебе, что нас и без этого достаточно обливают грязью в прессе?

Мартин Бек смотрел на него и ничего не отвечал. Колльберг пожал плечами.

— Ну ладно, — произнес он. — Это не имеет особого значения.

Меландер вернулся к своему письменному столу, взял трубку и закурил.

— В самом деле, — согласился он. — Это не имеет особого значения.

Они с Колльбергом уже повесили планшет. На нем были схема первого этажа автобуса и несколько фигур, пронумерованных цифрами от одного до девяти.

— Куда подевался Рённ со списком? — пробормотал Бек.

— У меня есть кое-что еще по делу об автобусе, — упрямо сказал Эк.

Зазвонил телефон.

VIII

Кабинет, в котором проводили первую импровизированную пресс-конференцию, явно не подходил для этой цели. Здесь были только стол, два шкафа и четыре стула. К тому времени, когда туда вошел Гюнвальд Ларссон, воздух уже был тяжелым от дыма и влаги, испаряющейся с мокрых плащей.

Гюнвальд Ларссон остановился в дверях, окинул взглядом собравшихся журналистов и фоторепортеров и тихо сказал:

— Ну? Что же вы хотите знать?

Все начали говорить одновременно, перебивая друг друга. Гюнвальд Ларссон поднял руку и предупредил:

— Прошу говорить по очереди. Начинаем с левого угла и идем слева направо.

Пресс-конференция проходила следующим образом.

Вопрос: Когда обнаружили автобус?

Ответ: Вчера вечером, приблизительно в десять минут двенадцатого.

В.: Кто его обнаружил?

О.: Один гражданин, который, в свою очередь, сообщил об этом патрульным.

В.: Сколько человек находилось в автобусе?

О.: Восемь.

В.: Они все мертвы?

О.: Да.

В.: Каким способом этих людей лишили жизни?

О.: Об этом еще рано говорить.

В.: Явилась ли причиной их смерти какая-то внешняя сила?

О.: Возможно.

В.: Что вы понимаете под словом «возможно»?

О.: Только то, что я сказал.

В.: Имеются ли какие-нибудь следы, указывающие на то, что там стреляли?

О.: Да.

В.: Значит, всех этих людей застрелили?

О.: Возможно.

В.: Значит, в самом деле имело место групповое убийство?

О.: Да.

В.: Вы обнаружили орудие преступления?

О.: Нет.

В.: Кого-нибудь арестовали?

О.: Нет.

В.: Имеются ли какие-нибудь улики, указывающие на определенное лицо?

О.: Нет.

В.: Убийства были совершены одним человеком?

О.: Неизвестно.

В.: Человек, который стрелял, находился в автобусе или выстрелы были произведены снаружи?

О.: Они не были произведены снаружи.

В.: Откуда это известно?

О.: Оконные стекла разбиты выстрелами изнутри.

В.: Каким оружием воспользовался убийца?

О.: Неизвестно.

В.: Возможно, это был пулемет или, по меньшей мере, автомат, не так ли?

О.: Неизвестно.

В.: Автобус стоял, когда произошло убийство, или же двигался?

О.: Неизвестно.

В.: Не указывает ли положение, в котором обнаружили автобус, что стрельба имела место во время движения и только потом автобус въехал на тротуар?

О.: Да.

В.: Удалось ли взять след собакам?

О.: Шел дождь.

В.: Это был двухэтажный автобус?

О.: Да.

В.: Где обнаружили тела, на верхнем или нижнем этаже?

О.: На нижнем.

В.: Все?

О.: Да.

В.: Личности убитых уже установлены?

О.: Нет.

В.: Но хотя бы кого-нибудь уже опознали?

О.: Да.

В.: Кого? Водителя?

О.: Полицейского.

В.: Полицейского? Вы можете назвать его имя?

О.: Да. Это ассистент Оке Стенстрём.

В.: Стенстрём? Из отдела расследования убийств?

О.: Да.

Несколько журналистов попытались протиснуться к двери, но Ларссон снова поднял руку.

— Прошу вас не болтаться туда-сюда. Какие-нибудь вопросы еще есть?

В.: Ассистент Стенстрём был одним из пассажиров автобуса?

О.: В любом случае за рулем сидел не он.

В.: Вы допускаете, что он оказался там случайно?

О.: Неизвестно.

В.: Я обращаюсь с этим вопросом лично к вам. Считаете ли вы случайностью, что один из убитых оказался сотрудником криминальной полиции?

О.: Я пришел сюда не для того, чтобы отвечать на личные вопросы.

В.: Стенстрём выполнял какое-то особое задание, когда это произошло?

О.: Не знаю.

В.: В тот вечер он был на службе?

О.: Нет.

В.: Значит, он был свободен?

О.: Да.

В.: В таком случае он, очевидно, оказался там случай но. Вы можете назвать фамилию еще хотя бы одной жертвы?

О.: Нет.

В.: Это первый в Швеции случай группового убийства. За границей же, напротив, за последние несколько лет произошло много подобных преступлений. Не считаете ли вы, что убийцу могло навести на эту безумную мысль какое-нибудь сходное преступление, имевшее место, к примеру, в Америке?

О.: Не знаю.

В.: Не считает ли полиция, что убийца может быть сумасшедшим, который хочет прославиться?

О.: Это одна из версий.

В.: Я не получил ответ на свой вопрос. Полиция разрабатывает эту версию?

О.: Все следы и предположения принимаются во внимание.

В.: Сколько женщин среди жертв?

О.: Две.

В.: Значит, шестеро убитых — это мужчины?

О.: Да.

В.: Среди этих шестерых водитель и ассистент Стенстрём?

О.: Да.

В.: Уделите нам еще минутку внимания. Мы получили сообщение, что одна из особ, бывших в автобусе, осталась в живых и ее увезли в машине скорой помощи, которая приехала на место происшествия еще до того, как полиция оцепила территорию.

О.: Вот как?

В.: Это правда?

О.: Следующий вопрос.

В.: Мы слышали, что вы одним из первых прибыли на место происшествия, так?

О.: Да.

В.: Когда вы туда прибыли?

О.: В двадцать пять минут двенадцатого.

В.: Как выглядел автобус внутри?

О.: Что вы имеете в виду?

В.: Можно ли сказать, что это было самое ужасное зрелище, которое вам приходилось когда-либо наблюдать в своей жизни?

Гюнвальд Ларссон бесстрастно посмотрел на того, кто задал этот вопрос: молодой человек в очках с круглыми стеклами в металлической оправе и с довольно растрепанной рыжей бородкой. Наконец он сказал:

— Наверное, можно ответить — нет.

Репортеры несколько оживились. Какая-то журналистка приподняла брови и с некоторым недоверием спросила:

— Как это следует понимать?

— Именно так, как я сказал.

До того как стать полицейским, Гюнвальд Ларссон служил в военно-морском флоте. В августе 1943 года он принимал участие в подъеме затонувшей подлодки «Ульвен», которая три месяца пролежала на дне моря. Среди тридцати трех утонувших было много его знакомых. После войны он участвовал в эвакуации балтийских коллаборационистов из лагеря в Рёнеслетте, а также принимал тысячи узников из немецких концлагерей. Большинство из них были женщины и дети, многие умерли.

Он не считал нужным объяснять все это специфической компании, которая здесь собралась, и поэтому лаконично спросил:

— Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Полиции удалось найти кого-либо, кто собственными глазами видел, как произошло преступление?

— Нет.

— Так значит, в центре Стокгольма совершено групповое убийство. Восемь человек умерли, и это все, что полиция может нам сообщить?

— Да.

На этом пресс-конференция закончилась.

IX

Прошла минута, прежде чем все заметили, что пришел Рённ со списком. Мартин Бек, Колльберг, Меландер и Гюнвальд Ларссон склонились над столом, заваленным фотоснимками, сделанными на месте происшествия, когда между ними внезапно протиснулся Рённ и сказал:

— Ну, в общем, список уже готов.

Рённ родился и вырос в Арьеплуге и, несмотря на то, что уже двадцать лет жил в Стокгольме, говорил на норландском диалекте.[4] Он положил лист бумаги на стол, сделал шаг назад и сел.

— Не пугай людей, — сказал Колльберг.

В кабинете так долго было тихо, что он вздрогнул при звуке голоса Рённа.

— Ну-ну, поглядим, — нетерпеливо сказал Гюнвальд Ларссон и взял список. С минуту он его разглядывал, потом вернул Рённу. — Впервые вижу такой бисерный почерк. А сам-то ты можешь это прочесть? Надеюсь, ты отдал его напечатать?

— Да. Отдал. Через пару минут получите копии.

— Ладно, — сказал Колльберг. — В таком случае мы послушаем тебя.

Рённ вынул очки, откашлялся и еще раз просмотрел свои записи.

— Из восьми убитых четверо жили недалеко от конечной остановки; тот, который остался в живых, — тоже.

— Давай по порядку, — сказал Мартин Бек.

— Ну, начнем с водителя. Две пули попали ему в шею и одна в затылок, он умер, вероятнее всего, мгновенно.

Мартину Беку не нужно было смотреть на фотографию, которую Рённ вытащил из кипы снимков, лежащих на столе. Он слишком хорошо помнил, как выглядел мужчина в кабине водителя.

Водителя звали Густав Бенгтсон. Сорок восемь лет, женат, двое детей, жил на Инедальсгатан, дом № 5. Семье сообщили. Это был его последний рейс в тот день. Высадив пассажиров на конечной остановке, он должен был поставить автобус в парк на Линдхагенсгатан. Касса цела, в бумажнике у него было сто двадцать крон. — Рённ посмотрел поверх очков на остальных. — Это пока все, что о нем известно.

— Дальше, — сказал Меландер.

— Следующий по порядку согласно схеме Оке Стенстрём. Пять выстрелов в спину. Один в правую руку сбоку, возможно, рикошет. Ему было двадцать девять лег, он жил…

Гюнвальд Ларссон перебил Рённа:

— Это можешь опустить, мы знаем, где он жил.

— Я этого не знал, — возразил Рённ.

— Дальше, — сказал Меландер.

Рённ снова откашлялся.

— Он жил на Черховсгатан с невестой…

Гюнвальд Ларссон снова его перебил:

— Они не были обручены. Я недавно спрашивал у него.

Мартин Бек раздраженно посмотрел на Ларссона и кивнул Рённу, чтобы тот продолжал.

— С Осой Турелль, двадцати четырех лет, служащей туристического бюро.

Он взглянул на Ларссона и добавил:

— Они жили в грехе. Не знаю, сообщили ей уже или нет.

Меландер вынул трубку изо рта и сказал:

— Ей сообщили.

Ни один из сидящих за столом мужчин не посмотрел на фотографию, на которой было изображено изрешеченное пулями тело Стенстрёма. Они уже видели его, и одного раза им вполне хватило.

— В правой руке он держал служебный пистолет. Пистолет был снят с предохранителя, но Стенстрём ни разу из него не выстрелил. В кармане у него лежал бумажник, в котором были тридцать семь крон, удостоверение, фотография Осы Турелль, письмо от матери и несколько квитанций. Кроме того, в карманах у него находились водительские права, записная книжка, шариковая ручка и колечко с ключами. Нам все это пришлют, как только эксперты в лаборатории закончат работу. Можно переходить к следующему?

— Давай, — сказал Колльберг.

— Рядом со Стенстрёмом сидела Бритт Даниельсон. Двадцать восемь лет, не замужем, работала в Саббатсберге. Была квалифицированной медсестрой.

— Интересно, были ли они вместе, — сказал Гюнвальд Ларссон. — У него могли быть кое-какие делишки на стороне.

Рённ неодобрительно посмотрел на него.

— Нужно будет проверить, — заметил Колльберг.

— Она снимала квартиру на Карлбергсвеген, 27, вместе с еще одной медсестрой из Саббатсберга. По словам ее сожительницы, которую зовут Моника Гранхольм. Бритт Даниельсон возвращалась из больницы. В нее выстрелили только один раз. Пуля попала в висок. В нее единственную в автобусе выстрелили только один раз. В сумочке у нее обнаружили всякую мелочь, всего тридцать восемь предметов. Перечислить?

— Да на черта это надо, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Под четвертым номером в списке и на схеме значится Альфонс Шверин, тот, который остался в живых. Он лежал навзничь на полу между сидений в задней части автобуса. Вы уже знаете, какие он получил ранения. Выстрел в живот и пуля в области сердца. Вам уже известно, что он одинокий. Адрес: Норра-Сташенсгатан, 117. Ему сорок три года, работает в фирме, занимающейся ремонтом улиц. Кстати, как он?

— По-прежнему без сознания. Врачи говорят, что шансы на то, что он придет в сознание, минимальны. Но даже в этом случае неизвестно, сможет ли он говорить и вспомнит ли что-нибудь.

— Ранение в живот мешает говорить? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Шок, — ответил Мартин Бек.

Он встал со стула и потянулся. Потом закурил и подошел к схеме.

— Ну, а тот, в углу, — сказал он, — номер пять? Он показал на правый задний угол автобуса. Рённ заглянул в свои записи.

— В него попало восемь пуль. В грудь и живот. Это араб, его зовут Мохаммед Бусси. Гражданин Алжира, тридцать шесть лет, родственников в Швеции нет. Жил в пансионате на Норра-Сташенсгатан. Работал в «Зигзаге», ресторане на Васагатан; вероятнее всего, возвращался оттуда. Пока что больше о нем ничего сказать нельзя.

— Араб, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Кажется, это у них имеют привычку по любому поводу поднимать стрельбу?

— Твоя осведомленность в политике нас просто поражает, — сказал Колльберг. — Тебе нужно попросить, чтобы тебя перевели в ОБ.

— Правильное название: отдел безопасности управления полиции, — пояснил Ларссон.

Рённ встал, порылся в кипе фотографии, вытащил оттуда несколько штук и положил их отдельно, одну возле другой.

— Этого парня мы не смогли идентифицировать, — сказал он. — Номер шесть. Он сидел возле средней двери. В него попало шесть пуль. В карманах у него были спички, пачка сигарет, автобусный билет и одна тысяча восемьсот двадцать пять крон в мелких банкнотах. Больше о нем ничего не известно.

— Много денег, — заявил Ларссон.

Склонившись над столом, они рассматривали фотографии неизвестного. Он сполз с сиденья и полулежал на спинке, рука у него свисала, а левая нога была вытянута в проход. Его плащ спереди был пропитан кровью. Лица у него не было.

— Ах ты черт, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Кто же это может быть? Да его бы родная мать не узнала.

Мартин Бек продолжил изучать схему, висящую на стене. Он поднял руку к лицу и сказал:

— Я размышляю над тем, не было ли их двое.

Все уставились на него.

— Кого двое? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Тех, которые стреляли. Обратите внимание, как спокойно все сидят на своих местах, кроме того, который остался жив, но ведь упасть на пол он мог уже позднее.

— Двое сумасшедших сразу? — недоверчиво спросил Гюнвальд Ларссон.

Колльберг подошел к Мартину Беку.

— Ты хочешь сказать, что если бы стрелял один, то кто-нибудь успел бы среагировать? Возможно, ты и прав. Но ведь он их словно косой скосил. Это произошло очень быстро, а если учесть, что их застигли врасплох…

— Может, пойдем дальше по списку? Так или иначе мы скоро узнаем, сколько было орудий убийства, одно или два.

— Да, конечно, — согласился Мартин Бек. — Продолжай, Эйнар.

— Под седьмым номером значится Юхан Кельстрём. Слесарь. Он сидел рядом с тем, которого не смогли идентифицировать. Пятьдесят два года, женат, жил на Карлбергсвеген, 8. По словам его жены, он возвращался из мастерской на Сибюлегатан, работал посменно. Образ жизни вел размеренный, без всяких неожиданностей.

— Если не считать того, что кто-то нашпиговал ему живот свинцом, когда он возвращался с работы, — заметил Гюнвальд Ларссон.

— У окна возле средней двери сидел номер восьмой, Гёста Асарсон. Сорок два года. Полголовы у него снесено. Жил на Тегнергатан, 40, где также находится офис торговой фирмы, которой он руководил совместно с братом. Его жена не знает, почему он ехал в этом автобусе. Она сказала, что муж должен был находиться на Нарвавеген, на собрании какого-то общества.

— Ага, — сказал Гюнвальд Ларссон, — решил съездить налево.

— Да, определенные следы указывают на это. В портфеле у него была бутылка виски «Джонни Уокер — Блэк Лейбл».

— Ничего себе, — сказал Колльберг, который был эпикурейцем.

— Кроме того, он хорошенько запасся презервативами, — добавил Рённ. — У него их было семь штук во внутреннем кармане. В карманах у него также обнаружили чековую книжку и более восьмисот крон наличными.

— Почему именно семь? — задумался Гюнвальд Ларссон.

Дверь открылась, и в кабинет заглянул Эк.

— Хаммар просит, чтобы вы все через пятнадцать минут явились к нему на совещание. Точнее говоря, без четверти одиннадцать.

Он исчез.

— Ладно, поехали дальше, — сказал Мартин Бек. — Так на ком мы остановились?

— На том, у которого было семь презервативов, — напомнил Ларссон.

— Еще что-нибудь можешь о нем сказать? — спросил Мартин Бек.

Рённ заглянул в свой исписанный листок.

— Да вроде бы нет.

— Тогда давай дальше, — сказал Мартин Бек, садясь за письменный стол Гюнвальда Ларссона.

— Впереди Асарсона сидела фру Хилдур Юхансон, номер девятый. Шестьдесят восемь лет, вдова, жила на Норра-Сташенсгатан, 119. Выстрел в спину, вторая пуля прошла навылет через шею. Она возвращалась от своей замужней дочери, проживающей на Вестмангатан; туда она поехала, чтобы присмотреть за детьми.

Рённ сложил список вчетверо и положил его в карман.

— Это все, — сказал он.

Гюнвальд Ларссон вздохнул и разложил фотографии на девять аккуратных кучек.

Меландер положил трубку, что-то пробурчал и вышел в туалет.

Колльберг, раскачиваясь на стуле, сказал:

— Ну, и что же из всего этого следует? То, что однажды, в ничем не примечательный вечер в самом обычном автобусе девять самых обыкновенных человек без какой бы то ни было причины были убиты выстрелами из автомата. Не считая того парня, которого не удалось идентифицировать, я не могу заметить ничего необычного в ком-либо из них.

— Я не согласен с тобой, — сказал Мартин Бек. — А Стенстрём? Что он делал в том автобусе?

Никто ему не ответил.

Часом позже этот же вопрос Хаммар задал Мартину Беку.

Хаммар собрал специальную группу, которая с этой минуты должна была заниматься только убийством в автобусе. Группа состояла из семнадцати опытных специалистов криминальной полиции под началом Хаммара. В руководство входили также Мартин Бек и Колльберг.

Они обсудили все известные факты, попытались проанализировать ситуацию и обменялись мнениями. Когда совещание закончилось и все, кроме Мартина Бека и Колльберга, вышли из кабинета, Хаммар спросил:

— Что Стенстрём делал в том автобусе?

— Неизвестно, — ответил Мартин Бек.

— Нисколько я понял, никто не знает даже, чем он занимался в последнее время. Может быть, кому-нибудь из вас это известно?

Колльберг развел руки в стороны и пожал плечами.

— Не имею понятия, — сказал он. — У него был свой план работы, наверное, ничего особенного.

— В последнее время у нас было мало работы, — сказал Мартин Бек. — Он часто брал отгулы, потому что раньше ему приходилось много работать сверхурочно, так что тут все в порядке.

Хаммар забарабанил пальцами по столу. Он несколько секунд о чем-то размышлял, потом сказал:

— Кто сообщил его невесте?

— Меландер, — ответил Колльберг.

— Вам следует как можно быстрее поговорить с ней. Вероятнее всего, она должна была знать, зачем он вышел из дому. — Он замолчал и добавил: — Если, конечно, это… — Он снова замолчал.

— Если что? — спросил Мартин Бек.

— Ты хотел сказать, если конечно, это не связано с той медсестрой из автобуса? — произнес Колльберг.

Хаммар ничего не ответил.

— Или если он не вышел из дому по какому-нибудь другому делу в том же духе, — добавил Коллльберг.

Хаммар кивнул.

— Выясните это.

X

Перед зданием Главного управления полиции на Кунгсхольмене стояли два человека, которые наверняка предпочли бы находиться в каком-нибудь другом месте. Эти два человека были в форменных фуражках, кожаных куртках с блестящими пуговицами, в портупеях, с пистолетами и резиновыми дубинками на поясе. Звали их Кристианссон и Квант.

Элегантно одетая пожилая дама подошла к ним и спросила:

— Извините, вы не скажете, как пройти на Йернегатан?

— Не знаю, — ответил Квант. — Спросите у полицейского. Вон он стоит.

Дама в изумлении уставилась на него.

— Мы тут не совсем у себя, — попытался смягчить впечатление Кристианссон.

Женщина продолжала смотреть им вслед, когда они поднимались по ступенькам к входной двери.

— Как ты думаешь, чего им нужно от нас? — испуганно спросил Кристианссон.

— Конечно, они хотят, чтобы мы дали показания, — сказал Квант. — Ведь это мы сделали то открытие.

— Это правда, — согласился Кристианссон. — В самом деле, так оно и было, но…

— Никаких «но». Заходит в лифт.

На втором этаже они встретили Коллльберга. У него был угрюмый вид, и он рассеянно кивнул им. Потом открыл какую-то дверь и сказал:

— Гюнвальд, пришли те двое из Сольны.

— Скажи им, чтобы они подождали, — донесся голос изнутри.

— Подождите, — сказал Коллльберг и ушел по своим делам.

После десяти минут ожидания Квант пошевелился и сказал:

— Что они себе позволяют, черт возьми! Ведь у нас сегодня выходной. Я обещал Сив присмотреть за детьми, потому что ей нужно сходить к доктору.

— Да, ты уже это говорил, — буркнул Кристианссон, который прямо на глазах падал духом.

— Она говорит, что у нее какое-то странное ощущение в…

— Да, это ты тоже уже говорил.

— Она снова разозлится, — сказал Квант. — С ней трудно сладить. Она начинает ужасно выглядеть. У твоей Керстин задница тоже так раздалась?

Кристианссон не ответил.

Керстин была его женой, и он не любил говорить о ней.

Квант не проявлял понимания в этом деле.

Через пять минут Гюнвальд Ларссон открыл дверь и лаконично пригласил их:

— Входите.

Они вошли и сели. Гюнвальд Ларссон критически оглядел полицейских и сказал:

— Прошу садиться.

— Мы ведь уже сидим, — тупо сказал Кристианссон.

Квант остановил его нетерпеливым жестом. Он уже понял, что впереди их ожидают неприятности.

Гюнвальд Ларссон минуту стоял молча. Наконец он занял место за письменным столом, тяжело вздохнул и спросил:

— Вы давно служите в полиции?

— Восемь лет, — ответил Квант.

Гюнвальд Ларссон взял в руку лист бумаги и принялся его изучать.

— Читать вы умеете? — поинтересовался он.

— Конечно, — ответил Кристиансон, прежде чем Квант успел его придержать.

— В таком случае, прочтите это, — сказал Гюнвальд Ларссон и подвинул лист бумаги в их сторону. — Вы понимаете, что здесь написано, или я должен вам объяснить?

Кристиансон покачал головой.

— Охотно вам объясню, — заверил Гюнвальд Ларссон. — Это рапорт о результатах предварительного осмотра места преступления. Из него следует, что два человека, у которых сорок шестой размер обуви, оставили в том чертовом автобусе около ста отпечатков подошв как наверху, так и внизу. Как по-вашему, кто были эти люди?

Ответа не было.

— Для того, чтобы вам стало понятнее, добавлю, что минуту назад я беседовал с экспертом из лаборатории и он сказал, что место преступления выглядело так, словно там несколько часов носился табун жеребцов. Эксперт считает абсолютно невероятным, чтобы группа человеческих существ, причем группа, состоящая всего лишь из двух индивидуумов, могла уничтожить почти все следы так основательно и за такой короткий срок.

Квант уже начинал терять терпение. Он с упрямством и злостью смотрел на человека, сидящего за письменным столом.

— Разница лишь в том, что жеребцы и другие животные не бывают вооружены, — спокойно продолжил Гюнвальд Ларссон. — Тем не менее кто-то стрелял в автобусе из «вальтера» калибра 7,65. Точнее говоря, стрелял вверх, с передней лесенки. Пуля срикошетировала от крыши и застряла в кожаном сиденье одного из мест на первом этаже. Как вам кажется, кто бы это мог стрелять?

— Мы, — сказал Кристиансон. — Вернее, это я стрелял.

— Что вы говорите? В самом деле? И в кого же вы стреляли?

Кристиансон с растерянным видом почесал затылок.

— Ни в кого, — сказал он.

— Это был предупредительный выстрел, — объяснил Квант.

— И кому же он предназначался?

— Мы полагали, что убийца, возможно, еще в автобусе и прячется наверху, — произнес Кристиансон.

— Ну и как, он там был?

— Нет, — ответил Квант.

— А откуда вам это известно? Что вы сделали после этой канонады?

— Поднялись наверх и посмотрели, — объяснил Кристиансон.

— Там никого не было, — дополнил Квант.

Гюнвальд Ларссон примерно полминуты испытующе смотрел на них, потом грохнул кулаком по столу и заорал:

— Поднялись наверх! Оба! Черт бы вас побрал, какая безнадежная тупость!

— Мы поднялись с противоположных сторон, — попытался оправдаться Квант. — Я сзади, а Калле по передней лесенке.

— Так, чтобы тот, кто был наверху, не смог убежать, — поддержал его Кристиансон.

— Да ведь там никого не было, черт возьми! Вам удалось только одно — уничтожить все следы во всем автобусе! Я уж не говорю о том, что вы наделали снаружи. И зачем вы болтались возле трупов? Чтобы натоптать там еще больше грязи?

— Чтобы проверить, может, кто-то еще был жив, — сказал Кристианссон, при этом он побледнел и громко сглотнул.

— Только не вздумай снова блевать, Калле, — обеспокоенно предупредил его Квант.

Дверь открылась, и вошел Мартин Бек. Кристианссон сразу же встал, Квант через несколько секунд последовал его примеру. Мартин Бек кивнул им и вопросительно посмотрел на Ларссона.

— Это ты так кричишь? Думаю, вряд ли стоит ругать этих ребят.

— Ничего подобного, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Еще как стоит.

— Почему?

— Потому что эти два идиота… — Он осекся и попытался подобрать другие слова. — Эти двое наших коллег являются единственными свидетелями. Слышите, что я говорю! В котором часу вы прибыли на место преступления?

— В тринадцать минут двенадцатого. Я проверил время по хронометру.

— Если говорить обо мне, — сказал Гюнвальд Ларссон, — то я сидел на том же месте, что и сейчас. Мне сообщили в восемнадцать минут двенадцатого. Пусть манипуляции с рацией заняли у вас полминуты, а центральному пульту связи понадобилось еще пятнадцать секунд, чтобы позвонить мне. Остается еще более четырех минут. Что вы делали все это время?

— Ну, как бы это сказать… — начал Квант.

— Вы метались, как угорелые, растаптывали кровь и мозговое вещество, передвигали трупы и вовсе не спешили сообщать о случившемся.

— Действительно, вы поступили не совсем верно… — начал Мартин Бек, но Гюнвальд Ларссон сразу же перебил его:

— Подожди, еще не все. Хотя эти четыре минуты они потратили на то, чтобы уничтожить все следы на месте преступления, нужно признать, что прибыли они туда действительно в тринадцать минут двенадцатого. Однако поехали они туда не по собственной инициативе: им сообщил о происшествии человек, который обнаружил автобус. Так это было?

— Да, — ответил Квант.

— Это был мужчина с собакой, — добавил Кристианссон.

— Вот именно! Им сообщил о происшествии человек, фамилии которого они не знают, потому что не позаботились о том, чтобы спросить, как его зовут, и наверняка мы не смогли бы установить его личность. К счастью, этот человек оказался настолько любезен, что сам явился к нам. В котором часу вы увидели человека с собакой?

— Ну, как бы это сказать… — ответил Квант.

— Приблизительно за две минуты до того, как подъехали к автобусу, — уставившись на свои ботинки, сказал Кристианссон.

— Вот именно! Потому что, по его словам, вы по меньшей мере минуту сидели в машине и тратили время на бесполезную болтовню. О собаках и еще кое о чем. Я прав?

— Ага, — буркнул Кристианссон.

— Когда вам сообщили о происшествии, было приблизительно десять-одиннадцать минут двенадцатого. На каком расстоянии от автобуса остановил вас тот человек?

— На расстоянии около трехсот метров, — ответил Квант.

— Верно, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — А поскольку тому человеку было семьдесят лет и он тащил за собой больную собаку…

— Больную? — удивился Квант.

— Вот именно. У того песика был поврежден позвоночник, и задние лапы почти не двигались.

— Наконец я начинаю понимать, куда ты клонишь, — сказал Мартин Бек.

— Ну да! Я попросил сегодня того старика снова пробежать там. Вместе со псом. Он проделал это трижды, потом пес совсем выбился из сил.

— Это издевательство над животным, — возмущенно сказал Квант.

Мартин Бек с любопытством и изумлением посмотрел на него.

— В любом случае старик с собакой никак не мог пробежать это расстояние быстрее, чем за три минуты. Значит, он должен был заметить неподвижный автобус самое позднее в семь минут двенадцатого, а нам известно наверняка, что бойня была устроена тремя-четырьмя минутами раньше.

— Откуда вам это известно? — одновременно спросили Квант и Кристианссон.

— А вам зачем знать? — отрезал Гюнвальд Ларссон.

— Часы Стенстрёма, — объяснил Мартин Бек. — Одна из пуль пробила ему грудную клетку и застряла в запястье. Она разбила корпус часов «Омега», которые были у него на руке. Экспертиза установила, что часы остановились именно в тот момент. В три минуты и тридцать семь секунд двенадцатого.

Гюнвальд Ларссон неодобрительно посмотрел на Мартина Бека.

— Мы знаем, что Стенстрём был очень аккуратным человеком, — с грустью сказал Мартин Бек. — Что же касается времени, то, как говорят часовщики, он был настоящим маньяком. Это значит, что его часы показывали время с невероятной точностью. Ну, давай дальше, Гюнвальд.

— Этот человек шел по Норбакагатан в направлении Карлбергсвеген. Автобус проехал мимо него в начале улицы. Для того, чтобы дотащиться до конца Норбакагатан, ему понадобилось около пяти минут. Автобусу для преодоления этого отрезка потребовалось приблизительно сорок пять секунд. Пешеход по дороге никого не встретил. Дойдя до угла, он увидел автобус на противоположной стороне улицы.

— Ну и что из этого? — поинтересовался Квант.

— Молчать, — ответил Гюнвальд Ларссон.

Квант сделал резкое движение и уже открыл было рот, но посмотрел на Мартина Бека и воздержался от комментария.

— Он не обратил внимания на то, что окна разбиты. Кстати говоря, эти два гения тоже этого не заметили, когда туда наконец доползли. Однако он сразу увидел, что передняя дверь открыта. Он подумал, что произошла авария, и решил позвать на помощь. При этом он совершенно справедливо рассчитал, что быстрее дойдет до конечной остановки, чем вскарабкается под гору на Норбакагатан, и поэтому пошел по Норра-Сташенсгатан в юго-западном направлении.

— Почему он пошел именно туда? — спросил Мартин Бек.

— Он полагал, что на конечной остановке будет еще один автобус. Однако его там не было. Вместо автобуса он, к сожалению, наткнулся на полицейский автомобиль.

Гюнвальд Ларссон окинул Кванта и Кристианссона уничтожающим взглядом своих ярко-голубых глаз.

— Это был патрульный автомобиль из Сольны, выехавший за пределы своего участка, до которого оттуда можно было добросить камнем. Сколько времени вы стояли на границе города?

— Три минуты, — сказал Квант.

— Скорее четыре или даже пять, — опроверг его Кристианссон.

Квант смерил его неблагодарным взглядом.

— Вы видели каких-нибудь прохожих?

— Нет, — сказал Кристианссон, — никого, кроме того старика с собакой.

— Это доказывает, что преступник не мог удалиться ни по Норра-Сташенсгатан, то есть на юго-запад, ни по Норбакагатан, на юг. Если предположить, что он не скрылся на территории товарной станции, остается только одна возможность — по Норра-Сташенсгатан в противоположном направлении.

— А откуда… откуда вы знаете, что он не сбежал через двор товарной станции? — спросил Кристианссон.

— Потому что это единственное место, где вы не натоптали и где можно было что-то разглядеть. Вы забыли перелезть через забор и там тоже все затоптать.

— Ладно, Гюнвальд, — сказал Мартин Бек, — готов признать, что ты прав. Правда, тебе понадобилось ужасно много времени, чтобы все это изложить.

Услышав эту реплику, Квант и Кристианссон немного осмелели и с облегчением обменялись понимающими взглядами. Однако Гюнвальд Ларссон тут же бросил:

— Если бы в ваших тупых башках была хоть капля здравого смысла, вы сели бы в автомобиль, догнали убийцу и задержали его.

— Или он нас тоже уложил бы, — пессимистично заметил Кристианссон.

— Когда я возьму преступника, то вызову вас сюда, — со злостью сказал Гюнвальд Ларссон.

Квант взглянул на настенные часы и спросил:

— Мы уже можем идти? Моя жена…

— Можете, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Убирайтесь к чертям.

Избегая осуждающего взгляда Мартина Бека, он спросил:

— Ну почему они не думают?

— Большинству людей требуется гораздо больше времени, чтобы все обдумать и сделать стройные логические выводы, — спокойно, дружелюбно произнес Мартин Бек. — К детективам, естественно, это не относится.

XI

— Сейчас надо все обдумать, — сказал Гюнвальд Ларссон, энергично захлопнув за собой дверь. — Совещание у Хаммара ровно в три. Через десять минут.

Мартин Бек, который сидел, прижимая к уху телефонную трубку, раздраженно взглянул на него, а Колльберг угрюмо пробормотал:

— Ничего себе! Сам думай на голодный желудок и увидишь, как это приятно.

Невозможность вовремя поесть была одной из немногих вещей, которые могли испортить настроение Колльбергу. А поскольку он уже целых три раза вовремя не поел, то был основательно зол. Кроме того, глядя на довольное лицо Гюнвальда Ларссона, он подозревал, что тот успел что-то перехватить, когда выскакивал из кабинета, и эта мысль окончательно добивала его.

— Где ты был? — подозрительно поинтересовался он.

Гюнвальд Ларссон не ответил. Колльберг смотрел, как тот усаживается за письменный стол. Мартин Бек положил трубку.

— Ты чего это буянишь? — спросил он. Потом встал, собрал свои записи и подошел к Колльбергу.

— Звонили из лаборатории. Они насчитали шестьдесят восемь отстрелянных гильз.

— Какого калибра? — спросил Колльберг.

— Того, который мы и предполагали. Девять миллиметров. Ничто не противоречит тому, что шестьдесят семь выстрелов было сделано из одного оружия.

— А шестьдесят восьмой?

— Из «вальтера» калибра 7,65.

— Выстрел Кристианссона в крышу, — констатировал Колльберг.

— Точно.

— Значит, судя по всему, там был только один сумасшедший, — вставил Гюнвальд Ларссон.

— Точно, — сказал Мартин Бек.

Он подошел к схеме и нарисовал кружок в том месте, где была изображена самая широкая средняя дверь.

— Да, — сказал Колльберг, — наверняка он стоял там.

— Это объясняло бы…

— Что? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек не ответил.

— Что ты хотел сказать? — спросил Колльберг. — Что это объясняло бы?

— Почему Стенстрём не успел выстрелить, — ответил Мартин Бек.

Они удивленно посмотрели на него.

— А-а-а… — протянул Гюнвальд Ларссон.

— Да, да, вы правы, — задумчиво сказал Мартин Бек, потирая двумя пальцами основание носа.

Хаммар толкнул дверь и вошел в сопровождении Эка и представителя прокуратуры.

— Восстановим ситуацию, — задиристо сказал он. — Выключите все телефоны. Вы готовы?

Мартин Бек грустно посмотрел на него. Точно так же обычно входил Стенстрём, неожиданно и без стука. Почти всегда. Это ужасно раздражало.

— Что там у тебя? — спросил Гюнвальд Ларссон. — Вечерние газеты?

— Да, — ответил Хаммар. — Они вдохновляют.

Он разложил газеты и раздраженно уставился на них. Заголовки были крупные, однако сами тексты довольно куцые.

— Цитирую, — сказал Хаммар. — «Преступление века, утверждает опытный специалист по раскрытию убийств Гюнвальд Ларссон из стокгольмской криминальной полиции и добавляет: „Это самое ужасное зрелище, какое мне когда-либо приходилось видеть в своей жизни!!“» Два восклицательных знака.

Гюнвальд Ларссон подался вперед и нахмурился.

У тебя здесь хорошая компания, — продолжил Хаммар. — Министр юстиции тоже высказался. «Следует покончить с волной беззакония и преступности. Все силы и средства полиции будут брошены в бой с целью немедленно схватить преступника».

Он огляделся вокруг и добавил:

— Так значит, это и есть те самые силы?

Мартин Бек вытер нос.

— «Уже сейчас сто наиболее талантливых специалистов криминальной полиции со всей страны принимают непосредственное участие в расследовании», — продолжил Хаммар, показав на одну из газет. — «Подобного начала еще не было в истории криминалистики этой страны».

Кольберг вздохнул и схватился за голову.

— Политики, — буркнул себе под нос Хаммар. Он швырнул газеты на стол и спросил: — Где Меландер?

— Беседует с психологами, — дал справку Колльберг.

— А Рённ?

— В больнице.

— Какие оттуда известия? Есть что-нибудь новое?

— Его еще оперируют.

— Итак, приступаем к реконструкции, — сказал Хаммар.

Колльберг порылся в своих записях.

— Автобус выехал с Белмансро приблизительно в десять часов.

— Приблизительно?

— Все расписание полетело из-за неразберихи на Страндвеген. Автобусы останавливались из-за пробок либо их не пропускала полиция, и опоздания были такими большими, что водители получили распоряжение не соблюдать расписание и сразу возвращаться от конечной остановки.

— Они получили это распоряжение по радио?

— Да. Инструкции для водителей маршрута № 47 передали на ультракоротких волнах сразу после девяти часов.

— Продолжайте.

— Мы рассчитываем на то, что наверняка найдутся люди, которые проехали какой-то отрезок пути именно в том автобусе. Однако пока что нам не удалось установить контакт с такого рода свидетелями.

— Они объявятся, — сказал Хаммар и, указав рукой на газеты, добавил: — После всего этого.

— Часы Стенстрёма остановились в двадцать три часа три минуты тридцать семь секунд, — монотонно продолжил Колльберг. — Имеются основания полагать, что это точное время, когда раздались выстрелы.

— Первый выстрел или последний? — спросил Хаммар.

— Первый, — сказал Мартин Бек. Он повернулся к висящей на стене схеме и показал пальцем на кружок, который минуту назад нарисовал. — Мы полагаем, что стрелявший стоял именно здесь, на площадке у двери для выхода пассажиров.

— На чем основано это предположение?

— На направлении полета пуль и положении отстрелянных гильз относительно мертвых тел.

— Понятно, продолжайте.

— Мы также полагаем, что убийца сделал три очереди. Сначала очередью вперед, слева направо, он застрелил всех людей, сидящих в передней части автобуса, тех, которые на схеме обозначены номерами один, два, три, восемь и девять. Первый номер — это водитель, второй — Стенстрём.

— А потом?

— Потом он повернулся под прямым углом, скорее всего направо, и сделал следующую очередь в людей, сидящих сзади, причем снова стрелял слева направо. При этом он застрелил номера пять, шесть и семь и ранил номер четыре, другими словами, Шверина. Шверин лежал навзничь в центральном проходе, в задней части автобуса. Мы трактуем это следующим образом. Он сидел на диванчике, расположенном вдоль автобуса слева от выхода, и успел встать. Поэтому в него попал последний выстрел.

— А третья очередь?

— Она была сделана вперед, — сказал Мартин Бек, — на этот раз справа налево.

— Оружием являлся автомат?

— Да, — сказал Колльберг, — вероятнее всего. Если это был армейский автомат…

— Секундочку, — перебил его Хаммар. — Сколько времени могло понадобиться на все это? На то, чтобы сделать очередь вперед, повернуться, дать очередь назад, снова выстрелить вперед и сменить магазин?

— Поскольку нам еще неизвестно, какого рода оружием он воспользовался… — начал Колльберг, однако Гюнвальд Ларссон прервал его:

— Приблизительно десять секунд.

— А как он выбрался из автобуса? — спросил Хаммар.

Мартин Бек обратился к Эку:

— Давай, это по твоей части.

Эк взъерошил пальцами седые волосы, откашлялся и сказал:

— Вторая входная дверь была открыта. Вероятнее всего, именно этим путем убийца покинул автобус. Для того, чтобы ее открыть, он должен был пройти по центральному проходу вперед до кабины водителя, протянуть руку над или рядом с трупом и повернуть рычаг выключателя.

Эк снял очки, протер стекла платком и подошел к стене.

— Я попросил сделать увеличенные копии двух рисунков, которые используются при инструктаже водителей, — сказал он. — Вот они. На одном рисунке изображен общий вид кабины, на другом — рычаг автомата, открывающего двери. На первом рисунке номер пятнадцать — это кнопка, отключающая ток от двери, а рычаг автомата, открывающего дверь, обозначен номером восемнадцать. Рычаг находится слева от руля чуть наискосок, у бокового окна. Рычаг, как это видно на втором рисунке, может находиться в пяти различных положениях.

— Из этого рисунка ни черта не понятно, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— В горизонтальном положении, или в позиции номер один, — невозмутимо продолжал Эк, — все двери закрыты. Во второй позиции, когда рычаг перемещен вверх, открывается передняя дверь, а в позиции три, когда рычаг передвинут еще выше, — и первая, и вторая дверь.

Рычаг можно также передвинуть вниз, позиции четыре и пять. В четвертой позиции открывается передняя дверь, а в пятой — снова две двери.

— Давай покороче, — сказал Хаммар.

— Короче, — сказал Эк, — соответствующий человек должен был с того места, где он, предположительно, находился, около задней двери для выхода, пройти по центральному проходу до места водителя. Потом этот человек наклонился над водителем, который навалился на руль и передвинул рычаг в позицию два. Тем самым он открыл среднюю дверь, то есть ту, которая была открыта, когда приехал первый патрульный автомобиль.

— Действительно, имеются признаки, указывающие на то, что последние выстрелы были сделаны тогда, когда стреляющий отходил по проходу в направлении кабины водителя, — продолжил сразу же Мартин Бек. — Очередь сделана влево. Одним из этих выстрелов, по-видимому, был убит Стенстрём.

— Техника ближнего боя, — вставил Гюнвальд Ларссон. — Очередями.

— Гюнвальд только что сделал очень удачное замечание, — сухо заявил Хаммар. — Он сказал, что ничего не понимает. Все указывает на то, что преступник был знаком с устройством автобуса.

— Вышеупомянутый человек умел, как минимум, манипулировать автоматом, открывающим двери, — педантично уточнил Эк.

В кабинете стало тихо. Хаммар наморщил лоб. Наконец он сказал:

— Значит, вы считаете, что кто-то вдруг встал посреди автобуса, перестрелял всех, кто в нем находился, и потом спокойно ушел? И что никто не успел среагировать? И водитель ничего не видел в зеркальце?

— Да нет, — ответил Колльберг, — не совсем так.

— А как же?

— Что кто-то со снятым с предохранителя, готовым к стрельбе автоматом спустился по задней лесенке со второго этажа автобуса, — сказал Мартин Бек.

— Тот, кто некоторое время сидел наверху в полном одиночестве, — добавил Колльберг. — Тот, у кого было время, чтобы выбрать самый подходящий момент.

— Водителю известно, есть ли кто-нибудь наверху? — спросил Хаммар.

Все выжидательно посмотрели на Эка, который снова откашлялся и сказал:

— В лесенку встроен фотоэлемент. Он связан со счетчиком на приборной доске. Каждый раз, когда кто-нибудь, купив билет у водителя, поднимается на второй этаж, счетчик прибавляет единицу. Водитель все время контролирует, сколько пассажиров находится наверху.

— А когда обнаружили автобус, счетчик показывал ноль?

— Да.

Хаммар несколько секунд стоял молча. Потом сказал:

— Нет, что-то тут не так.

— Что именно? — поинтересовался Мартин Бек.

— Реконструкция.

— Почему? — возразил Колльберг.

— Все слишком хорошо продумано. Сумасшедший, совершающий групповое убийство, не действует по так тщательно разработанному плану.

— Ничего подобного, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Тот псих, который в Америке застрелил с вышки более тридцати человек, все дьявольски тщательно продумал. Он даже взял с собой еду.

— Да, — согласился Хаммар. — Однако об одном он все же не подумал.

— О чем же?

На этот вопрос ответил Мартин Бек:

— О том, как он оттуда выберется.

XII

Семью часами позже, в десять часов вечера, Мартин Бек и Колльберг все еще находились в управлении полиции на Кунгсхольмсгатан.

Уже было темно, дождь прекратился.

Кроме этого, ничего достойного внимания не произошло. На официальном языке это называлось «ход расследования без изменений».

Умирающий в Каролинской больнице по-прежнему умирал.

В течение дня явилось двадцать свидетелей, готовых дать показания. Девятнадцать из них, как оказалось, ехали в других автобусах.

Единственным оставшимся свидетелем была восемнадцатилетняя девушка, которая села на Нюброплан и проехала две остановки до Сергельсторг, где пересела в метро. Она сказала, что несколько пассажиров вышли одновременно с ней; это выглядело правдоподобно. Ей удалось опознать водителя. Однако это было все.

Колльберг непрерывно кружил по комнате и не спускал глаз с двери, словно ожидал, что кто-то ее выломает и ввалится в кабинет.

Мартин Бек стоял перед висящей на стене схемой. С заложенными за спину руками он покачивался на каблуках. Эта раздражающая привычка появилась у него много лет назад, когда он служил простым патрульным, и до сих пор ему не удалось избавиться от нее.

Их пиджаки висели на спинках стульев. Рукава рубашек они подвернули. Галстук Колльберга лежал на столе, а сам Колльберг потел, хотя в кабинете вовсе не было жарко. Мартин Бек зашелся в долгом приступе кашля, потом, задумчиво сжав пальцами подбородок, продолжил изучать схему.

Колльберг остановился на секунду, критически оглядел его и констатировал:

— Просто сил нет слушать, как ты кашляешь.

— Ты с каждым днем становишься все более похожим на Ингу.

В этот момент вошел Хаммар.

— Где Ларссон и Меландер?

— Ушли домой.

— А Рённ?

— В больнице.

— Ах, да. Есть какие-нибудь сведения оттуда?

Колльберг покачал головой.

— Завтра получите пополнение.

— Пополнение?

— Для подкрепления. Из других городов. — Хаммар помолчал и многозначительно добавил: — Решено, что это необходимо.

Мартин Бек долго и старательно вытирал нос.

— Кто это? — поинтересовался Колльберг. — Впрочем, может быть, лучше спросить, сколько их?

— Из Мальмё завтра приедет некто Монссон. Вы его знаете?

— Я уже встречался с ним, — без тени энтузиазма ответил Мартин Бек.

— Я тоже, — дополнил Колльберг.

— К нам хотят также прикомандировать Гуннара Ольберга из Муталы.

— Он парень что надо, — апатично произнес Колльберг.

— Больше мне ничего не известно, — сказал Хаммар. — Говорили, что приедет еще кто-то из Сундсвалла. Кто именно, не знаю.

— Ага, — прокомментировал Мартин Бек.

— Конечно, если раньше вы сами не закончите это дело, — хмуро закончил Хаммар.

— Гм, — хмыкнул Колльберг.

— Факты, судя по всему, указывают на то, что… — Хаммар осекся и испытующе посмотрел на Мартина Бека. — Что с тобой?

— Простуда.

Хаммар продолжал смотреть на него. Колльберг, видя этот взгляд, попытался отвлечь внимание Хаммара и продолжил за него:

— Факты, судя по всему, указывают на то, что кто-то застрелил девять человек в автобусе вчера вечером. И что преступник действовал в соответствии с известными международными образцами совершения сенсационных убийств: не оставил никаких следов и не был схвачен. Конечно, он мог покончить с собой, однако если он так поступил, нам об этом ничего не известно. У нас имеются две зацепки. Пули и гильзы, по которым можно будет, вероятно, найти оружие убийцы, и человек в больнице, который может прийти в сознание и сказать, кто стрелял. Он сидел сзади и поэтому должен был видеть убийцу.

— Это уже кое-что, — сказал Хаммар.

— Однако не густо, — продолжил Колльберг, — особенно, если этот Шверин умрет или окажется, что он потерял память. Он тяжело ранен. У нас нет никаких мотивов. И ни одного стоящего свидетеля.

— Может быть, они еще объявятся, — утешил его Хаммар. — А мотивы — это тоже не проблема. Групповые убийства совершают преимущественно психопаты, а мотивы их поведения являются часто элементом болезненного бреда.

— Да-да, конечно, — сказал Колльберг. — В науке у нас разбирается Меландер. Он со дня на день выступит с меморандумом.

— Наш самый большой шанс… — начал Хаммар, глядя на часы.

— …это внутренняя интуиция, — закончил Колльберг.

— Вот именно. В девяти случаях из десяти именно благодаря ей удается разоблачить преступника. Не задерживайтесь допоздна, это ничего не даст. Лучше, чтобы завтра вы были отдохнувшими. Спокойной ночи.

Он вышел, и в кабинете стало тихо. Через несколько секунд Колльберг вздохнул и спросил:

— Что с тобой?

Мартин Бек не ответил.

— Стенстрём?

Колльберг сам себе кивнул и философски сказал:

— Подумать только, сколько я наорал на этого парня за все эти годы. А теперь вдруг его нет, он погиб.

— Ты помнишь Монссона? — спросил Мартин Бек.

Колльберг кивнул.

— Это тот, с зубочисткой, — сказал он. — Не нравится мне этот массовый старт. Было бы лучше, если бы мы занялись этим делом самостоятельно. Ты, я и Меландер.

— Ну, Ольберг тоже пригодился бы.

— Конечно, — согласился Колльберг, — но сколько убийств было у него в Мутале за последние десять лет?

— Одно.

— То-то и оно. Кроме того, я не переношу манеры Хаммара провозглашать перед нами избитые банальности и совершенно очевидные истины. Внутренняя интуиция, психопаты, элемент болезненного бреда. Полный набор.

Снова некоторое время было тихо. Потом Мартин Бек взглянул на Колльберга и спросил:

— Ну?

— Что «ну»?

— Что Стенстрём делал в том автобусе?

— Вот именно. Что, черт возьми, он там делал? Возможно, он был с девушкой, которая сидела рядом с ним. С медсестрой.

— Вряд ли он пошел бы вооруженным на свидание с девушкой.

— Возможно, он это сделал, чтобы произвести большее впечатление.

— Он был не такой, — сказал Мартин Бек. — Ты знаешь об этом так же хорошо, как я.

— Ну, во всяком случае он часто носил с собой пистолет. Чаще, чем ты. И намного чаще, чем я.

— Да, когда он был на службе.

— Я встречался с ним только на службе, — сухо заявил Колльберг.

— Я тоже. Несомненно, он был одним из первых трупов в том проклятом автобусе. И несмотря на это, он все же успел расстегнуть две пуговицы плаща и вытащил пистолет.

— Это указывает на то, что плащ он расстегнул раньше, — задумчиво сказал Колльберг. — Непонятно, зачем он это сделал.

— Согласен.

— Как там говорил Хаммар во время сегодняшней реконструкции?

— Он говорил примерно следующее, — сказал Мартин Бек. — «Тут что-то не так: сумасшедший, совершающий групповое убийство, не действует по столь тщательно разработанному плану».

— Ты считаешь, что он прав?

— В принципе, да.

— Это означало бы…

— Что тот, кто стрелял, вовсе не был сумасшедшим. Вернее, это убийство вовсе не было совершено для того, чтобы произвести сенсацию.

Кольберг вытер пот о лба сложенным платком, внимательно осмотрел платок и сказал:

— Герр Ларссон говорит…

— Гюнвальд?

— Да, он. Прежде чем отправиться домой, чтобы освежиться дезодорантом, он с высоты своей учености соизволил заметить, что ничего не понимает. Не понимает, например, почему сумасшедший не покончил с собой или не остался на месте преступления и не позволил себя схватить.

— Мне кажется, ты недооцениваешь Гюнвальда, — сказал Мартин Бек.

— Ты так полагаешь? — Колльберг раздраженно пожал плечами. — Да ладно, — добавил он, — все это чушь собачья. У меня нет сомнений в том, чти это групповое убийство. И, конечно же, стрелявший был сумасшедшим. Судя по всему, сейчас он сидит дома перед телевизором н наслаждается произведенным эффектом. В конце концов, с таким же успехом он мог совершить самоубийство. Нам ничего не дает то, что у Стенстрёма был при себе пистолет, потому что мы не знаем его привычек. Предположительно, он был вместе с той медсестрой. Хотя, возможно, и то, что он ехал в какой-нибудь ресторан или в гости к приятелю. А может, он поссорился со своей девушкой или его выбранила мать, он обиделся и поехал куда попало в первом попавшемся автобусе, потому что идти в кино было уже поздно, а если не идти в кино, то ему некуда было податься.

— Это все мы можем проверить, — сказал Мартин Бек.

— Да, завтра. Однако есть одна вещь, которую мы должны сделать сейчас, до того, как это сделает кто-нибудь другой.

— Осмотреть его письменный стол в Вестберге, — сказал Мартин Бек.

— Твое умение делать выводы достойно удивления, — констатировал Колльберг. Он сунул галстук в карман и надел пиджак.

Было сухо и туманно, ночной иней, как саван, покрывал деревья, улицы и крыши. Видимость была отвратительная, и Колльберг хмуро бормотал проклятия себе под нос, когда автомобиль заносило на поворотах. За всю дорогу до южного управления полиции они заговорили только один раз. Колльберг сказал:

— Как ты думаешь, преступники, совершающие групповые убийства, имеют, как правило, криминальное прошлое?

А Мартин Бек ответил:

— Чаще всего, да. Но не всегда.

В Вестберге было тихо и пустынно. Они молча прошли через вестибюль и поднялись по лестнице. На втором этаже нажали нужные кнопки на диске цифрового замка и вошли в кабинет Стенстрёма. Колльберг после минутного колебания уселся за его письменный стол и подергал ящики. Они оказались незапертыми.

Кабинетик был чистый, приятный и лишенный какой-либо индивидуальности. На письменном столе Стенстрёма не было даже портрета невесты.

На подставке для авторучек, напротив, лежали две его собственные фотографии. Мартин Бек знал почему. Впервые за много лет Стенстрёму выпал отпуск на Рождество и Новый год. Он собирался на Канарские острова. Уже забронировал себе места в самолете, совершающем чартерные рейсы. Он сфотографировался потому, что должен был получить новый паспорт.

Счастливый человек, подумал Мартин Бек, глядя на фотографии, которые были намного лучше снимков, помещенных на первых полосах вечерних газет.

Стенстрём выглядел значительно моложе своих двадцати девяти лет. У него был открытый ясный взгляд и зачесанные назад темно-каштановые волосы, похожие здесь, на фотографии, как и всегда, на непокорные вихры.

Вначале многие коллеги считали его наивным и несообразительным, в том числе и Колльберг, который частенько устраивал ему испытания, чересчур далеко заходя в своем сарказме и высокомерном отношении к нему.

Однако это было давно. Мартин Бек вспомнил, что однажды, еще в старом управлении полиции в Кристинеберге, он спорил об этом с Колльбергом. Он тогда сказал:

«Почему ты вечно цепляешься к этому парню?», а Колльберг ответил: «Чтобы избавить его от самоуверенности и дать ему шанс приобрести настоящую уверенность. Чтобы он постепенно смог стать хорошим полицейским. Чтобы он научился стучать в дверь».

Возможно, Колльберг тогда был прав. Во всяком случае Стенстрём с годами стал более развитым. И хотя он никогда не научился стучать в дверь, тем не менее он стал хорошим полицейским, добросовестным, трудолюбивым и знающим. Хорошо тренированного, спортивного Стенстрёма с его приятной внешностью и общительным характером можно было считать настоящим украшением отдела. Его, наверное, можно было изображать в качестве рекламы в проспектах, приглашающих на службу в полицию, чего нельзя было сказать о многих других. Например, о Колльберге, грубом, толстощеком и тучном. Этого нельзя было сказать и о полном стоицизма Меландере, внешний вид которого вовсе не противоречил тезису, что самые большие зануды часто бывают отличными полицейскими. Это также не относилось к красноносому и невзрачному Рённу. Нельзя было этого сказать и о Гюнвальде

Ларссоне, чей огромный рост и грозный взгляд могли смертельно напугать любого, и который к тому же очень гордился собой.

Это было справедливо и по отношению к самому Мартину Беку, сопящему и шмыгающему носом. Вчера вечером он смотрел на себя в зеркало и видел длинную жердеобразную фигуру с худощавым лицом, широким лбом, тяжелой челюстью и грустными серо-голубыми глазами.

Кроме того, Стенстрём обладал определенными специфическими качествами, часто выручавшими их, всех остальных.

Обо всем этом Мартин Бек размышлял, глядя на предметы, которые Колльберг вынимал из ящиков письменного стола и аккуратно раскладывал на столешнице.

Разница состояла лишь в том, что сейчас он думал почти равнодушно о человеке по имени Оке Стенстрём. Чувства, почти овладевшие им в кабинете на Кунгсхольмсгатан, когда Хаммар провозглашал прописные истины, исчезли. Момент жалости прошел и уже никогда не вернется.

С той минуты, когда Стенстрём положил на полку форменную фуражку и продал мундир старому приятелю из полицейской школы, он работал под руководством Мартина Бека. Сначала в Кристинеберге, в отделе уголовного розыска, который входил в состав Главного управления и действовал, в основном, как подразделение, предназначенное для оказания помощи перегруженной муниципальной полиции в провинции.

Потом вся полиция стала централизованной, это произошло в 1964—1965 годах, и вскоре они переехали сюда, в Вестбергу.

В течение прошедших лет Колльберга часто отправляли в командировки с различными заданиями, Меландера перевели по его собственному желанию, однако Стенстрём оставался в составе отдела неизменно. Мартин Бек знал его около пяти лет, они вместе участвовали в многочисленных расследованиях. Всему, что Стенстрём знал о практической работе полиции, он научился за это время, и научился многому. Созрел, переборол почти абсолютную нерешительность и робость, ушел из своей комнаты в квартире родителей и стал жить с женщиной, с которой, по его словам, собирался связать себя на всю жизнь. Его отец к этому времени уже умер, а мать вернулась в Вестманланд.

Мартин Бек должен был знать об этом почти все. Однако знал он, как ни удивительно, не очень много. Конечно, ему были известны все важнейшие даты и в общих чертах характер Стенстрёма, его достоинства, недостатки, но к этому он мало что мог добавить.

Стенстрём был порядочен, честолюбив, упрям, быстр и сообразителен. Вместе с тем, он был чуточку робким, немного инфантильным, совершенно не задиристым, иногда не в настроении. Но у кого не бывает плохого настроения?

Может быть, он страдал комплексом неполноценности?

Рядом с Колльбергом, часто козыряющим цитатами и сложными софизмами. Рядом с Гюнвальдом Ларссоном, который однажды за пятнадцать секунд пинком выломал дверь и одним ударом лишил сознания психически больного преступника, вооруженного топором. А Стенстрём тогда стоял на расстоянии двух метров и размышлял, как следует поступить. Рядом с Меландером, выражение лица которого всегда оставалось неизменным и который никогда не забывал того, что один раз увидел, услышал или о чем прочитал.

А у кого бы в такой ситуации не было комплекса неполноценности?

Почему он знал так мало? Может быть, потому, что недостаточно внимательно наблюдал? Или потому, что и наблюдать-то было нечего?

Мартин Бек массировал кончиками пальцев кожу у корней волос и смотрел на предметы, которые Колльберг раскладывал на столе.

Стенстрёма всегда отличала педантичность. Например, его часы обязательно должны были быть отрегулированы с точностью до одной секунды. Об этом педантизме свидетельствовал и порядок в его письменном столе.

Бумаги, бумаги и еще раз бумаги. Копии рапортов, заметки, судебные протоколы, инструкции, специальная юридическая литература. Все это было сложено в аккуратные стопки.

Наиболее индивидуальным был коробок спичек и нераспечатанная пачка жевательной резинки. Так как Стенстрём не курил и не жевал резинку, он, очевидно, держал эти предметы для того, чтобы предлагать их людям, которых допрашивал или которые, что наиболее вероятно, приходили к нему, чтобы просто поболтать.

Колльберг тяжело вздохнул и сказал:

— Если бы в том автобусе сидел я, сейчас в моих ящиках рылись бы ты и Стенстрём. Это была бы работка потруднее. И наверняка вы сделали бы открытия, бросающие тень на светлую память обо мне.

Мартин Бек приблизительно представлял себе, как выглядят ящики Колльберга, однако воздержался от комментариев.

— А здесь нет ничего, что бросало бы тень на память.

Мартин Бек и на этот раз не ответил. Они молча просматривали бумаги, быстро и тщательно. Здесь не было ничего, чего они не могли бы сразу же узнать и разложить по степени служебной важности. Все записи и документы имели отношение к расследованиям, в которых Стенстрём принимал участие и о которых им было хорошо известно.

Наконец остался только один конверт. Коричневый большой конверт, заклеенный и довольно толстый.

— Как ты думаешь, что это может быть? — спросил Колльберг.

— Открой и посмотри.

Колльберг вертел конверт в руках.

— Похоже на то, что он тщательно заклеен. Погляди, сколько кусков клейкой ленты. — Он пожал плечами и разрезал конверт ножом для бумаги, лежащим на подставке чернильного прибора. — О, — сказал он, — я не знал, что Стенстрём увлекался фотографией. — Он осмотрел снимки и разложил их перед собой. — Я даже не подозревал, что у него такое хобби.

— Это его невеста, — почти беззвучно произнес Мартин Бек.

— Да, конечно, однако я никогда не подумал бы, что у него были настолько далеко заходящие требования.

Мартин Бек смотрел на фотографии по служебной необходимости и с чувством отвращения, которое испытывал всегда, когда ему приходилось в той или иной степени вмешиваться в дела, относящиеся к частной жизни других людей. Чувство это было спонтанным и врожденным, и даже после двадцати трех лет службы в полиции Мартин Бек не умел подавлять его в себе.

Колльберг не страдал подобной чувствительностью. Кроме того, он был сладострастным.

— Настоящая секс-бомба, — уважительно сказал он, внимательно разглядывая фотографии. — Стоять на руках она тоже умеет. Я даже не представлял себе, что она так выглядит.

— Но ведь ты уже видел ее.

— Одетой. А это совсем другое.

Колльберг был прав, но Мартин Бек предпочитал не заводить разговор на эту тему. Вместо этого он сказал:

— Завтра ты снова увидишь ее.

— Да, — хмуро согласился Колльберг. — Это будет не слишком приятная встреча. — Он собрал фотографии, положил их в конверт и добавил: — Ну что, поедем домой? Я подброшу тебя.

Он погасил свет, и они вышли из кабинета. В машине Мартин Бек сказал:

— А как тебя вызвали вчера вечером на Норра-Сташенсгатан? Когда я позвонил, Гюн не знала, где ты, а на месте происшествия ты оказался гораздо раньше меня.

— Обычная случайность. Когда мы расстались, я направился в центр города и на Сканстулброн наткнулся на двух знакомых парней в патрульном автомобиле. Они только что получили сообщение по рации и отвезли меня прямо на место. Я был одним из первых.

Они долго ехали в молчании, потом Колльберг задумчиво сказал:

— Как ты думаешь, зачем ему были нужны те фотографии?

— Изучи их повнимательнее, — сказал Мартин Бек.

— Да, конечно. И все же…

XIII

В среду утром, перед тем как выйти из дому, Мартин Бек позвонил Колльбергу. Они обменялись тремя фразами.

— Колльберг.

— Привет, это Мартин. Я выезжаю.

— Хорошо.

когда поезд метро остановился на станции Шермарбринк, Колльберг уже ждал на платформе. Они имели привычку всегда ездить в последнем вагоне и поэтому часто встречались, хотя не договаривались заранее.

Они вышли на станции Медборгарплатсен и поднялись на Фолькунгагатан. Было десять минут одиннадцатого, и бледное солнце едва пробивалось из-за туч. Они поплотнее запахнули плащи, потому что ветер был ледяной, и пошли по Фолькунгагатан в восточном направлении.

За углом, когда они уже повернули на Эстгётагатан, Колльберг сказал:

— Ты узнавал в больнице, в каком состоянии Шверин?

— Да, утром я звонил туда. Операция уже закончилась. Он жив, но по-прежнему без сознания, и врачи ничего не могут сказать о результатах операции до тех пор, пока он не придет в себя.

— А он придет в себя?

Мартин Бек пожал плечами.

— Неизвестно. Будем надеяться.

— Интересно, долго еще газеты не смогут напасть на его след?

— В Каролинской больнице клятвенно обещали хранить тайну.

— Это ясно. Однако ты ведь знаешь журналистов. Они все вынюхают.

Они остановились у дома номер восемнадцать на Черховсгатан.

В списке жильцов в подъезде была фамилия Турелль, но на втором этаже на прикрепленном к двери белом прямоугольничке картона было написано печатными буквами «Оке Стенстрём».

Девушка, открывшая им дверь, была невысокой. Мартин Бек опытным взглядом определил ее рост в сто шестьдесят сантиметров.

— Пожалуйста, входите и вешайте плащи, — сказала она и закрыла за ними дверь.

Голос у нее был низкий и хрипловатый.

Оса Турелль была одета в узкие черные брюки и ярко-голубой свитер. На ногах у нее были толстые носки из серой шерсти, на несколько номеров больше, чем нужно, — наверняка это были носки Стенстрёма. У нее было смуглое угловатое лицо и темные, коротко подстриженные волосы. Это лицо вряд ли можно было назвать красивым или симпатичным, скорее смешным и пикантным. Она была хрупкого телосложения, с узкими плечами и бедрами и маленькой грудью.

Она молча наблюдала, как Мартин Бек и Колльберг кладут шляпы на полку рядом со старой фуражкой Стенстрёма и вешают плащи. Потом впереди них вошла в комнату.

Комната выходила двумя окнами на улицу, она была опрятной и уютной. У стены стоял большой книжный шкаф с резными столбиками и антресолями. Вся мебель, кроме книжного шкафа и кожаного кресла с высокой спинкой, была относительно новой. Почти весь пол покрывал толстый ярко-красный ковер, а тонкие шерстяные занавеси имели такой же красноватый оттенок.

Комната была неправильной формы, из одного угла короткий коридорчик вел в кухню. Через открытую в коридор дверь была видна вторая комната. Окна кухни и спальни выходили во двор.

Оса Турелль села в кресло и поджала под себя ноги. Она показала на два стула, Мартин Бек и Колльберг тоже сели. Пепельница на низком столике до краев была наполнена окурками.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказал Мартин Бек, — что нам это неприятно, мы не хотим быть назойливыми, но… это необходимо. Мы должны поговорить с вами как можно скорее.

Оса Турелль ответила не сразу. Она взяла из пепельницы зажженную сигарету и глубоко затянулась. Руки у нее дрожали, под глазами запали тени.

— Конечно, я понимаю, — сказала она. — Хорошо, что вы пришли. Я сижу здесь с той минуты, когда… когда узнала… сижу и пытаюсь понять… пытаюсь понять, правда ли это.

— У вас нет никого, кто мог бы побыть с вами? — спросил Колльберг.

Она покачала головой.

— Нет. Да я и не хочу, чтобы здесь кто-то был.

— А ваши родители?

Она снова покачала головой.

— Мама умерла в прошлом году. А отец двадцать лет назад.

Мартин Бек подался вперед и испытующе поглядел на нее.

— Вы спали хотя бы немного? — спросил он.

— Не знаю. Те, кто были здесь… вчера, дали мне несколько таблеток. Наверное, я ненадолго уснула. Но это ненужно, я выдержу.

Она смяла сигарету в пепельнице и пробормотала, не поднимая взгляда:

— Мне просто нужно привыкнуть к тому, что его нет в живых. Для этою нужно время.

Ни Мартин Бек, ни Колльберг не знали, что ей на это ответить. Мартин Бек внезапно почувствовал, что воздух тяжелый и плотный от дыма. В комнате стало угнетающе тихо. Наконец Колльберг кашлянул и сказал:

— Вы не возражаете, если мы зададим вам несколько вопросов, касающихся Стенст… Оке?

Оса Турелль медленно подняла взгляд. В глазах у нее что-то промелькнуло, и она улыбнулась.

— Надеюсь, вы не ждете, что я буду обращаться к вам «герр комиссар» и «герр старший ассистент»? — сказала она. — Вы тоже обращайтесь ко мне по имени, называйте меня Оса,

потому что я собираюсь говорить вам «ты». Мы ведь все же некоторым образом хорошо знакомы.

Она лукаво посмотрела на них и добавила:

— С помощью Оке. Мы с ним часто виделись. Мы живем здесь, вместе, уже много лет.

«Гробовщики Колльберг и Бек», — подумал Мартин. — «Смелая мысль. А девушка что надо».

— Мы тоже слышали о тебе, — довольно раскованным тоном сказал Колльберг.

Оса встала и открыла окна. Потом вынесла в кухню пепельницу. Улыбка исчезла, губы Осы были крепко сжаты. Она вернулась с чистой пепельницей и села.

— Пожалуйста, расскажите мне, как это случилось. Что произошло? Вчера я мало что поняла, а газеты мне читать не хочется.

Мартин Бек закурил сигарету.

— Хорошо, — сказал он.

Все время, пока он рассказывал, она сидела не шевелясь и не сводила с него глаз. Он опустил некоторые подробности, однако описал ход событии в той мере, в которой им удалось его воспроизвести. Когда он закончил, Оса сказала:

— А куда ехал Оке? Почему он оказался именно в том автобусе?

Колльберг бросил быстрый взгляд на Мартина Бека и сказал:

— Мы надеялись узнать об этом от тебя.

Оса Турелль покачала головой.

— Я не имею понятия об этом.

— А тебе известно, что он делал раньше в тот день? — спросил Мартин Бек.

Она удивленно посмотрела на него.

— А вы разве этого не знаете? Он целый день работал. А какая это была работа, наверное, вы должны знать.

Мартин Бек мгновение колебался, потом сказал:

— Последний раз в жизни я видел его в пятницу. Он днем заскочил на минутку.

Оса встала и сделала несколько шагов, потом обратилась к нему:

— Но ведь он работал и в субботу, и в понедельник. Мы вместе вышли из дому в понедельник утром. А ты тоже не видел Оке в понедельник? — Она посмотрела на Колльберга, который покачал головой и попытался припомнить.

— Может, он сказал тебе, что едет в Вестбергу, — спросил Колльберг, — или на Кунгсхольмсгатан?

— Нет, — после минутного раздумья ответила Оса, — ничего такого он не говорил. Этим, наверное, все объясняется. Очевидно, у него были какие-то дела в городе.

— Ты упоминала, что в субботу он тоже работал? — уточнил Мартин Бек.

Она кивнула.

— Да, но не весь день. Утром мы вышли вместе. Я закончила работу в час дня и сразу вернулась домой. Оке приехал вскоре после меня. Он ходил за покупками. В воскресенье у него был выходной. Мы весь день провели вместе.

Она снова уселась в кресло, сплела пальцы рук на подтянутых к груди коленях и закусила губу.

— А он не говорил, чем занимается? — спросил Колльберг.

Она покачала головой.

— Он вообще не имел привычки рассказывать о своей работе? — поинтересовался Мартин Бек.

— Да нет. Мы всегда обо всем говорили. Но только не в последнее время. С некоторых пор он перестал о чем-либо мне рассказывать. Мне даже казалось странным, что он ничего не рассказывает. Обычно мы с ним обсуждали разные дела, особенно если они были трудными и запутанными. Вероятно, он не мог… — Она осеклась и добавила чуть более громким голосом: — А почему вы меня об этом расспрашиваете? Вы ведь его начальники. Если вы пытаетесь выяснить, не выдавал ли он полицейские тайны, то могу вас заверить, что он этого не делал. За последние три недели он даже словом о своей работе не обмолвился.

— Дело в том, что ему нечего было рассказывать, — попытался успокоить ее Колльберг. — Последние три недели были необычайно бедны событиями. Честно говоря, у нас было не так уж и много работы.

Оса Турелль изумленно посмотрела на него.

— Как ты можешь так утверждать?! У Оке было очень много работы. В последнее время он работал целыми сутками без перерыва.

XIV

Рённ зевая взглянул на часы. Потом бросил взгляд в направлении кровати, где лежала полностью забинтованная фигура, после чего принялся рассматривать сложную аппаратуру, очевидно, необходимую для поддержания жизни больного, и продолжил наблюдать за дерзкой медсестрой среднего возраста, которая контролировала, правильно ли работает вся эта аппаратура. Сейчас она меняла пустой флакон для капельницы. Движения ее были быстрыми и точными, а все поведение свидетельствовало о большом опыте.

Рённ вздохнул и снова зевнул, прикрывая рот рукой.

Медсестра сразу же это заметила и бросила на него быстрый, недовольный взгляд.

Рённ слишком много времени провел в этой антисептической палате с гладкими белыми стенами и холодным освещением и, кроме того, долго ходил взад-вперед по коридору под дверью операционной.

При этом бóльшую часть времени ему пришлось проводить в обществе субъекта по фамилии Улльхольм, с которым раньше он никогда не встречался, несмотря на то, что тот был одетым в штатское ассистентом полиции.

Рённ явно не относился к наиболее способным и не проявлял склонности к самообразованию Он был доволен собой и своим существованием и считал, что по большей части все идет так, как и положено. Благодаря этим чертам характера, он был очень полезным, если не сказать, образцовым полицейским. Ко всем делам он относился добросовестно и просто, без какой бы то ни было склонности создавать себе трудности и проблемы, которых в общем-то и не было.

Почти ко всем он относился доброжелательно, и почти все относились к нему так же.

Однако даже при таком не очень сложном отношении Рённа к жизни Улльхольм оказался невероятным занудой и тупицей.

Улльхольм был недоволен всем, начиная с зарплаты, которая, как и следовало ожидать, была слишком маленькой, и кончая начальником полиции, который не умел управлять твердой рукой.

Его одинаково возмущало как то, что дети в школе не умеют себя вести, так и то, что в полиции слишком слабая дисциплина.

С особенной ненавистью он относился к трем категориям людей, которые никогда не причиняли Рённу никаких хлопот и не заставляли его напряженно работать головой: он не переносил иностранцев, молодежи и социалистов.

Улльхольм, например, считал безобразием, что рядовым полицейским разрешено отпускать бороды.

— Ну, усы еще куда ни шло, — говорил он. — Да и то, мне это кажется весьма сомнительным. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

По мнению Улльхольма, начиная с тридцатых годов в обществе не было истинного порядка. Сильный рост преступности и ужесточение нравов он объяснял тем, что у полиции отсутствует солидная военная выучка, и тем, что полицейские больше не ходят с саблями.

Введение правостороннего движения было возмутительной близорукостью, которая еще больше ухудшила ситуацию в безнаказанном и морально распадающемся обществе.

— И этот бардак увеличивается, — говорил он. — Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

— Что? — спрашивал Рённ.

— Бардак. Все эти стоянки вдоль главных магистралей. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

Улльхольм был человеком, который знал почти все, а понимал все без исключения. Только один раз он вынужден был обратиться за разъяснениями к Рённу. Началось с того, что он сказал:

— Глядя на эти мерзость и беспорядок, человек начинает тосковать по природе. Я охотно спрятался бы в горах, если бы в Лапландии не было так много лапландцев. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

— Я сам женат на лапландке, — сказал Рённ.

Улльхольм взглянул на него со смесью отвращения и любопытства и, понизив голос, сказал:

— Это необычно и весьма интересно. Правда, что у лапландок эта штука расположена поперек?

— Нет, — сухо ответил Рённ. — Это не правда, а широко распространенное предубеждение.

Рённ размышлял над тем, почему этого человека до сих нор не перевели в бюро находок.

Улльхольм говорил почти без перерыва, а каждый монолог заканчивал словами: «Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?».

Рённ понимал только две вещи.

Во-первых, то, что произошло в управлении, когда он задал совершенно невинный вопрос:

— Кто там дежурит в больнице?

Колльберг равнодушно порылся в своих бумажках и сказал:

— Какой-то Улльхольм.

Единственным, кто знал эту фамилию, был, очевидно, Гюнвальд Ларссон, потому что он сразу воскликнул:

— Что? Кто?

— Улльхольм, — повторил Колльберг.

— Этого нельзя допустить. Туда немедленно нужно кого-нибудь послать. Того, у кого с головой все в порядке.

Рённ, который оказался тем человеком, у которого с головой все в порядке, задал еще один, такой же невинный вопрос:

— Мне сменить его?

— Сменить? Нет, это невозможно. Он посчитает, что его унизили, и начнет писать сотни жалоб и рапортов в управление и даже может позвонить министру.

А когда Рённ уже выходил, Гюнвальд Ларссон дал ему последний совет.

— Эйнар!

— Ну?

— И не позволяй ему обращаться к свидетелю, разве что после того, как увидишь свидетельство о смерти.

Во-вторых, что каким-то образом он должен остановить этот поток слов. Наконец он нашел теоретическое решение этой задачи. Практически реализация найденного решения выглядела следующим образом. Улльхольм закончил очередной длинный монолог словами:

— Совершенно очевидно, что, как частное лицо и член партии центра, как гражданин свободной, демократической страны, я не делю людей по цвету кожи, национальности или образу их мыслей. Но ты сам подумай, что было бы, если бы в рядах полиции оказалось много евреев и коммунистов. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

Рённ откашлялся, тактично прикрывшись рукой, и ответил на это:

— Конечно. Но честно говоря, я сам социалист и даже…

— Коммунист?!

— Вот именно.

Улльхольм встал и, храня гробовое молчание, подошел к окну.

Он стоял там вот уже два часа и грустно глядел на злой, предательский мир, который его окружал.

Шверина оперировали трижды. Из его тела извлекли три пули, однако никто из бригады врачей, делавших операцию, не выглядел слишком веселым, а единственным ответом на робкие вопросы Рённа были лишь пожатия плечами.

Только минут пятнадцать назад один из хирургов вошел в палату и сказал:

— Если он вообще придет в сознание, то это произойдет сейчас, в течение ближайшего получаса.

— Он выкарабкается?

Врач долго смотрел на Рённа, потом сказал:

— Вряд ли. Хотя всякое может быть. Он физически крепкий, а общее состояние его почти удовлетворительное.

Рённ подавленно смотрел на пациента и размышлял над тем, как нужно выглядеть, чтобы врачи охарактеризовали твое состояние здоровья как не очень хорошее или даже плохое.

Он тщательно сформулировал два вопроса и для надежности записал их в своем блокноте.

Первый вопрос был: «Кто стрелял?» и второй: «Как он выглядел?»

Кроме того, Рённ поставил на стул у кровати переносной магнитофон, подключил микрофон и повесил его на спинку стула. Улльхольм не участвовал в этих приготовлениях и ограничивался лишь тем, что бросал в сторону Рённа критические взгляды со своего места у окна.

Часы показывали двадцать шесть минут третьего, когда медсестра внезапно склонилась над раненым и быстрым, нетерпеливым жестом подозвала обоих полицейских, другой рукой одновременно нажимая звонок.

Рённ поспешно схватил микрофон.

— Кажется, он просыпается, — сказала медсестра.

На лице раненого были заметны изменения. Веки и ноздри подрагивали.

— Да, — сказала медсестра. — Сейчас.

Рённ поднес к раненому микрофон.

— Кто стрелял? — спросил он.

Никакой реакции. Через несколько секунд Рённ повторил вопрос.

— Кто стрелял?

На этот раз губы раненого зашевелились, и он что-то сказал. Рённ выждал две секунды и спросил:

— Как он выглядел?

И на этот раз раненый пошевелил губами, причем ответ был более артикулированным.

В палату вошел врач.

Рённ уже открыл рот, чтобы повторить вопрос номер один, когда лежащий в кровати повернул голову влево. Нижняя челюсть у него отвисла, и кровавая слизь хлынула изо рта.

Рённ посмотрел на врача, который хмуро покачал головой.

Улльхольм приблизился и со злостью сказал:

— Из этого твоего допроса ничего не выжмешь. — Потом он громко и отчетливо оповестил: — Послушай, к тебе обращается старший ассистент Улльхольм…

— Он умер, — спокойно сказал Рённ.

Улльхольм уставился на него и произнес только одно слово:

— Халтурщик.

Рённ выдернул микрофон из гнезда и отнес магнитофон на подоконник. Осторожно крутя катушку пальцем, он перемотал ленту и нажал клавишу.

— Кто стрелял?

— Днрк.

— Как он выглядел?

— Акальсон.

— И что можно из этого извлечь? — сказал он.

Улльхольм не меньше десяти секунд смотрел на Рённа в упор, с упрямством и ненавистью. Потом он сказал:

— Извлечь? Я обвиняю тебя в неисполнении служебных обязанностей. Это серьезный проступок. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

Он повернулся и вышел из палаты. Сделал он это быстрым и энергичным шагом. Рённ проводил его озабоченным взглядом.

XV

Когда Мартин Бек открыл дверь управления полиции, у него буквально сбило дыхание, потому что порыв ледяного ветра швырнул ему в лицо горсть острых, как иглы, снежинок. Мартин Бек наклонил голову и поспешно застегнул пальто. Утром он не выдержал причитаний Инги и капитулировал перед ней, несколькими градусами мороза и собственной простудой, надев зимнее пальто. Он выше подтянул шерстяной шарф и двинулся в направлении центра.

Он пересек Агнегатан и в нерешительности остановился, пытаясь рассчитать, как лучше ехать. Он еще не успел изучить новые автобусные маршруты, которые появились одновременно с исчезновением трамваев и введением в сентябре правостороннего движения.

Возле него притормозил какой-то автомобиль. Гюнвальд Ларссон опустил стекло и закричал:

— Садись!

Мартин Бек с благодарностью уселся впереди.

— Уф, — простонал он, — снова начинается это мучение. Едва успеваешь заметить, что наступило лето, как уже снова приходит зима. Куда ты едешь?

— На Вестманнагатан, — ответил Гюнвальд, — побеседовать с дочкой той старухи из автобуса.

— Отлично, — сказал Мартин Бек. — Я выйду возле Саббатсбергской больницы.

Они переехали через мост, миновали старый торговый центр. За окнами вихрем кружились мелкие сухие снежинки.

— Такой снег совершенно бесполезен, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Он не будет долго лежать. Только видимость портит.

В отличие от Мартина Бека Гюнвальд Ларссон любил водить машину и был хорошим водителем.

Когда они ехали по Васагатан в направлении Норра-Банторгет, возле гуманитарного лицея на встречной полосе промелькнул двухэтажный автобус маршрута № 47.

— Бр-р, — вздрогнул Мартин Бек. — После всего этого мне становится не по себе от одного вида такого автобуса.

Гюнвальд Ларссон посмотрел в зеркало заднего вида.

— Это не такой, — сказал он, а немецкий, «Бюссинг». — Через минуту он спросил: — Может, поедешь со мной к жене Асарсона? Ну, того, с презервативами. Я буду там в три.

— Не знаю, — ответил Мартин Бек.

— Я подумал, ты ведь так или иначе будешь поблизости. Это ведь в нескольких домах от Саббатсбергской больницы. Потом я отвезу тебя обратно.

— Посмотрим. Это будет зависеть от того, когда я закончу беседовать с медсестрой.

На углу Далагатан и Тегнергатан их остановил человек в желтой защитной каске и с красным флажком в руке. На территории больницы в Саббатсберге продолжались работы, связанные с реконструкцией. Самые старые здания подлежали сносу, новые уже тянулись вверх. Сейчас как раз взрывали высокий скальный холм со стороны Далагатан. Когда еще разносилось эхо от взрывов, Гюнвальд Ларссон сказал:

— Почему бы им сразу не взорвать весь Стокгольм вместо того, чтобы делать это по частям? Они должны сделать так, как один американский политик, забыл как его зовут, призывает поступить с Вьетнамом: заасфальтировать все это дерьмо, нарисовать желтые полосы и устроить автостоянку. По-моему, нет ничего хуже, когда архитекторы дорываются до реализации своих планов.

Мартин Бек вышел из автомобиля у ворот в ту часть больницы, где находились родильный дом и гинекологическая клиника. Покрытая гравием площадка у дверей была пуста, но в окно за Мартином Беком наблюдала женщина в шубке из овчины. Она открыла дверь и сказала:

— Вы комиссар Бек? Я Моника Гранхольм.

Она стальным захватом сжала его руку и энергично принялась ее трясти. Ему казалось, что он почти слышит хруст своих размозженных костей. Интересно, подумал он, в обращении с новорожденными Моника тоже применяет такую физическую силу?

Роста она была такого же, как Мартин Бек, но выглядела гораздо привлекательнее, чем он. Кожа у нее была свежая и розовая, зубы крепкие и белые, волосы светло-каштановые,

густые и волнистые, а зрачки больших красивых глаз карие, под цвет волос. Все в ней казалось крупным, здоровым и крепким.

Погибшая в автобусе девушка была невысокой и хрупкой и должна была выглядеть заморышем рядом со своей сожительницей.

Они пошли рядом в направлении Далагатан.

— Вы не возражаете, если мы зайдем в «Васахоф» на противоположной стороне улицы, — предложила Моника Гранхольм. — Мне нужно что-нибудь перехватить, чтобы я была в состоянии говорить.

Время обеда уже закончилось, и в ресторане было много свободных столиков. Мартин Бек выбрал столик у окна, однако Моника предпочла сесть в глубине заведения.

— Не хочу, чтобы меня увидел кто-нибудь из больницы, — сказала она. — Вы не представляете себе, какие там у нас сплетни.

В подтверждение этого она угостила Мартина полным набором этих самых сплетен, одновременно с аппетитом поглощая огромную порцию мяса и картофельного пюре. Мартин Бек с завистью наблюдал за ней. Он, как всегда, не испытывал голода, но чувствовал себя плохо и пил кофе, чтобы окончательно ухудшить свое состояние. Он подождал, пока она насытится, и уже собирался заговорить об ее погибшей подруге, но тут Моника отодвинула тарелку и сказала:

— Ну, достаточно. Теперь можете спрашивать, а я постараюсь отвечать, если смогу. Но вы позволите мне сначала спросить вас кое о чем?

— Конечно, — сказал Мартин Бек, вынимая из кармана пачку «Флориды».

Моника покачала головой.

— Спасибо, я не курю. Вы уже поймали этого сумасшедшего?

— Нет, — ответил Мартин Бек, — еще нет.

— Вы понимаете, люди ужасно потрясены. У нас одна девушка боится ездить на работу автобусом. Она боится, что неожиданно появится психопат с ружьём. С тех пор как это произошло, она приезжает на работу и возвращается домой на такси. Постарайтесь его поймать. — Она с серьезным видом посмотрела на Мартина Бека.

— Мы стараемся.

Она кивнула.

— Это хорошо, — сказала она.

— Спасибо, — поблагодарил Мартин Бек, тоже с серьезным видом.

— Что вы хотите знать о Бритт?

— Вы хорошо ее знали? Вы долго жили вместе?

— Я знала ее лучше, чем кто-либо другой. Мы жили вместе три года, с тех пор как она начала работать в больнице. Она была прекрасной подругой и хорошей медсестрой. Физически работать она тоже умела, хотя была хрупкой. Она была очень хорошей медсестрой, о себе она никогда не думала.

Моника взяла со стола кофейник и долила кофе Мартину Беку.

— Спасибо, — сказал он. — А жених у нее был?

— Да, конечно, очень приятный парень. Они еще не обручились, но она уже готовила меня к тому, что вскоре это произойдет. Думаю, они собирались пожениться на Новый год. У него есть своя квартира.

— Они давно были знакомы?

Она задумчиво грызла ноготь.

— Не меньше десяти месяцев. Он врач. О девушках говорят, что они становятся медсестрами, чтобы иметь шанс выйти замуж за врача, но с Бритт было вовсе не так. Она отличалась ужасной робостью и даже боялась мужчин. Прошлой зимой ее освободили от работы из-за малокровия и общего упадка сил, и ей часто приходилось ходить на контрольные обследования. Тогда она и познакомилась с Бертилом. И сразу влюбилась без памяти. Она обычно говорила, что ее вылечила его любовь, а не его лечение.

Мартин Бек разочарованно вздохнул.

— Вам в этом что-то не нравится? — подозрительно спросила она.

— Нет-нет. У нее было много знакомых мужчин?

Моника Гранхольм улыбнулась и покачала головой.

— Ни одного, кроме тех, с которыми она встречалась в больнице, по работе. Она была очень холодная. По-моему, до Бертила у нее никого не было.

Она водила пальцем по столешнице. Потом наморщила лоб и посмотрела на Мартина Бека.

— Неужели вас интересует ее интимная жизнь? Какое это имеет отношение к происшедшему?

Мартин Бек вынул из внутреннего кармана бумажник и положил его на стол.

— В автобусе рядом с Бритт Даниельсон сидел мужчина. Это был полицейский, которого звали Оке Стенстрём. У нас имеются основания полагать, что они были знакомы и ехали вместе. Нас интересует, называла ли фрёкен Даниельсон когда-либо его фамилию?

Он достал из бумажника фотографию Стенстрёма и подвинул ее к Монике Гранхольм.

— Вы видели когда-нибудь этого человека?

Она пригляделась к фотографии и покачала головой. Потом поднесла ее ближе к глазам и еще раз внимательно посмотрела на нее.

— Да, конечно, — сказала она. — В газетах. Однако здесь он выглядит лучше. — Она вернула фотографию со словами: — Бритт не знала этого человека. В этом я могу почти поклясться. Абсолютно исключено, чтобы она позволила кому-нибудь, кроме жениха, проводить себя домой. Это просто было не в ее стиле.

Мартин Бек засунул бумажник в карман.

— Может быть, они дружили и…

Моника энергично покачала головой.

— Бритт была очень порядочная, робкая и, как я уже говорила, почти боялась мужчин. Кроме того, она по уши влюбилась в Бертила и ни на кого другого даже не взглянула бы. Ни на друга, ни на кого другого. К тому же я была единственным человеком, которому она доверяла, кроме Бертила, естественно. Она рассказывала мне обо всем. Мне очень жаль, герр комиссар, но, очевидно, это ошибка.

Она открыла сумочку и достала оттуда портмоне.

— Мне пора возвращаться к моим сосункам. У меня их семнадцать.

Она принялась рыться в кошельке, но Мартин Бек остановил ее движением руки.

— Это за счет государства, — сказал он.

Когда они стояли у ворот больницы, Моника Гранхольм предположила:

— Они, конечно, могли быть знакомы с детства или со школьных времен и случайно встретились в автобусе. Но об этом я могу только догадываться. Бритт жила в Эслёве до тех пор, пока ей не исполнилось двадцать лет. А откуда был родом этот полицейский?

— Из Халстахаммара, — сказал Мартин Бек. — Как фамилия того врача, Бертила?

— Персон.

— А где он живет?

— Гиллербакен, 22. В Рогсведе.

Немного поколебавшись, Мартин Бек протянул ей руку, для надежности не сняв перчатку.

— Передайте от меня благодарность государству за угощение, — сказала Моника Гранхольм, широким шагом поднимаясь по склону холма.

XVI

Автомобиль Гюнвальда Ларссона стоял на Тегнергатан возле дома номер сорок. Мартин Бек взглянул на часы и толкнул входную дверь.

Было двадцать минут четвертого. Это означало, что Гюнвальд Ларссон, который всегда старается быть точным, уже двадцать минут находится у фру Асарсон. И к этому времени он наверняка уже успел выведать все о жизни директора Асарсона, начиная с первого класса школы.

Методика допросов Гюнвальда Ларссона опиралась на правило начинать с самого начала и продвигаться вперед шаг за шагом. Эта методика могла, конечно, оказаться эффективной, но частенько она была всего лишь изматывающей и скучной.

Дверь квартиры открыл мужчина средних лет, одетый в темный костюм и при галстуке серебристого цвета. Мартин Бек назвал себя и показал служебный жетон. Мужчина протянул руку.

— Туре Асарсон, — представился он. — Я брат… умершего. Входите. Ваш коллега уже здесь.

Мужчина подождал, пока Мартин Бек повесит пальто, и вошел впереди него в широкую раздвижную дверь.

— Дорогая Мерта, это комиссар Бек.

Гостиная была большая и довольно темная. На низкой золотистой кушетке длиной не меньше трех метров сидела худощавая женщина в черном трикотажном костюме, с бокалом в руке. Она поставила бокал на стоящий возле кушетки низенький черный столик с мраморной столешницей и подала Мартину Беку руку, изогнув ладонь так, словно ждала поцелуя. Мартин Бек неловко пожал безвольные пальцы и пробормотал:

— Примите мои соболезнования, уважаемая фру.

По другую сторону мраморного столика стояли три низких розовых кресла, в одном из которых с довольно странным выражением лица сидел Гюнвальд Ларссон. Только тогда, когда Мартин Бек после любезного кивка хозяйки сам уселся в такое же кресло, он понял, что угнетает Гюнвальда Ларссона.

Дело в том, что конструкция кресла вынуждала сидящего принять горизонтальное положение, а было бы несколько странно проводить допрос лежа. Гюнвальд Ларссон сложился, как перочинный ножик, что требовало значительных усилий. Лицо у него было красным, он зло глядел на Мартина между торчащих перед ним, как альпийские вершины, колен.

Мартин Бек сначала поджал ноги влево, потом вправо, после чего попытался скрестить их и убрать под кресло, однако оно оказалось слишком низким. В конце концов он улегся в той же позе, что и Ларссон.

Вдова за это время успела опорожнить бокал и подала его деверю для того, чтобы он снова его наполнил. Деверь испытующе поглядел на нее и принес с ночного столика графин и чистый бокал.

— Позвольте предложить вам бокал шерри, комиссар, — сказал он.

Прежде чем тот успел отказаться, он наполнил бокал и поставил перед Мартином Беком.

— Я как раз спрашивал фру Асарсон, знает ли она, почему ее муж в понедельник вечером ехал в том автобусе, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— А я ответила вам то же самое, что сказала субъекту, который был настолько бестактен, что принялся задавать вопросы о моем муже через секунду после того, как сообщил о его смерти. Не знаю.

Она сделала движение бокалом в направлении Мартина Бека и осушила его одним глотком. Мартин Бек попытался дотянуться до своего бокала, но промахнулся и снова упал в кресло.

— А вам известно, где ваш муж был раньше в тот вечер? — спросил он.

Хозяйка поставила бокал, взяла из стоящей на столе зеленой стеклянной шкатулки сигарету с оранжевой гильзой и золотым фильтром, размяла ее в пальцах, несколько раз постучала ею по крышке шкатулки и подождала, пока деверь подаст ей огонь. Мартин Бек заметил, что она не вполне трезва.

— Да, известно, — сказала она. — Он был на собрании. В шесть часов мы пообедали, потом он переоделся и около семи ушел.

Гюнвальд Ларссон вынул листок бумаги и авторучку. Ковыряя ею в ухе, он спросил:

— На собрании? Каком именно и где?

Асарсон посмотрел на невестку и, поскольку она не отвечала, пришел ей на выручку.

— На собрании кружка под названием «Верблюды». Кружок состоит из девяти членов, которые дружат со времен совместной учебы в морской школе кадетов. Они обычно собирались у директора Шёберга на Нарвавеген.

— «Верблюды», — с подозрением повторил Гюнвальд Ларссон.

— Да, — объяснил Асарсон, — они обычно приветствовали друг друга словами: «Как дела, старый верблюд?», отсюда и название «Верблюды».

Вдова бросила на деверя критический взгляд.

— Это содружество на идеологической основе, — сказала она. — Они занимаются благотворительной деятельностью.

— Вот как? — произнес Гюнвальд Ларссон. — Какой именно, к примеру?

— Это тайна, — ответила фру Асарсон. — Даже мы, жены, об этом не знаем.

Мартин Бек, ощущая на себе взгляд Ларссона, спросил:

— Вам известно, в котором часу директор Асарсон ушел с Нарвавеген?

— Известно. Я не могла уснуть и около двух встала, чтобы сделать глоточек на ночь. Тут я увидела, что Гесты еще нет дома, и позвонила Винтику, они так называют директора Шёберга, и Винтик сказал мне, что Геста ушел около половины одиннадцатого.

Она замолчала и положила сигарету.

— Как вам кажется, куда ваш муж ехал в автобусе маршрута № 47? — спросил Мартин Бек.

Асарсон испуганно посмотрел на него.

— Естественно, он ехал к какому-нибудь клиенту. Мой муж был очень энергичным и много работал в фирме. Туре ее совладелец. Нередко мужу приходилось заниматься делами фирмы даже по ночам. Например, когда кто-нибудь приезжал из провинции и должен был только на одну ночь остановиться в Стокгольме и… — Она замолчала, подняла свой пустой бокал и принялась вертеть его в руке.

Гюнвальд Ларссон был занят тем, что делал записи на листке бумаги. Мартин Бек выпрямил ногу и помассировал колено.

— У вас есть дети? — спросил он.

Фру Асарсон подвинула бокал деверю, чтобы тот его наполнил, однако деверь не глядя поставил бокал на ночной столик. Она окинула его обиженным взглядом, с трудом поднялась и стряхнула с юбки пепел.

— Нет, комиссар Пек. Мой муж, к сожалению, не смог подарить мне детей.

Она около минуты глядела горящими глазами в какую-то точку за левым ухом Мартина Бека. Несколько раз моргнула, потом посмотрела на него самого.

— Ваши родители американцы, герр Пек? — спросила она.

— Нет, — ответил Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон по-прежнему писал. Мартин Бек вытянул шею и заглянул в листок. Он был покрыт изображениями верблюдов.

— Прошу прощения, комиссар Пек и Ларссон, мне нужно уйти, — сказала фру Асарсон и неуверенным шагом направилась к двери. — До свидания, мне было очень приятно, — заплетающимся языком пробормотала она и закрыла за собой дверь.

Гюнвальд Ларссон спрятал авторучку и листок с намалеванными верблюдами, выкарабкался из кресла и спросил, не глядя на Асарсона:

— С кем он спал?

— С Эйвор Ольсон, она работает в офисе фирмы, — ответил Асарсон, бросив быстрый взгляд в сторону закрытой двери.

XVII

Вряд ли можно было сказать что-нибудь хорошее о той неприятной среде.

Как и следовало ожидать, вечерние газеты раскопали историю со Шверином и изложили ее в обширных репортажах, нашпигованных подробностями и саркастическими намеками в адрес полиции.

«Расследование зашло в тупик. Полиция втихомолку спрятала главного свидетеля. Полиция бессовестно обманула прессу и общественность».

«Если пресса и Великий Детектив — Общественное Мнение — не получают точной информации, то каким образом полиция может рассчитывать на их помощь?»

Единственная вещь, о которой не упоминали газеты, была смерть Шверина, однако это объяснялось, по-видимому, лишь длительностью процессов набора и печати.

Каким-то образом им также удалось разнюхать горькую правду о неудовлетворительном состоянии места преступления, когда туда прибыли специалисты из Института судебной экспертизы.

«Драгоценное время было упущено!»

К несчастью, групповое убийство совпало с запланированным несколько недель назад обыском киосков и табачных лавочек с целью обнаружить порнографическую литературу, оскорбляющую общественную мораль.

Одна из газет язвительно сообщила на первой полосе, что по городу носится охваченный исступлением психически больной убийца, население в панике, горячие следы остывают, а в это время целая армия духовных наследников Олафа Бергстрёма[5] с топотом мечется по городу, разглядывает порнографические открытки и, почесывая в затылке, пытается разобраться в путаной инструкции Министерства юстиции и понять, что следует считать оскорблением общественной морали, а что — нет.

Колльберг пришел на Кунгсхольмсгатан около четырех часов дня. У него были кристаллики льда в волосах и бровях, угрюмое выражение лица и пачки газет под мышкой.

— Имей мы столько информаторов, сколько развелось писак, можно было бы даже пальцем не шевелить, — сказал он.

— Все дело в деньгах, — заметил Меландер.

— Сам знаю. Но разве это помогло бы?

— Нет, — ответил Меландер. — Однако это самое простое объяснение.

Он вытряхнул пепел из трубки и углубился в свои бумаги.

— Ты, наконец, поговорил уже с психологами? — о кислой миной поинтересовался Колльберг.

— Да, — не поднимая головы, ответил Меландер. — Протокол сейчас перепечатывают.

В штаб-квартире расследования появилось новое лицо. Треть обещанного пополнения только что прибыла. Монссон из Мальмё.

Монссон был почти такого же роста, как Гюнвальд Ларссон, однако внешне выглядел гораздо менее устрашающе. Из Сконе он приехал на собственном автомобиле. Причем вовсе не для того, чтобы получить ничтожную компенсацию в сорок шесть эре за один километр, а потому, что совершенно справедливо полагал, что было бы неплохо иметь в своем распоряжении автомобиль с буквой «М» на номерном знаке.

Теперь он стоял у окна и глядел на улицу, одновременно жуя зубочистку.

— Для меня есть какая-нибудь работа? — спросил он.

— Да. Мы не успели допросить несколько человек. Например, фру Эстер Кельстрём, вдову одной из жертв.

— Вдову слесаря Юхана Кельстрёма?

— Да. Она живет на Карлбергсвеген, 89.

— А где находится Карлбергсвеген?

— Вон там висит план, — усталым голосом сказал Колльберг.

Монссон положил изжеванную зубочистку в пепельницу Меландера, вынул из внутреннего кармана новую и с хмурым видом осмотрел ее. С минуту он изучал план города, потом надел плащ. В дверях он обернулся и посмотрел на Колльберга.

— Послушай.

— Да, в чем дело?

— Тут есть какой-нибудь магазин, где можно купить ментоловые зубочистки?

— Не знаю.

— Ага, — удрученно сказал Монссон. Перед тем как выйти, он добавил: — Но ведь должны же они здесь быть. Дело в том, что я недавно бросил курить.

Когда дверь за ним закрылась, Колльберг посмотрел на Меландера и сказал:

— Я однажды уже встречался с этим субъектом. В Мальмё, прошлым летом. Тогда он сказал то же самое.

— О зубочистках?

— Да.

— Странно.

— Что?

— То, что за целый год он не смог проверить, продаются ли они.

— Эх, ты безнадежен, — сказал Колльберг.

Меландер принялся набивать трубку. Все еще не поднимая взгляда, он сказал:

— У тебя плохое настроение?

— Конечно, черт возьми, — ответил Колльберг.

— Злиться бессмысленно. В таком состоянии все валится из рук.

— Тебе легко говорить, — ответил Колльберг, — потому что ты флегматик.

Меландер не отреагировал на это, и разговор закончился.

Несмотря на все утверждения о чинимых полицией препятствиях, Великий Детектив — Общественность — действовал без устали целый день.

Сотни людей звонили или приходили лично, чтобы сообщить, что они, предположительно, ехали в том автобусе, в котором произошло групповое убийство.

Всю эту информацию нужно было перемолоть в мельницах допросов, и только в одном случае этот труд оказался не напрасным.

Мужчина, который сел в двухэтажный автобус возле Юргордсброн в понедельник вечером около десяти часов, заявил о готовности присягнуть, что видел Стенстрёма. Он сделал это заявление по телефону Меландеру, и тот сразу же вызвал его.

Это был мужчина лет пятидесяти. Судя по всему, он был абсолютно уверен в том, что говорит.

— Значит, вы видели ассистента Стенстрёма?

— Да.

— Когда?

— Тогда, когда я сел возле Юргордсброн. Он сидел слева за водителем.

Мужчина был прав, однако Меландер не подал виду. Сведения о том, как сидели жертвы, еще не просочились в прессу.

— Вы уверены, что это был он?

— Да.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Я узнал его. Когда-то я работал ночным вахтером.

— Да, — сказал Меландер. — Пару лет назад вы сидели в вестибюле старого здания управления полиции на Агнегатан. Я припоминаю вас.

— Это правда, — удивился допрашиваемый. — А я вас не помню.

— Я видел вас только два раза, — сказал Меландер. — И мы с вами никогда не разговаривали.

— Однако Стенстрёма я прекрасно помню. Потому что… — Он замялся.

— Я вас слушаю, — благожелательно ободрил его Меландер. — Потому что?..

— Он выглядел так молодо и был одет в джинсы и спортивную куртку, поэтому я подумал, что он не является сотрудником полиции, и хотел проверить у него документы. И…

— Да?

— Через неделю я сделал ту же ошибку. Это было досадно.

— Ну ничего, бывает. А теперь, когда вы увидели его позавчера вечером, он узнал вас?

— Нет. Наверняка нет.

— Рядом с ним кто-нибудь сидел?

— Нет, место рядом было пустым. Я отлично это помню, потому что вначале хотел поздороваться с ним и сесть рядом. Но потом решил, что с моей стороны это было бы невежливо.

— Жаль. Вы вышли на Сергельсторг?

— Да. Там я пересел в метро.

— А Стенстрём остался?

— Да, наверное. Во всяком случае я не видел, чтобы он выходил.

— Вы позволите предложить вам чашечку кофе?

— Конечно, спасибо, — поблагодарил допрашиваемый.

— Я буду вам весьма обязан, если вы не откажетесь взглянуть на несколько фотографий, — сказал Меландер. — К сожалению, они довольно неприятные.

— Понимаю, — пробормотал свидетель.

Он посмотрел на фотографии. При этом он побледнел и несколько раз сглотнул слюну. Единственным человеком, которого он опознал, был Стенстрём.

Через минуту явились почти одновременно Мартин Бек, Гюнвальд Ларссон и Рённ.

— Ну, — сказал Колльберг, — Шверин…

— Да, — ответил Рённ. — Умер.

— Ну и?..

— Он что-то сказал.

— Что?

— Не знаю, — ответил Рённ и поставил магнитофон на стол.

Они стояли вокруг стола и слушали.

— Кто стрелял?

— Днрк.

— Как он выглядел?

— Акальсон.

— Из этого твоего допроса ничего не выжмешь. Послушай, к тебе обращается старший ассистент Улльхольм…

— Он умер.

— О, дьявол, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Мне хочется блевать, когда я слышу этот голос. Однажды он обвинил меня в служебном проступке.

— А что ты сделал? — спросил Рённ.

— Выругался в дежурке полицейского участка округа Клара. Двое парней приволокли голую девку. Она была мертвецки пьяна, визжала, как ненормальная, и в машине сорвала с себя одежду. Я пытался им объяснить, что они должны были хотя бы одеяло набросить на эту б…, прежде чем приводить ее в участок. А Улльхольм заявил, что я нанес моральную травму женщине, причем несовершеннолетней, этим грубым, вульгарным словом. Он тогда был дежурным. Потом он перевелся в Сольну, чтобы быть поближе к лону.

— Лону природы?

— Нет, думаю, к лону собственной жены.

Мартин Бек еще раз запустил магнитофонную лепту.

— Кто стрелял?

— Днрк.

— Как он выглядел?

— Акальсон.

— Ты сам придумал эти вопросы? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Да, они у меня записаны здесь, — робко сказал Рённ.

— Прекрасно.

— Он пришел в сознание только на полминуты, — обиженно произнес Рённ. — Потом он умер.

Мартин Бек еще раз воспроизвел запись. Потом еще и еще.

— Черт его знает, что он бормочет, — сказал Колльберг.

Он не успел побриться и задумчиво почесывал щетину на подбородке.

Мартин Бек обратился к Рённу.

— А ты как считаешь? Ты ведь там был.

— Ну, — сказал Рённ, — я считаю, что он понял вопросы и пытался ответить.

— Ну и?

— И на первый вопрос он ответил отрицательно, например, «не знаю» или «я не узнал его».

— Черт его знает, как ты сумел догадаться о таком ответе по этому «днрк», — изумленно сказал Гюнвальд Ларссон.

Рённ покраснел и неуверенно заерзал.

— Да, — сказал Мартин Бек, — почему ты пришел к подобному выводу?

— Не знаю, — ответил Рённ. — У меня сложилось такое впечатление.

— Ага, — произнес Гюнвальд Ларссон. — И что же дальше?

— На второй вопрос он четко ответил: «Акальсон».

— Да, — сказал Колльберг. — Я это слышал. Но что он имел в виду?

Мартин Бек кончиками пальцев массировал лоб у корней волос.

— Акальсон, — задумчиво произнес он, — или, возможно, Якобсон.

— Он сказал: «Акальсон», — уперся Рённ.

— Верно, — согласился Колльберг, — но такой фамилии не существует.

— Нужно проверить, — сказал Меландер. — Может, такая фамилия существует. А теперь…

— Ну?

— Теперь мы, полагаю, должны передать ленту специалистам. Если наша лаборатория не справится, нужно будет обратиться на радио. Там у звукооператоров аппаратура получше. Они могут разделить звуки на ленте, проверить ее на разных скоростях.

— Согласен, — сказал Мартин Бек, — это хорошая мысль.

— Только сперва сотрите этого Улльхольма, — сказал Гюнвальд Ларссон, — а то выставим себя на всеобщее посмешище. — Он огляделся по сторонам. — А где этот желторотый Монссон?

— Наверное, заблудился, — ответил Колльберг. — Все же надо было объяснить ему, как туда добраться. — Он тяжело вздохнул.

Вошел Эк, в задумчивости поглаживая свои серебристые волосы.

— Что там еще? — спросил Мартин Бек.

— Газеты жалуются, что не получили фотографии того мужчины, которого до сих пор не опознали.

— Ты ведь сам знаешь, как он выглядел на этой фотографии, — сказал Колльберг.

— Да, но…

— Погоди, — перебил его Меландер. — Можно дать описание. Возраст тридцать пять-сорок лет, рост метр семьдесят один, вес шестьдесят девять килограммов, сорок второй размер обуви, глаза карие, шатен. Имеется шрам после удаления аппендикса. Темные волосы на груди и животе. Старый шрам на стопе. Зубы… нет, об этом лучше не упоминать.

— Я отправлю им это, — выходя сказал Эк.

Примерно минуту все молчали.

— Фредрику удалось кое-что установить, — наконец сказал Колльберг. — Оказывается, Стенстрём уже сидел в автобусе, когда проезжал по Юргордсброн. Следовательно, он ехал из Юргордена.

— За каким чертом его туда понесло? — удивился Гюнвальд Ларссон. — Вечером? В такую погоду?

— Я тоже кое-что выяснил, — сказал Мартин Бек. — Вероятнее всего, он не был знаком с той медсестрой.

— Это точно? — спросил Колльберг.

— Нет.

— На Юргордсброн он был один, — добавил Меландер.

— Рённ тоже кое-что установил, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Что именно?

— То, что «днрк» означает «я не узнал его», я уже не говорю о человеке по фамилии Акальсон…

Это было все, что удалось установить в среду, пятнадцатого ноября.

Шел снег. Падали большие мокрые хлопья. Уже было совершенно темно.

Конечно, фамилии Акальсон нет. По крайней мере, в Швеции.

В четверг им вообще ничего не удалось установить.

В четверг вечером, когда Колльберг вернулся к себе домой на Паландергатан, было уже больше одиннадцати. Жена читала, сидя у торшера. На ней был коротенький халатик, она устроилась в кресле, поджав под себя ноги.

— Привет, — поздоровался Колльберг, — Ну, как там твои курсы испанского?

— Естественно, никак. Даже смешно представить себе, что вообще можно чем-то заниматься, будучи женой полицейского.

Колльберг нс ответил. Он быстро разделся и отправился в ванную. Побрился, принял душ, долго обливался водой, надеясь, что разъяренный сосед не позвонит в полицию и не обвинит его в том, что, пустив воду, он нарушил ночную тишину. Потом он надел купальный халат, пошел в комнату и, усевшись напротив жены, принялся задумчиво смотреть на нее.

— Давненько я тебя не видела, — сказала она, не поднимая глаз от книжки. — Как там у вас дела?

— Паршиво.

— Жаль. Просто не верится, что в центре города в автобусе кто-то может застрелить несколько человек, просто так, без всякой причины. А в это время полиция не находит ничего лучше, как устраивать глупейшие облавы. Это просто удивительно.

— Да, — согласился Колльберг. — Это в самом деле удивительно.

— Кроме тебя, есть еще хотя бы один человек, который тридцать шесть часов не был дома?

— Возможно, есть.

Она продолжала читать, а он молча сидел минут десять, может быть, даже пятнадцать, не сводя с нее глаз.

— Что это ты так на меня уставился? — спросила она, по-прежнему не глядя на него, но в голосе у нее появились веселые нотки.

Колльберг не ответил, и со стороны казалось, что она целиком погрузилась в чтение. Она была темноволосая и кареглазая, с правильными чертами лица и густыми бровями. Она была на четырнадцать лет моложе него, недавно ей исполнилось двадцать девять, и она, как и всегда, казалась ему очень красивой. Наконец он сказал:

— Гюн?

Впервые с того момента, как он вошел в дом, она посмотрела на него, со слабой улыбкой и бесстыдным чувственным блеском в глазах.

— Да?

— Встань.

— Пожалуйста.

Она загнула уголок страницы, до которой успела дочитать, закрыла книгу и положила ее на подлокотник кресла. Поднялась и встала перед ним, не сводя с него взгляда, опустив руки и широко расставив босые ноги.

— Отвратительно, — сказал он.

— Что отвратительно? Я?

— Нет. Отвратительно, когда загибают страницы книги.

— Это моя книга, — сказала она. — Я купила ее за свои собственные деньги.

— Разденься.

Она подняла руку к воротнику и начала расстегивать пуговицы, медленно, одну за другой. По-прежнему не отводя от него взгляда, она распахнула легкий халатик и сбросила его на пол.

— Повернись, — сказал он.

Она повернулась к нему спиной.

— Ты красивая.

— Благодарю. Мне так стоять?

— Нет. Спереди ты лучше.

— Неужели?

Она повернулась кругом и посмотрела на него с тем же самым вызывающим выражением лица.

— А на руках ты умеешь стоять?

— Во всяком случае умела до того, как с тобой познакомилась. Потом в этом уже не было необходимости. Попробовать?

— Не нужно.

— Но я могу это сделать.

Она подошла к стене, наклонилась и встала на руки, головой вниз. Внешне без всякого труда. Колльберг с интересом глядел на нее.

— Мне так стоять? — спросила она.

— Нет, не нужно.

— Но я охотно буду стоять, если это тебя развлекает. Если я потеряю сознание, прикрой меня чем-нибудь. Набрось на меня что-нибудь сверху.

— Нет, не нужно, встань.

Она ловко встала на ноги и бросила на него взгляд через плечо.

— А если бы я сфотографировал тебя в таком виде, — спросил он; — что ты на это сказала бы?

— Что ты подразумеваешь под словами «в таком виде»? Голую?

— Да.

— Вверх ногами?

— Предположим.

— У тебя ведь нет фотоаппарата.

— Действительно, нет. Однако это неважно.

— Конечно можешь, если у тебя есть такое желание. Ты можешь делать со мной все, что тебе заблагорассудится. Я ведь уже сказала тебе это два года назад.

Он не ответил. А она по-прежнему стояла у стены.

— А что ты сделал бы с этими фотографиями?

— Вот в этом-то все и дело.

Она подошла к нему и сказала:

— Теперь, по-моему, самое время спросить, зачем, собственно, тебе все это нужно. Если ты хочешь переспать со мной, то у нас ведь есть прекрасная кровать, а если она тебя уже не устраивает, то диван тоже замечательный. Мягкий и пушистый. Я сама его сделала.

— У Стенстрёма в письменном столе была целая кипа таких фотографий.

— На работе?

— Да.

— Чьих?

— Его девушки.

— Осы?

— Да.

— Наверное, это было не слишком приятное зрелище?

— Ну, я бы не сказал.

Она нахмурила брови.

— Вопрос в том, зачем они понадобились, — сказал Колльберг.

— Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Не знаю. Но я не могу это объяснить.

— Может, ему просто нравилось разглядывать их.

— Мартин тоже так говорит.

— По-моему, гораздо благоразумнее было бы иногда приезжать домой и смотреть живьем.

— Мартин тоже не всегда проявляет благоразумие. Например, он беспокоится о нас с тобой. По нему это видно.

— О нас? Почему?

— Наверное, потому, что тогда, в пятницу вечером, я вышел один.

— А он что, никогда не выходит из дому без жены?

— Тут что-то не так, — сказал Колльберг. — Со Стенстрёмом и теми фотографиями.

— Почему? У мужчин бывают разные причуды. Она хорошо выглядела на тех фотографиях?

— Да.

— Очень хорошо?

— Да.

— Знаешь, что мне следовало бы сказать?

— Да.

— Но я этого не скажу.

— Не скажешь. Это я тоже знаю.

— Что же касается Стенстрёма, то, возможно, он хотел показать фотографии приятелям. Похвастать.

— Вряд ли. Он не был таким.

— А зачем ты вообще ломаешь себе над этим голову?

— Сам не знаю. Может быть, потому, что у нас нет никаких мотивов.

— А это, значит, ты называешь мотивами? Думаешь, кто-то застрелил Стенстрёма из-за этих фотографий? Зачем же в таком случае ему понадобилось убивать еще восемь человек?

Колльберг долго смотрел на нее.

— Верно, — сказал он. — Резонный вопрос.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Может быть, ляжем, — предложил Колльберг.

— Прекрасная мысль. Я только приготовлю бутылку для Будиль. Это займет максимум тридцать секунд. Согласно инструкции. Увидимся в постели. А может, на полу или в ванне, где тебе угодно.

— В постели.

Она пошла в кухню. Колльберг встал и погасил торшер.

— Леннарт!

— Да?

— Сколько лет Осе?

— Двадцать четыре.

— Ага. Вершины сексуальной активности женщина достигает между двадцатью девятью и тридцатью двумя годами. Так утверждает американский сексолог Кинси.

— А мужчина?

— Около восемнадцати лет.

Он слышал, как она размешивает кашу в кастрюльке. Потом она добавила:

— Но для мужчин это определено не с такой точностью, у них бывает по-разному. Если, конечно, это может тебя успокоить.

Колльберг наблюдал за своей женой через приоткрытую дверь кухни. Его жена была длинноногой женщиной с нормальной фигурой и спокойным характером. Она была именно такой, какую он всегда искал, но эти поиски заняли у него больше двадцати лет, и еще один год дополнительно понадобился ему для того, чтобы наконец решиться.

Она уже едва себя сдерживала, ей трудно было спокойно стоять на одном месте.

— Тридцать секунд, — пробормотала она. — Бессовестные лгуны.

Колльберг улыбнулся в темноте. Он знал, что через минуту сможет наконец забыть о Стенстрёме и красном двухэтажном автобусе. Впервые за последние три дня.

Мартину Беку не понадобилось двадцать лет для того, чтобы найти себе жену. Он познакомился с ней шестнадцать лет назад, она сразу же забеременела, и они так же быстро поженились.

Сейчас она стояла в дверях спальни, словно «мене, текел»[6], в помятой ночной рубашке, со следом подушки на лице.

— Ты кашляешь и сморкаешься так, что весь дом просыпается, — сказала она.

— Извини.

— И зачем ты куришь ночью? У тебя ведь и без того горло болит.

Он погасил сигарету и сказал:

— Мне жаль, что я разбудил тебя.

— Это не имеет значения. Самое главное, чтобы ты снова не подхватил воспаление легких. Будет лучше, если завтра ты останешься дома.

— Мне трудно это сделать.

— Пустые слова. Если ты болен, значит, не можешь работать. Надеюсь, в полиции есть еще кто-то, кроме тебя. К тому же, по ночам ты должен спать, а не читать старые рапорты. То убийство в такси ты никогда не раскроешь. Уже половина второго! Убери эту потрепанную старую тетрадь и погаси свет. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — машинально сказал Мартин Бек, обращаясь к уже закрытой двери спальни.

Он нахмурился и отложил в сторону скоросшиватель с рапортами. Ошибкой было называть его потрепанной старой тетрадкой, поскольку это были протоколы вскрытия трупов; он получил их вчера вечером перед тем как уйти домой. Хотя пару месяцев назад он действительно не спал по ночам, просиживая над материалами дела об убийстве таксиста с целью ограбления, совершенном двенадцать лет назад.

Несколько минут он лежал неподвижно, разглядывая потолок. Услышав похрапывание жены в спальне, он быстро встал и на цыпочках вышел в прихожую. Положил руку на телефон, немного постоял, потом пожал плечами, поднял трубку и набрал номер Колльберга.

— Колльберг, — услышал он запыхавшийся голос Гюн.

— Привет. Там Леннарта поблизости нет?

— Есть. Причем ближе, чем ты можешь себе представить.

— В чем дело? — спросил Колльберг.

— Я помешал тебе?

— Ну, можно сказать, что да. Какого черта тебе надо в такое время?

— Послушай, помнишь, что было прошлым летом после убийства в парке?

— Конечно.

— У нас тогда не было работы, и Хаммар велел, чтобы мы просмотрели старые нераскрытые дела. Припоминаешь?

— О Боже, ну конечно же припоминаю. Ну и что?

— Я взял дело об убийстве таксиста в Буросе, а ты занялся старичком из Эстермальма, который исчез семь лет назад.

— Да. И ты звонишь, чтобы сказать мне об этом?

— Нет. Ты не помнишь, чем занялся Стенстрём? Он тогда как раз вернулся из отпуска.

— Понятия не имею. Я думал, он сказал тебе, чем занялся.

— Нет, он никогда не упоминал об этом.

— Ну, значит, он наверняка говорил об этом Хаммару.

— Да, конечно. Ты прав. Ну, пока. Извини, что я тебя разбудил.

— Иди к черту.

Мартин Бек услышал щелчок в трубке. Он еще немного постоял, прижимая трубку к уху, потом положил ее и побрел к своему дивану.

Он погасил свет и долго лежал в темноте с чувством собственной глупости.

XVIII

Вопреки всем ожиданиям, утро пятницы началось с новости, которая вдохнула определенные надежды.

Мартин Бек принял эту новость по телефону, и остальные услышали его слова:

— Что? Установили? В самом деле?

Все бросили работу и уставились на говорившего. Мартин Бек положил трубку и сказал:

— Баллистическая экспертиза закончена.

— Ну?

— Тип оружия установлен.

— Ага, — невозмутимо сказал Колльберг.

— Армейский автомат, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Они тысячами лежат на никем не охраняемых складах. С таким же успехом их можно было бесплатно раздать преступникам, чтобы сэкономить на новых замках, которые приходится менять каждую неделю. Мне понадобится всего полчаса, чтобы съездить в город и купить целую дюжину автоматов.

— Это не совсем так, — сказал Мартин Бек, взяв лист бумаги, на котором сделал пометки. — «Суоми», тридцать седьмая модель.

— Это еще что такое? — спросил Меландер.

— Автомат старого образца с деревянным прикладом, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Я не видел их с сорокового года.

— Он изготовлен в Финляндии или здесь, по финской лицензии? — спросил Колльберг.

— В Финляндии, — ответил Мартин Бек. — Человек, который звонил, говорит, что это совершенно точно. Патроны тоже старые, они изготовлены фирмой «Тиккакоски — Швейные машины».

— Тридцать седьмая модель, — повторил. Колльберг. — С тридцатисемизарядным магазином. Трудно представить себе, у кого сегодня может быть такой автомат.

— Сегодня ни у кого, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Сегодня он уже лежит на дне Стрёммен. В тридцати метрах под водой.

— Возможно, — сказал Мартин Бек. — Но у кого он был четыре дня назад?

— У какого-то сумасшедшего финна, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Надо устроить облаву и схватить всех сумасшедших финнов, которые живут в этом городе. Веселая работенка.

— Прессе сообщим об этом? — спросил Колльберг.

— Нет, — предупредил Мартин Бек. — Прессе ни слова.

Воцарилось молчание. Это была первая зацепка. Сколько понадобится времени, чтобы найти вторую?

Дверь распахнулась, в кабинет вошел молодой человек и с любопытством осмотрелся вокруг. В руке у него был серый конверт.

— К кому? — спросил Колльберг.

— К Меландеру, — ответил молодой человек.

— К старшему ассистенту Меландеру, — поправил его Колльберг. — Вон он сидит.

Молодой человек положил конверт на письменный стол Меландера. Он уже собрался выйти, как вдруг Колльберг сказал:

— Что-то я не слышал, чтобы ты стучал.

Молодой человек, который уже взялся за дверную ручку, замер, но ничего не ответил. В наступившей тишине Колльберг медленно и отчетливо, словно давал пояснения ребенку, произнес:

— Перед тем как войти в комнату, следует постучать в дверь, подождать, когда ответят «войдите», и только после этого входить. Понятно?

— Да, — буркнул молодой человек, глядя на ноги Колльберга.

— Это хорошо, — сказал Колльберг и повернулся к нему спиной.

Молодой человек быстро выскользнул за дверь и бесшумно закрыл ее за собой.

— Кто это? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Колльберг пожал плечами.

— Он чем-то напоминает Стенстрёма, — добавил Гюнвальд Ларссон.

Меландер вынул изо рта трубку, открыл конверт и вытащил оттуда зеленую книгу сантиметровой толщины.

— Что это? — поинтересовался Мартин Бек.

Меландер перелистал зеленую книгу.

— Заключение психологов, — объяснил он. — Я попросил переплести его.

— Ага, — сказал Гюнвальд Ларссон. — У них тоже имеются гениальные версии? Наш несчастный преступник, совершивший групповое убийство, якобы однажды в переходном возрасте вынужден был отказаться от поездки в автобусе, так как у него не было денег на билет, и это событие оставило такой глубокий след в его впечатлительной душе…

Мартин Бек прервал тираду Ларссона.

— В этом нет ничего смешного, Гюнвальд, — сухо сказал он.

Колльберг бросил на него быстрый удивленный взгляд и обратился к Меландеру:

— Ну и что там у тебя в этой книге?

Меландср вытряхнул из трубки пепел на листок бумаги, сложил его и выбросил в корзину.

— В Швеции прецедентов не было, — сказал он. — Разве что если углубиться в прошлое вплоть до времен Нордлунда и бойни на пароходе «Принц Карл».[7] Им пришлось опираться исключительно на американские исследования за последние несколько десятков лет. — Он продул трубку и продолжил, набивая ее: — У американских психологов, в отличие от наших, нет недостатка в материале для подобного рода исследований. Здесь упомянуты среди прочих душитель из Бостона; Спек, убивший в Чикаго восемь медсестер; Уитмен, выстрелами с вышки убивший шестнадцать человек, а ранивший намного больше; Анрэг, который вышел на улицу в Нью-Джерси и за двенадцать минут застрелил тринадцать человек, и множество других случаев, о которых вам наверняка известно из газет. — Он перелистал зеленую книгу.

— Групповые убийства — это, кажется по части американцев, — заметил Гюнвальд Ларссон.

— Да, — согласился Меландер, — в этом труде излагаются несколько довольно правдоподобных теорий, обобщающих это явление.

— Апология насилия, — произнес Колльберг. — Общество карьеристов. Продажа оружия по почте. Грязная война во Вьетнаме.

Меландер сделал затяжку и кивнул.

— Среди всего прочего, — согласился он.

— Я где-то читал, — сказал Колльберг, — что на тысячу американцев имеются один-два потенциальных преступника, способных совершить групповые убийства. Интересно, каким образом им удалось это установить.

— Анкетный опрос, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Это тоже американская выдумка. Обходят дома и расспрашивают людей, как им кажется, способны ли они совершить групповое убийство. Двое из тысячи отвечают: «Да, мне кажется это приятным».

Мартин Бек высморкался и покрасневшими глазами с раздражением посмотрел на Гюнвальда Ларссона.

Меландер откинулся назад и распрямил ноги.

— А что твои психологи говорят о характерных чертах такого убийцы?

Меландер отыскал нужную страницу и прочел:

— Ему чаще всего меньше тридцати лет, он робкий и недоразвитый, хотя окружающие считают его хорошо воспитанным и сообразительным. Иногда он пьющий, но чаще является абстинентом. Предполагается, что он небольшого роста, с каким-нибудь физическим дефектом, который выделяет его из общей массы. В обществе он играет незначительную роль, рос в нищете. Часто это ребенок разведенных родителей или сирота и в детстве ему не хватало ласки. Как правило, он не совершал до этого никаких серьезных правонарушений. — Он поднял глаза и пояснил: — Это основано на сопоставлении фактов, которые выясняются при допросах, и тестовых исследований американских преступников, совершивших групповые убийства.

— Да ведь такой убийца должен быть сумасшедшим, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Но по нему этого не видно до тех пор, пока он не выскочит на улицу и не убьет кучу народу.

— Тот, кто является психопатом, может производить впечатление абсолютно нормального человека до тех пор, пока не произойдет нечто, давшее толчок освобождению скрытой в нем болезни. Психопатия состоит в том, что какая-то или какие-то черты характера данного человека ненормально развиты, в остальном же он совершенно нормален, это касается одаренности, способности к работе и так далее. Людей, которые внезапно совершают групповые убийства, бессмысленные и внешне не имеющие причины, их друзья и родственники, как правило, считают рассудительными, хорошо воспитанными, и никто не ожидает, что они способны на такое. Большинство преступников, которых описали американцы, утверждают, что уже давно знали о своей болезни и пытались подавить в себе разрушительные тенденции, однако в конце концов поддавались им. Такой убийца может страдать манией преследования или манией величия, а также болезненным чувством вины. Нередко подобный преступник обосновывает свой поступок тем, что он хотел добиться признания, или тем, что ему хотелось, чтобы о нем писали в газетах. Чаще всего за таким поступком скрывается желание чем-либо выделиться или жажда мести. Преступник считает, что к нему плохо относятся, он чувствует себя униженным и непонятым. В большинстве случаев у них наблюдаются серьезные сексуальные отклонения.

После этого монолога Меландера воцарилась тишина. Мартин Бек смотрел в окно. Он был бледен, с темными тенями под глазами, и сутулился заметнее, чем обычно.

Колльберг сидел на письменном столе Гюнвальда Ларссона и соединял его скрепки в длинную цепочку. Гюнвальд Ларссон раздраженно отобрал у него коробочку со скрепками.

— Я читал вчера книжку об Уитмене, — сказал он, — ну, о том, который застрелил несколько человек с вышки в университете в Остине. Какой-то австрийский психолог, профессор, доказывает в ней, что сексуальное отклонение Уитмена состояло в том, что ему хотелось переспать с собственной матерью. Вместо того, чтобы ввести в нее фаллос, пишет этот профессор, он воткнул в нее нож. Не могу похвастать такой памятью, как у Фредрика, но последняя фраза этой книги звучит следующим образом: «Потом он поднялся на вышку, которая была для него символом фаллоса, и излил свое смертоносное семя, словно выстрелы любви, в Мать Землю».

В кабинет вошел Монссон с неизменной зубочисткой в уголке рта.

— О Боже, о чем это вы здесь говорите!

— Автобус тоже может быть своего рода сексуальным символом, — задумчиво сказал Гюнвальд Ларссон, — хотя и в горизонтальном положении.

Монссон вытаращил на него глаза.

Мартин Бек подошел к Меландеру и взял зеленую книжку.

— Я хочу почитать это в спокойной обстановке, — сказал он. — Без остроумных комментариев.

Он направился к двери, однако его остановил Монссон, который вынул зубочистку изо рта и спросил:

— Что я должен делать?

— Не знаю. Спроси у Колльберга, — коротко ответил Мартин Бек и вышел.

— Можешь сходить побеседовать с домохозяйкой, у которой жил тот араб.

Он написал на листке бумаги фамилию и адрес и протянул листок Монссону.

— Что происходит с Мартином? — спросил Гюнвальд Ларссон. — Почему у него такой кислый вид? Колльберг пожал плечами.

— Наверное, у него есть на то свои причины, — ответил он.

Монссону понадобилось добрых полчаса, чтобы добраться до Норра-Сташенсгатан при таком интенсивном уличном движении. Когда он поставил машину напротив дома № 48, было начало четвертого и уже почти стемнело.

В этом доме было два жильца с фамилией Карлсон, однако Монссон без труда вычислил того, кто ему нужен.

К двери было прикноплено восемь картонок с фамилиями. Две из них были напечатаны, остальные — написаны от руки разными почерками. На всех картонках были иностранные фамилии. Фамилии Мохаммеда Бусси среди них не оказалось.

Монссон позвонил. Дверь открыл мужчина с черными усиками, в мятых брюках и майке.

— Фру Карлсон дома? — спросил Монссон.

Мужчина продемонстрировал в улыбке ослепительно белые зубы и развел руками.

— Фру Карлсон нет в дом, — ответил он на ломаном шведском языке. — Она скоро будет.

— Я подожду ее, — сказал Монссон, входя в прихожую.

Он расстегнул плащ и посмотрел на улыбающегося иностранца.

— Вы знали Мохаммеда Бусси, который здесь жил?

Улыбка на лице мужчины мгновенно исчезла.

— Да, — ответил он. — Это было ужасно. Ужасно. Мохаммед быть мой друг.

— Вы тоже араб? — спросил Монссон.

— Нет, турок. А вы тоже иностранец?

— Нет, — ответил Монссон. — Я швед.

— О, я решил, что вы иностранец, потому что вы чуть-чуть запинаетесь.

Монссон строго посмотрел на него.

— Я полицейский, — объяснил он. — Мне хотелось бы немного осмотреться здесь, если позволите. Дома есть еще кто-нибудь, кроме вас?

— Нет, только я. У меня выходной.

Монссон огляделся по сторонам. Прихожая была темная, длинная и узкая, здесь стояли плетеный стул, столик и металлическая вешалка. На столике лежали газеты и несколько писем с иностранными марками. Кроме входной, в прихожую выходило еще пять дверей, в том числе одна двойная и две маленьких дверки, очевидно, в туалет и кладовку.

Монссон подошел к двойной двери и открыл одну створку.

— — Личная комната фру Карлсон, — испуганно сказал мужчина в майке. — Вход запрещен.

Монссон заглянул в комнату, уставленную мебелью и служащую, вероятнее всего, спальней и гостиной одновременно.

Следующая дверь вела в кухню. Большую и хорошо оборудованную.

— Запрещено ходить в кухню, — сказал стоящий за спиной Монссона турок.

— Сколько здесь комнат? — спросил Монссон.

— Комната фру Карлсон, кухня и наша комната, — сказал турок. — Еще туалет и кладовка.

Монссон нахмурил брови.

— Значит, две комнаты и кухня, — уточнил он для себя.

— А сейчас смотреть на нашу комнату, — сказал турок, открывая дверь.

Комната была размерами приблизительно пять на шесть метров.[8]

Два окна выходили на улицу, на них были обвисшие выцветшие занавески. Вдоль стен стояли разные кровати, а между окнами — топчан, обращенный изголовьем к стене.

Монссон насчитал шесть кроватей. Две были не застелены. Везде валялись обувь, предметы одежды, книги и газеты. В центре комнаты стоял белый лакированный стол в окружении пяти разнокалиберных стульев. Меблировку дополнял высокий комод из темного дерева с выжженными на нем узорами, стоящий наискосок у одного из окон.

В комнате было еще две двери, кроме входной. Перед одной из них стояла кровать; значит эта дверь наверняка вела в комнату фру Карлсон и была заперта. За другой дверью находилась кладовка, набитая одеждой и чемоданами.

— Вас живет здесь шестеро? — спросил Монссон.

— Нет, нас восемь, — ответил турок. Он подошел к кровати, стоящей перед дверью, и выдвинул из-под нее еще один матрац, одновременно показав на другую кровать. — Две раздвигаются, — сказал он. — Мохаммед спал на той кровати.

— А на остальных семи кто? — спросил Монссон. — Турки?

— Нет, три турка, два… нет, один араб, два испанца, один финн и новенький, грек.

— Едите вы тоже здесь?

Турок быстро прошел к противоположной стене, чтобы поправить подушку на одной из кроватей. Монссон успел заметить раскрытый порнографический журнал, прежде чем его прикрыла подушка.

— Извините, — сказал турок. — Тут немного… не так хорошо убрано. Едим ли мы здесь? Нет, готовить еду запрещено. Запрещено ходить в кухню, запрещено иметь электрическую плитку в комнате. Не разрешается варить еду и кофе.

— А сколько вы платите?

— По триста пятьдесят крон с человека.

— В месяц?

— Да. Каждый месяц триста пятьдесят крон.

Турок кивал головой и почесывал темные, жесткие, как щетина, волосы в вырезе майки.

— Я очень хорошо зарабатываю, — сказал он. — Сто семьдесят крон в неделю. Я вагоновожатый. Раньше я работать в ресторане и не зарабатывать так хорошо.

— Вы не знаете, у Мохаммеда Бусси были какие-нибудь родственники? — спросил Монссон. — Родители, братья и сестры?

— Не знаю. Мы были хорошие друзья, но Мохаммед не говорит много. Он очень боялся.

Монссон, глядящий в окно на кучку замерзших людей, которые ждали на остановке автобус, обернулся.

— Боялся?

— Нет, нет, не боялся. Как это сказать? Он был не храбрый.

— Ага, понятно, несмелый, — сказал Монссон. — И долго он здесь жил?

Турок сел на топчан, стоящий между окнами.

— Не знаю. Я приехал сюда прошлый месяц. Мохаммед уже жил здесь.

Монссон потел в утепленном плаще. Воздух был тяжелым от испарений восьми обитателей комнаты.

Он неожиданно затосковал по Мальмё и своей уютной квартирке, на Регементсгатан. Монссон достал из кармана последнюю зубочистку и спросил:

— Когда вернется, фру Карлсон?

Турок пожал плечами.

— Не знаю. Скоро.

Монссон с зубочисткой во рту уселся за круглый стол и принялся ждать.

Через полчаса он выбросил в пепельницу остатки изжеванной зубочистки. Появились еще два жильца фру Карлсон, однако сама хозяйка все еще отсутствовала.

Вновь прибывшие оказались испанцами, и так как их запас шведских слов был невероятно мал, а запас испанских слов у Монссона вообще равнялся нулю, то он вскоре отказался от попытки допросить их. Ему удалось выяснить лишь то, что одного из них зовут Рамон, а другого — Хуан, и что они работают мойщиками посуды в кафе самообслуживания.

Турок лежал на топчане и лениво перелистывал немецкий еженедельник. Испанцы оживленно разговаривали, готовясь к вечерним развлечениям, составной частью которых должна была быть девушка по имени Керстин; она-то и была главной темой их беседы.

Монссон взглянул на часы. Он решил ждать до половины шестого и ни минутой дольше.

Фру Карлсон пришла, когда до половины шестого оставалось две минуты.

Она усадила Монссона на свой роскошный диван, угостила его вином и принялась сетовать на невыносимую жизнь домовладелицы, у которой есть квартиранты.

— Одинокой бедной женщине не очень приятно, когда у нее в доме полно мужчин, — говорила она. — И к тому же иностранцев. Но что еще остается делать бедной несчастной вдове?

Монссон быстро сосчитал. Несчастная вдова загребала почти три тысячи в месяц от сдачи комнаты.

— Этот Мохаммед, — сказала она, — остался должен мне за прошлый месяц. Не могли бы вы как-нибудь уладить это дело? У него ведь были деньги в банке.

На вопрос Монссона, какого она мнения о Мохаммеде, фру Карлсон ответила:

— Для араба он действительно был довольно милым. Обычно они такие грязные и безответственные. Однако он был вежливый, тихий и производил впечатление человека порядочного; не пил, и девушки, судя по всему, у него тоже не было. Единственное, что, как я уже сказала, он не заплатил за прошлый месяц.

Оказалось, что она хорошо знакома с частной жизнью своих жильцов. Рамону прекрасно подходит шлюха по имени Керстин, однако о Мохаммеде фру Карлсон ничего сказать не могла.

У него была замужняя сестра в Париже. Она писала ему, однако фру Карлсон не смогла прочесть эти письма, потому что они написаны по-арабски.

Фру Карлсон дала Монссону целую пачку писем. Адрес и фамилия сестры были на конвертах.

Все земные приобретения Мохаммеда Бусси оказались упакованными в брезентовый чемоданчик. Монссон забрал с собой и его.

XIX

Понедельник. Снег. Ветер. Собачий холод.

— Прекрасный свежий снег, — сказал Рённ.

Он стоял у окна и мечтательно глядел на улицу и крыши домов, едва различимые в клубах белого тумана.

Гюнвальд Ларссон бросил на него подозрительный взгляд и спросил:

— Это что же, какой-то тонкий намек?

— Нет. Я просто вспомнил детство и размышлял вслух.

— В высшей степени конструктивно. Может, ты поразмышляешь о том, чтобы заняться чем-нибудь более полезным? С точки зрения расследования.

— Да, конечно, — сказал Рённ. — Разве только…

— Ну?

— Именно это я и хотел сказать. Чем?

— Девять человек убито, — рассердился Гюнвальд Ларссон, — а ты стоишь и не знаешь, чем тебе заняться. Ты принимаешь участие в расследовании или нет?

— Принимаю.

— Ну так вот и попытайся что-нибудь выяснить.

— Где?

— Не знаю. Займись чем-нибудь.

— А сам ты чем занимаешься?

— Да ты ведь видишь. Читаю эту психологическую галиматью, которую состряпали профессора и Меландер.

— Зачем?

— Сам не знаю. Я что, обязан все знать?!

После кровавой бойни в автобусе прошла неделя. Расследование не продвигалось вперед, какие-либо конструктивные идеи явно отсутствовали. Даже ручеек бес полезной информации со стороны общественности начал высыхать.

Общество потребления и его граждане, вечно находящиеся в состоянии стресса, теперь уже были заняты совершенно другими мыслями и делами. Хотя до Рождества оставалось еще больше месяца, уже началась оргия реклам и закупочная истерия, которая быстро и неудержимо, словно чума, распространялась по украшенным гирляндами торговым улицам. Эпидемия не жалела никого, и от нее нельзя было убежать. Она вгрызалась в дома, проникала в квартиры, заражала и побеждала всех и все на своем пути. Дети уже плакали от усталости, а отцы семейств влезли в долги вплоть до следующего лета. Узаконенное мошенничество находило себе все новые и новые жертвы. Больницы были переполнены людьми с инфарктами, нервными расстройствами и прободными язвами желудка.

В полицейские участки в центре города участились визиты предвестников большого наплыва праздничных клиентов, на сей раз в виде мертвецки пьяных гномов[9], которых извлекали из подворотен и общественных туалетов. На Мариаторгет два измученных полицейских уронили находящегося в невменяемом состоянии гнома в сточную канаву, когда пытались засунуть его в такси.

Во время возникшего при этом скандала полицейских тесно окружили плачущие от отчаяния дети и разъяренные пьянчужки. Одному из полицейских попали в глаз снежком, и у него сразу же испортилось настроение. Он схватился за резиновую дубинку и огрел ею случайно оказавшегося рядом пенсионера. Выглядело это не очень красиво, и у тех, кто недолюбливал полицию, появилась новая пища для разговоров.

— В любом обществе существует скрытая ненависть к полиции, — сказал Меландер. — Нужен только какой-нибудь импульс, чтобы она стала явной.

— Ага, — без особого интереса буркнул Колльберг. — А почему так происходит?

— Потому, что полиция — это зло, однако зло, без которого нельзя обойтись, — заявил Меландер. — Все люди, даже профессиональные преступники, знают, что могут оказаться в такой ситуации, когда полиция будет их единственным спасением. Когда вор просыпается ночью оттого, что кто-то хозяйничает в его подвале, что он будет делать? Конечно же, позвонит в полицию. Однако поскольку такие ситуации бывают нечасто, то большинство людей испытывают либо страх, либо презрение, когда полиция вмешивается в их личную жизнь или нарушает их покой.

— В дополнение к другим неприятностям, — сказал Колльберг, — мы должны считать себя необходимым злом.

— Суть проблемы, — упрямо продолжил Меландер, — состоит в парадоксальной ситуации, когда профессия полицейского требует максимальной сообразительности, исключительных психологических, физических и моральных качеств от тех, кто ее выбирает, и вместе с этим не предлагает ничего, что бы могло привлечь людей с такими качествами.

— Это ужасно, — сказал Колльберг.

Мартин Бек уже много раз слышал рассуждения такого рода, и они почти не интересовали его.

— Может быть, вы продолжите ваш психологический спор где-нибудь в другом месте, — недовольно сказал он. — Я пытаюсь думать.

— О чем? — спросил Колльберг.

Зазвонил телефон.

— Бек.

— Это Хелм. Ну, что слышно?

— Абсолютно ничего. Но это между нами.

— Вы еще не идентифицировали того, без лица?

Мартин Бек давно знал Хелма и доверял ему. В этом он не был одинок, многие считали Хелма одним из самых опытных экспертов-криминалистов. Нужно было только уметь найти к нему подход.

— Нет, — ответил Мартин Бек. — Наверное, его исчезновение никою не волнует, а от тех, кто явился к нам, ничего узнать не удалось. — Он перевел дух и добавил: — Не хочешь ли ты сказать, что у вас есть что-нибудь новенькое?

Хелму нужно было льстить, о чем все прекрасно знали.

— Да, — довольно сказал он. — Мы тут немножечко присмотрелись к нему и попытались воссоздать его подробный образ, который дал бы представление о живом человеке. Думаю, в определенной мере нам это удалось.

«Наверное, мне нужно сказать: „Неужели такое возможно?“» — подумал Мартин Бек.

— Неужели такое возможно? — сказал он.

— Да, — довольно ответил Хелм. — Результат превзошел наши ожидания.

Что же сказать сейчас? «Невероятно», «превосходно» или просто «отлично», а может, «замечательно»? Не мешало бы поупражняться на приемах с распитием кофе, которые устраивает Инга.

— Замечательно, — воскликнул он.

— Спасибо, — с признательностью ответил Хелм.

— Не за что. Ты не мог бы рассказать…

— Конечно. Именно за этим я и звоню. Сначала мы осмотрели зубы. Это было нелегко. Однако мосты и коронки, которые мы обнаружили, сделаны исключительно умело. Вряд ли их смог бы изготовить шведский дантист. Ну, о зубах мне больше сказать нечего.

— Это уже немало, — заметил Мартин Бек.

— Далее одежда. Его костюм указывает на один из голливудских магазинов в Стокгольме. Насколько мне известно, имеется три таких магазина. На Васагатан, на Гётгатан и на Санкт-Эриксплан.

— Хорошо, — лаконично сказал Мартин Бек.

Теперь уже не нужно было подбирать слова.

— Да, я тоже так считаю, — кисло произнес Хелм. — Костюм очень грязный. Судя по всему, его никогда не чистили, а носили давно и почти ежедневно.

— Как давно?

— Около года.

— Есть что-нибудь еще?

Минуту длилась пауза. Лучшее Хелм приберег под конец. Паузу он сделал только для усиления эффекта.

— Да, — наконец сказал он. — В нагрудном кармане пиджака оказались следы гашиша, а в правом кармане брюк лежала разломанная на несколько кусочков таблетка прелюдина. Анализы, проделанные при вскрытии, подтверждают, что этот человек был наркоманом.

Снова эффектная пауза. Мартин Бек ничего не сказал.

— Кроме того, у него был триппер в довольно далеко зашедшей стадии. Это тоже показало вскрытие.

Мартин Бек закончил записывать, поблагодарил и положил трубку.

— Издалека несет уголовщиной, — констатировал Колльберг. В течение всего разговора он стоял за стулом Мартина Бека и подслушивал.

— Да, — согласился Мартин Бек, — однако отпечатков его пальцев в нашей картотеке нет.

— Может, он был иностранцем.

— Может, — сказал Мартин Бек. — Ну ладно, а что будем делать с этой информацией? Нельзя допустить, чтобы она попала в прессу.

— Нельзя, — согласился с ним Меландер. — Однако можно сделать так, чтобы эта информация через наших осведомителей попала к наркоманам. С помощью окружной службы защиты от наркомании.

— Гм, — сказал Мартин Бек. — Займись этим.

Утопающий хватается за соломинку, подумал он. А что еще остается? В последнее время полиция провела две облавы в так называемом подполье, причем провела их с большим размахом. Результат оказался именно таким, какого ожидали. Ничтожным. Все предвидели этот налет, кроме самых отчаянных и смирившихся. Из ста пятидесяти человек, задержанных полицией, большинство следовало сразу же отправить в исправительные заведения, если бы таких заведений хватало.

Тихая разведка ничего до сих пор не дала, а те сотрудники полиции, которые поддерживали контакты с «дном», были убеждены, что осведомители говорят правду, когда утверждают, что ничего не знают.

Многое свидетельствовало о том, что так оно и есть. Очевидно, ни у кого не могло быть каких-либо причин оберегать этого преступника.

— Кроме него самого, — заметил Гюнвальд Ларссон, который испытывал слабость к излишним комментариям.

Оставалось только одно: извлечь максимальную пользу из уже имеющегося материала. Попытаться найти оружие и допросить всех, кто имел какое-либо отношение к жертвам. Эти допросы предстояло провести свежим силам, другими словами, Монссону и старшему ассистенту из Сундсвалла по фамилии Нордин. Гуннара Ольберга не удалось освободить от его обычных обязанностей и прикомандировать к ним. В общем-то, особого значения это не имело, потому что все были уверены, что эти допросы ничего не дадут.

Медленно тянулись часы. Один день следовал за другим. Прошла уже целая неделя таких дней, потом началась вторая. Снова был понедельник. Четвертое декабря, день Святой Варвары. Морозно и ветрено; праздничное возбуждение усиливалось. Пополнение скучало и начало грустить по дому. Монссон тосковал по мягкому климату южной Швеции, а Нордину не хватало настоящей северной зимы. Оба они не привыкли жить в большом городе, им было плохо в Стокгольме. Многие вещи действовали им на нервы, в первую очередь — шум, толкотня и грубость окружающих. Кроме того, им, как полицейским, не нравилось хулиганство и быстрый рост мелких преступлений.

— Не понимаю, как вы можете здесь выдерживать, — сказал Нордин.

Нордин был коренастый, лысый, с кустистыми бровями и прищуренными карими глазами.

— Мы родились здесь, — ответил Колльберг, — и так жили всегда.

— Я приехал сюда в метро, — сказал Нордин. — На отрезке от Алвик до Фридхемсплан я видел по крайней мере пятнадцать человек, которых у нас в Сундсвалле полиция сразу же задержала бы.

— У нас не хватает людей, — объяснил Мартин Бек.

— Я знаю, но…

— Что «но»?

— Но вы сами подумайте о том, какие здесь испуганные люди. Обычные порядочные граждане. Каждый буквально убегает, если попросить у него прикурить или справиться, как пройти куда-либо. Они попросту боятся. Никто не чувствует себя уверенно.

— Такое здесь происходит с каждым, — сказал Колльберг.

— Со мной вовсе не произошло, — возразил Нордин. — Однако вскоре я тоже, наверное, стану таким. У вас есть какая-нибудь работа для меня?

— Мы получили странную информацию, — сказал Меландер.

— О чем?

— О неопознанном мужчине из автобуса. Какая-то фру из Хегерстена позвонила и сообщила, что живет рядом с гаражом, где собираются иностранцы.

— Ну и что?

— Там случаются скандалы. Она, конечно, не употребила слово «скандалы». Сказала, что они шумят. Один из самых крикливых — низенький темный мужчина лет тридцати пяти. Обычно он одевается так, как было описано в газетах. Она утверждает, что именно этот мужчина уже некоторое время не появляется там.

— Так одеваются тысячи людей, — скептически заметил Нордин.

— Да, — согласился Меландер. — Это правда. Почти стопроцентно эта информация ничего не стоит. Она настолько неопределенная, что ее трудно проверить. Кроме того, говорила она как-то неуверенно. Но если никакой другой работы у тебя нет…

Он не закончил фразу, написал фамилию и адрес в блокноте и вырвал листок. Зазвонил телефон. Меландер протянул листок Нордину и одновременно взял трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Я ничего не могу прочесть, — пожаловался Нордин.

Почерк у Меландера был, мягко говоря, неразборчивым. Что же касается людей посторонних, то они вообще не могли прочесть ничего из того, что он написал. Колльберг взглянул на листок.

— Клинопись, — сделал он заключение. — Или, скорее, иврит. Может, это Фредрик написал тексты, которые обнаружили возле Мертвого моря. Впрочем, для этого у него не хватило бы сообразительности. Зато я лучший интерпретатор Меландсра.

Он быстро переписал текст и вручил листок Нордину со словами:

— Теперь ты сможешь это прочесть.

— Ладно, — сказал Нордин. — Я съезжу туда. А автомобиль у вас есть?

— Есть. Однако с учетом интенсивности уличного движения и состояния дорог тебе лучше было бы воспользоваться общественным транспортом. Поезжай тринадцатым или двадцать третьим до Аксельберга.

— Ладно, — буркнул Нордин и вышел.

— Сегодня блестящего впечатления он что-то не производит, — сказал Колльберг.

— Разве можно иметь к нему за это претензии? — высморкавшись, спросил Мартин Бек.

— В общем-то нет, — со вздохом ответил Колльберг. — Почему бы нам не отправить этих бедняг домой?

— Это не входит в нашу компетенцию, — произнес Мартин Бек. — Они находятся здесь для того, чтобы участвовать в самом интенсивном розыске человека, который когда-либо проводился в этой стране.

— Неплохо было бы… — Колльберг осекся. Дальше он мог не продолжать. Несомненно, неплохо было бы знать, кого именно они разыскивают и каким образом следует это делать.

— Я всего лишь процитировал министра юстиции, — с невинным видом сказал Мартин Бек. — Лучшие силы полиции — он, очевидно, имел в виду Монссона и Нордина — работают без отдыха, чтобы выследить и схватить сумасшедшего убийцу, обезвредить которого наш первейший долг по отношению как к обществу, так и к каждому отдельному гражданину.

— Когда он это говорил?

— Впервые семнадцать дней назад. А в последний раз — вчера. Однако вчера ему предоставили всего четыре строчки на двадцать второй странице. Должно быть, он ужасно раздосадован. Ведь в следующем году состоятся выборы.

Меландер закончил телефонный разговор. Прочищая разогнутой скрепкой свою трубку, он предложил:

— А не пора ли уже сдать в архив дело об этом убийце-психопате?

Прошло полминуты, прежде чем Колльберг ответил:

— Да, самое время. Кроме того, не мешает закрыть двери и отключить телефон.

— А где Гюнвальд? — спросил Мартин Бек.

— Герр Ларссон сидит у себя в кабинете и ковыряет в зубах ножом для разрезания бумаги.

— Фредрик, попроси, чтобы все звонки переключали на него.

Меландер протянул руку к телефонной трубке.

— Заодно попроси, чтобы нам принесли что-нибудь, для меня три пирожных и капучино, заранее благодарен, — сказал Колльберг.

Через десять минут принесли кофе. Колльберг запер дверь.

Все уселись. Колльберг пил кофе и ел.

— Ситуация представляется мне следующей, — сказал он, прожевывая пирожное. — Псих, который жаждет сенсации, убийца, торчит в шкафу начальника полиции. При

необходимости мы извлечем его оттуда и пропылесосим. Рабочая версия приблизительно такая: неизвестный, вооруженный автоматом «Суоми» тридцать седьмой модели, убивает девять человек в автобусе. Эти девять человек никак друг с другом не связаны, в автобусе все одновременно они оказались совершенно случайно.

— У того, кто стрелял, был какой-то мотив, — констатировал Мартин Бек.

— Верно, — согласился Колльберг. — Я с самого начала так считаю. Однако не может существовать мотив, который объяснял бы убийство девяти человек, совершенно случайно оказавшихся в одном месте. Следовательно, истинной целью было убийство одного из них.

— Это было убийство с заранее обдуманным намерением, — заметил Мартин Бек.

— Один из девяти, — продолжил Колльберг. — Но кто именно? Фредрик, у тебя есть список?

— Он мне не нужен, — ответил Меландер.

— Ну естественно. Я сказал это не подумав. Давайте снова по нему пройдемся?

Мартин Бек кивнул. Разговор перешел в диалог между Колльбергом и Меландером.

— Густав Бенгтсон, — сказал Меландер, — водитель. Его присутствие в автобусе можно считать мотивированным.

— Несомненно.

— Он вел размеренную жизнь. Брак удачный. Под судом не был. На работе о нем хорошего мнения. Коллеги любили его. Мы также допросили несколько друзей семьи. Они сообщили, что он был человеком обязательным и солидным. Состоял в обществе трезвенников. Сорок восемь лет. Родился здесь, в Стокгольме.

— Враги? Врагов у него не было. Дурное влияние? Не замечено. Деньги? Денег у него не было. Мотив убийства? Отсутствует. Следующий.

Я не буду придерживаться очередности номеров, присвоенных Рённом, — сказал Меландер. — Теперь Хилдур Юхансон, вдова, шестьдесят два года. Возвращалась от дочери с Вестмангатан в свою квартиру на Норра-Сташенсгатан. Родилась в Эдсбро. Ее дочь допрашивали Ларссон, Монссон и… впрочем, это неважно. Пенсионерка, жила одна. Больше о ней ничего сказать нельзя.

— Вероятно, она села на Одеонгатан и проехала только шесть остановок. И никто, кроме дочери и зятя, не знал, что она будет ехать именно в это время и именно по этому маршруту. Дальше.

— Юхан Кельстрём, пятьдесят два года, родился в Вестеросе. Работал в авторемонтном мастерской Грена на Сибюлегатан. Задержался на работе и возвращался домой, это совершенно ясно. Его брак тоже нормальный. Больше всего его интересовали автомобили и летний домик. Под судом не был. Зарабатывал достаточно, но не слишком много. Те, кто его знают, сообщили, что, вероятно, он доехал с Эстермальмторг до центра на метро, а потом пересел на автобус. Он также мог сесть в автобус возле универмага. Его начальник сказал, что он был опытным специалистом и хорошим руководителем. Работники мастерской говорили, что…

— Он давил на подчиненных и лебезил перед начальником. Я был там и беседовал с работниками мастерской. Следующий.

— Альфонс Шверин, сорока трех лет, родился в Миннеаполисе в США от смешанного шведско-американского брака. Приехал в Швецию сразу после войны и остался здесь насовсем. Владел небольшой фирмой, занимающейся импортом карпатской сосны для резонаторов, однако десять лет назад фирма объявила себя банкротом. Шверин пил. Дважды сидел в Бекомберге и три месяца в Богесунде за управление автомобилем в нетрезвом виде. Три года назад, после того как фирма обанкротилась, стал рабочим. Последнее время работал в городским управлении, был дорожным ремонтником. В тот вечер находился в

«Стреле» на Брюггаргатан и возвращался оттуда домой. Выпил он мало, наверное, потому, что у него не было денег. Жил очень бедно. Вероятно, выйдя из ресторана, он направился к остановке на Васагатан. Не женат, родственников в Швеции не имел, коллеги по работе любили его. Говорили, что он был веселым и милым, после выпивки — смешным, и у него не было ни одного врага.

— Он видел того, кто стрелял, и, прежде чем умереть, сказал Рённу что-то непонятное. Мы уже получили какое-нибудь заключение экспертов относительно той ленты?

— Нет. Мохаммед Бусси, алжирец, работал в ресторане, тридцати шести лет, родился в каком-то месте, название которого трудно выговорить и я его не помню.

— Это небрежность.

— Последние шесть лет жил в Швеции, до этого в Париже. Политикой не интересовался. Экономил, имел счет в банке. Знакомые говорят, что он был робким и замкнутым. Работу он закончил в половине одиннадцатого и возвращался домой. Солидный, однако скупой и скучный.

— Это звучит так, словно ты описал самого себя.

— Медсестра Бритт Даниельсон, родилась в одна тысяча девятьсот сороковом году в Эслёве. Сидела рядом со Стенстрёмом, однако нет указаний на то, что они были знакомы. Врач, с которым она встречалась, в тот вечер работал в больнице в Сёдермальме. Вероятно, она села на Одеонгатан вместе с вдовой Юхансон и ехала домой. Выйдя с работы, она прямиком направилась на автобусную остановку. Никаких неясностей здесь нет. Хотя, конечно, нет полной уверенности в том, она не была со Стенстрёмом.

Колльберг покачал головой.

— Откуда такие мысли, — сказал он. — Зачем ему была нужна такая страшненькая? Он имел у себя дома все, что только мог пожелать.

Меландер недоуменно посмотрел на него, но от расспросов воздержался.

— Теперь Асарсон. Внешне он чист, однако изнутри не так привлекателен. — Меландер замолчал и занялся своей трубкой. Потом продолжил: — Этот Асарсон очень подозрительная фигура. Дважды его судили за неуплату налогов и один раз за оскорбление морали, в начале пятидесятых годов. Он вступил в половую связь с четырнадцатилетней девушкой, которая служила курьером. И каждый раз он сидел в тюрьме. Денег у него было достаточно. В бизнесе он был жестоким, во всех других делах тоже. У многих имелись причины не любить его. Даже жена и брат считали, что его есть за что презирать. Однако присутствие Асарсона в автобусе легко объяснимо. Он ехал с какого-то собрания на Нарвавеген и направлялся к любовнице, фамилия которой Ольсон, она живет на Карлбергсвеген и работает в офисе Асарсона. Он позвонил ей и договорился о встрече. Мы допросили ее несколько раз.

— Кто ее допрашивал?

— Гюнвальд и Монссон. Каждый в отдельности. Она утверждает, что…

— Минуточку. А почему он ехал автобусом?

— Наверное, потому что немного выпил и боялся вести автомобиль. А такси не смог поймать при такой погоде. Центральная диспетчерская такси не принимала заказы, а в центре города не было ни одной свободной машины.

— Хорошо. Так что говорит эта дамочка?

— Что Асарсон вызывал у нее отвращение. Слабак, почти полный импотент. Что она делала это ради денег и чтобы не потерять работу. У Гюнвальда сложилось впечатление, что она почти проститутка, шлюха, причем довольно тупая. Он утверждает, что она похожа на За-Зу Габор[10], не знаю, кто это такой.

— Герр Ларссон и женщины. Я мог бы написать повесть с таким названием.

— Монссону она призналась, что оказывала подобные услуги, как она это назвала, клиентам Асарсона. По его распоряжению. Асарсон родился в Гётеборге, а в автобус сел возле Юргордсброн.

— Благодарю, старина. Так начиналась бы моя книга: «Он родился в Гётеборге, а в автобус сел возле Юргордсброн». Замечательно.

— Любое начало хорошо, — невозмутимо сказал Меландер.

Мартин Бек впервые вмешался в разговор:

— Стало быть, остается только Стенстрём и тот, которого не смогли опознать.

— Да, — сказал Меландер. — О Стенстрёме нам известно лишь то, что он ехал от Юргордсброн, что весьма странно. И что у него было при себе оружие. О неопознанном мы знаем только то, что он являлся наркоманом в возрасте между тридцатью пятью и сорока годами. И больше ничего.

— Присутствие всех остальных в автобусе было мотивированным, — сказал Мартин Бек.

— Да.

— Мы выяснили, почему они там находились.

— Да.

— Самое время задать классический вопрос, — заявил Колльберг. — Что делал Стенстрём в том автобусе?

— Нужно поговорить с его девушкой, — ответил Мартин Бек.

— С Осой Турелль? Да ты ведь сам с ней беседовал. А потом ее допросили еще раз.

— Кто ее допросил? — спросил Мартин Бек.

— Рённ, больше недели назад.

— Только не Рённ, — словно размышляя вслух, сказал Мартин Бек.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Меландер.

— Рённа нельзя ни в чем упрекнуть, — ответил Мартин Бек, — однако он не совсем понимает суть этого дела. Кроме того, у него не было тесного контакта со Стенстрёмом.

Колльберг и Мартин Бек долго молча смотрели друг на друга, пока наконец Меландер не нарушил тишину:

— Ну? Так что же Стенстрём делал в том автобусе?

— У него могло быть там свидание с девушкой, — медленно произнес Колльберг, — или с осведомителем.

Роль Колльберга заключалась в том, что в дискуссиях подобного рода он всегда был оппонентом, однако на этот раз он сыграл ее неубедительно.

— Ты забываешь об одном, — возразил Меландер. — Вот уже в течение десяти дней мы обнюхиваем каждый угол в этом районе. И до сих пор мы не нашли никого, кто слышал бы о Стенстрёме до этого происшествия.

— Это ни о чем не говорит. В этой части города полно притонов и подозрительных заведений, где недолюбливают полицейских.

— Версию подруги в любом случае мы можем отбросить, если речь идет о Стенстрёме, — сказал Мартин Бек.

— Почему это? — мгновенно возразил Колльберг.

— Я в это не верю.

— Но ты согласен с тем, что так могло быть?

— Да.

— Хорошо. В таком случае отбросим ее. Пока.

— Итак, главный вопрос: что Стенстрём делал в том автобусе? — Сказав это, Мартин Бек сразу же встретился со встречным вопросом.

— А что там делал неопознанный?

— Его мы можем временно оставить в покое.

— Вовсе нет. Его присутствие там точно так же достойно внимания, как и присутствие Стенстрёма. Тем более, что нам неизвестно, кто это был, куда он ехал и по какому делу.

— Он попросту ехал в автобусе.

— Попросту ехал?

— Да. Многие, кому негде жить, поступают так. За крону можно проехать дважды из конца в конец. А это два часа.

— В метро теплее, — заметил Колльберг. — Кроме того, в метро можно ездить сколько угодно, главное, не выходить со станции, а только пересаживаться с одного поезда на другой.

— Да, конечно, но…

— Ты забываешь об одной важной вещи. У неопознанного были не только крошки гашиша и других наркотиков в карманах. У него оказалось больше денег, чем у всех остальных пассажиров, вместе взятых.

— Это исключает подозрение, что речь идет о грабеже, — вставил Меландер.

— Не будем забывать, — сказал Мартин Бек, — что, как ты сам упоминал, эта часть города буквально нафарширована притонами и пансионатами особого рода. Возможно, он жил в одной из этих дыр? Нет, давайте вернемся к главному вопросу: «Что Стенстрём делал в автобусе?».

Почти минуту они сидели молча. В кабинете за стеной звонил телефон. Время от времени до них доносились голоса Гюнвальда Ларссона и Рённа. Наконец Меландер спросил:

— А что Стенстрём умел делать?

Ответ знали все трое. Меландер кивнул и сам ответил на свой вопрос:

— Стенстрём умел следить.

— Да, — подтвердил Мартин Бек. — В этом деле он был ловким и упрямым. Он мог неделями за кем-нибудь ходить.

— Помню, как он довел до бешенства того сексуального маньяка, который убил девушку на Гёта-канале, четыре года назад.

— Он буквально затравил его, — сказал Мартин Бек.

Никто не возразил ему.

— Уже тогда он умел это делать. А потом научился еще лучше, — заметил Мартин Бек.

— Ты наконец спросил у Хаммара, — внезапно оживился Колльберг, — чем Стенстрём занимался летом, когда мы изучали нераскрытые дела?

— Да, — ответил Мартин Бек. — Но из этого ничего не вышло. Стенстрём был у Хаммара, они разговаривали об этом. Хаммар предложил ему несколько дел, каких, он уже не помнит, однако тот отказался, так как эти дела оказались слишком старыми. Вернее, Стенстрём был слишком молод. Ему не хотелось заниматься тем, что произошло, когда ему было десять лет и он еще играл на улицах Халстахаммара в полицейских и преступников. В конце концов он решил остановиться на том исчезнувшем, которым занялся и ты.

— Он никогда не говорил об этом, — сказал Колльберг.

— Очевидно, он ограничился тем, что там было написано.

— Очевидно.

Молчание снова прервал Меландер. Он встал и спросил:

— Ну и к какому же выводу мы пришли?

— Честно говоря, непонятно, — констатировал Мартин Бек.

— Извините, — сказал Меландер и вышел в туалет.

Когда дверь за ним закрылась, Колльберг посмотрел на Мартина Бека и сказал:

— Кто сходит к Осе?

— Ты. Это занятие для одного человека, и ты лучше всего для него подходишь.

Колльберг ничего не ответил.

— Тебе не хочется? — спросил Мартин Бек.

— Не хочется. Но я схожу.

— Сегодня вечером?

— Да, но только предварительно мне нужно уладить два дела. Одно в Вестберге и одно дома. Позвони ей и скажи, что я приду около половины восьмого.

Через час Колльберг пришел к себе домой на Паландергатан. Было около пяти, но уже давно стемнело.

Жена, одетая в старенькие джинсы и клетчатую фланелевую рубашку, красила кухонные табуретки. Рубашка принадлежала Колльбергу, однако он давно не носил ее. Гюн подвернула рукава и небрежно подвязала полы. Руки, ноги и даже лоб у нее были измазаны краской.

— Разденься, — сказал Колльберг.

Она замерла с поднятой кистью и руке и испытующе посмотрела на него.

— Тебе совсем невтерпеж? — с улыбкой спросила она.

— Да.

Она сразу стала серьезной.

— Ты должен уйти?

— Да, у меня допрос.

Она кивнула, опустила кисть в банку с краской и вытерла руки.

— Допрос Осы, это будет ужасно.

— Тебе нужна прививка?

— Да.

— Ты испачкаешься краской, — сказала она, расстегивая рубашку.

XX

Перед одним из домов на Клуббакен в Хегерстене какой-то мужчина, весь в снегу, пытался прочесть что-то на листке бумаги. Листок уже намок, чернила начали расплываться, и текст нелегко было прочесть при такой метели и слабом свете уличных фонарей. Однако, судя по всему, мужчине это наконец удалось. Он встряхнулся, как промокший пес, потом поднялся по ступенькам, позвонил, снял шляпу и стряхнул с нее снег.

Дверь приоткрылась, и в щель выглянула женщина средних лет, в фартуке и с испачканными мукой руками.

— Полиция, — хриплым голосом сказал мужчина. Он откашлялся и добавил: — Старший ассистент Нордин.

Женщина испуганно смотрела на него.

— У вас есть удостоверение? — наконец спросила она. — Я имею в виду…

Нордин вздохнул. Он взял шляпу в левую руку, расстегнул плащ и пиджак, вынул бумажник, а из бумажника достал удостоверение.

Женщина наблюдала за этой процедурой с таким страхом, словно ожидала, что он сейчас вытащит бомбу, автомат или что-то неприличное.

Он не выпустил удостоверение из рук, и она рассмотрела его через щель.

— А разве у агентов нет таких табличек? — поколебавшись спросила она.

— Да, конечно, у меня есть табличка, — меланхолично ответил Нордин.

Служебный жетон он носил в боковом кармане и теперь размышлял, как его достать, не надевая шляпу на голову.

— Ну ладно, не надо, — решилась женщина. — Так вы из Сундсвалла? Значит, вы приехали из Норланда, чтобы поговорить со мной?

— У меня в этом городе есть еще несколько дел.

— Да, я понимаю, но видите ли, я считаю… — Она замолчала.

— Что вы считаете?

— Я считаю, что в нынешние времена нужно быть очень осторожной. Никогда заранее не известно…

Нордин размышлял, что делать со шляпой. Снег падал ему на голову, снежинки таяли на лысине. Он не мог так стоять, с удостоверением в одной руке и шляпой в другой. Может, понадобится что-нибудь записать. Самым практичным было бы надеть шляпу на голову, однако, с другой стороны, это выглядело бы не совсем вежливо. А положить шляпу на ступеньки было бы и вовсе глупо. Может быть, попросить, чтобы она его впустила. Однако это означало, что ей придется принять решение, а если он правильно оценил эту женщину, для того, чтобы на что-либо решиться, ей понадобилось бы много времени.

Нордин был родом из тех краев, где любого постороннего человека пускают в кухню, усаживают рядом с печью, чтобы он согрелся, и угощают чашечкой кофе; это просто входит в обязанности хозяев. Прекрасная и практичная традиция, подумал он. Хотя, впрочем, и не применимая в больших городах. Он сосредоточился и сказал:

— Вы звонили и упоминали что-то о каком-то мужчине и о гараже, так?

— Мне очень жаль, что я побеспокоила вас…

— Ну что вы, мы очень благодарны вам.

Женщина повернулась и посмотрела внутрь квартиры, почти закрыв при этом дверь. Судя по доносящемуся запаху, она, очевидно, пекла пироги и опасалась, чтобы они не подгорели.

— Чрезвычайно милые люди, — пробормотал Нордин. «Невероятно гостеприимные. Даже выдержать трудно», — подумал он.

Женщина приотворила дверь.

— Вы что-то сказали?

— Так я насчет гаража…

— Он там.

Нордин посмотрел в указанном направлении.

— Я ничего не вижу.

— А со второго этажа видно.

— Понятно. А что вы говорили насчет того мужчины?

— Он очень странно выглядел. А теперь вот уже две недели, как я не вижу его. Он такой низенький, чернявый.

— Вы постоянно наблюдаете за этим гаражом?

— Ну, его видно в окно спальни.

Она покраснела. «Я совершил какую-то ошибку», — подумал Нордин.

— Этим гаражом владеет иностранец. Там крутится много подозрительных типов. Поэтому человеку хочется знать…

Трудно было догадаться, замолчала она или продолжала говорить, но так тихо, что Нордин ни слова не мог услышать.

— И что же странного было в том невысоком темном мужчине?

— Ну как бы это сказать… Он смеялся.

— Смеялся?

— Ну да, очень громко.

— Вы не знаете, сейчас в гараже кто-нибудь есть?

— Минуту назад там горел свет. Я была наверху и видела.

Нордин вздохнул и надел шляпу.

— Я схожу туда разузнаю. Благодарю вас.

— А вы не хотите… войти?

— Нет, спасибо.

Она еще на какую то долю сантиметра приотворила дверь, пытливо оглядела его и с алчным видом спросила:

— Мне положено вознаграждение?

— За что?

— Ну… откуда мне знать.

— До свидания.

Он побрел в указанном ему направлении. Ему казалось, что на голове у него мокрый компресс. Женщина мгновенно закрыла дверь, сейчас она уже наверняка была наверху, на своем посту у окна спальни.

Гараж представлял собой маленький домик с этернитовыми[11] стенами и крышей из оцинкованного железа. В нем могло поместиться максимум два автомобиля. Над дверями горела электрическая лампочка.

Нордин открыл одну створку дверей и вошел внутрь.

В гараже стояла зеленая «шкода-октавия», модель 1959 года. Не будь она такой разбитой, за нее можно было бы получить четыреста крон, подумал Нордин. Бóльшую часть времени, которое он прослужил в полиции, Нордин занимался автомобилями и связанными с ними аферами. Под автомобилем совершенно неподвижно лежал мужчина. Видны были только его ноги в голубом комбинезоне.

Труп, подумал Нордин. Его охватила ледяная дрожь. Он забыл о Сундсвалле и Йогбёле, где родился и вырос, подошел к автомобилю и толкнул ногой лежавшего.

Мужчина под автомобилем дернулся, как от удара электрическим током, выполз из-под машины и встал. Держа в руке переносную лампу со шнуром, он вытаращил глаза на гостя.

— Полиция, — сказал Нордин.

— У меня документы в порядке, — сразу же ответил мужчина.

— Я в этом не сомневаюсь, — заметил Нордин.

Владелец гаража выглядел лет на тридцать, он был худощавым, с темными глазами, вьющимися волосами и ухоженными бакенбардами.

— Итальянец? — спросил Нордин, который не слишком разбирался в иностранных акцентах и различал только финский.

— Швейцарец. Из немецкой Швейцарии.

— Ты хорошо говоришь по-шведски.

— Я живу здесь шесть лет. Что вам нужно?

— Мы хотели бы встретиться с одним из твоих приятелей.

— С кем?

Нордин, внимательно глядя на него, сказал:

— Он ниже и немножечко полнее тебя. Волосы темные, довольно длинные, глаза карие. Возраст около тридцати лет. Мы не знаем, как его зовут.

Мужчина покачал головой.

— У меня нет приятеля, который так выглядит. И вообще, у меня не столько много знакомых.

— Так много знакомых, — с доброжелательной улыбкой поправил его Нордин.

— Да. Так много знакомых.

— Однако я слышал, что здесь бывает много народу.

— Они приезжают на автомобилях. Хотят, чтобы их отремонтировали. — Он немного подумал и объяснил. — Я занимаюсь ремонтом. До обеда работаю в мастерской на Рингвеген. Все немцы и австрийцы знают, что у меня здесь гараж, поэтому приезжают, чтобы я бесплатно отремонтировал их автомобили. Часто я вообще с ними не знаком. Их столько много в Стокгольме.

— Тот, который нам нужен, — сказал Нордин, — носил черный нейлоновый плащ и бежевый костюм.

— Нет, мне это ничего не говорит. Я не помню никого похожего. Это точно.

— У тебя есть друзья?

— Друзья? Несколько немцев и австрийцев.

— Кто-нибудь из них был здесь сегодня?

— Нет. Они знают, что я занят. Я ремонтирую ее и днем, и ночью. — Он измазанным в масле пальцем показал на машину и сказал: — Мне нужно исправить ее до Рождества, чтобы я смог поехать домой, к родителям.

— В Швейцарию?

— Да.

— Этот автомобиль нелегко будет отремонтировать.

— Нелегко. Я заплатил за него только сто крон. Но я приведу его в порядок. Я хороший специалист.

— Как тебя зовут?

— Хорст. Хорст Дике.

— А меня зовут Ульф. Ульф Нордин.

Швейцарец показал в улыбке крепкие белые зубы.

Он производил впечатление симпатичного, порядочного молодого человека.

— Так значит, Хорст, ты не догадываешься, о ком я говорю?

Дике покачал головой.

— Мне очень жаль, но я не знаю.

Нордин вовсе не чувствовал себя разочарованным. Как все и ожидали, информация оказалась бесполезной. Если бы с уликами дело не обстояло так плохо, ее вообще не стали бы проверять. Однако Нордин не спешил уходить, ему не хотелось снова оказаться в метро, переполненном раздраженными людьми в промокшей одежде. Швейцарец явно хотел помочь. Он спросил:

— А вам больше ничего не известно? Ну, об этом человеке.

Нордин немного поразмышлял и сказал:

— Он смеялся. Громко.

Лицо Дике просветлело.

— Тогда я, кажется, знаю. Он смеялся вот так.

Дике открыл рот и издал блеющий звук, резкий и пронзительный, как крик бекаса.

Это было настолько неожиданно, что Нордину понадобилось около минуты, чтобы прийти в себя. С приличным опозданием он сказал:

— Возможно.

— Да, да, — настаивал Дике. — Теперь я уже знаю, кого ты имеешь в виду. Невысокий, темный мужчина.

Нордин насторожился.

— Он был здесь четыре или пять раз. Может, и больше. Однако его фамилию я не знаю. Он пришел с испанцем, который хотел продать мне запасные части. Испанец приходил много раз. Но я не купил.

— Почему?

— Слишком дешевые. Наверняка краденые.

— А как звали того испанца?

Дике пожал плечами.

— Не знаю. Пако. Пабло. Пакито. Что-то в таком роде.

— А какой у него был автомобиль?

— Хороший. «Вольво-амазони». Белый.

— А у того, который смеялся?

— Не знаю. Он приезжал с испанцем и всегда выглядел пьяным. Но он ведь не сидел за рулем.

— Он тоже был испанцем?

— По-моему, нет. Возможно, он был шведом. Не знаю.

— Когда он был здесь в последний раз?

— Три недели назад. Может, две. Я точно не помню.

— А того испанца ты видел с тех пор? Ну, Пако или как его там?

— Нет. Он, наверное, вернулся в Испанию. Ему нужны были деньги, поэтому он хотел продать запчасти. По крайней мере, он так говорил.

Нордин снова задумался.

— Так ты говоришь, тот мужчина выглядел пьяным. А может, он был одурманен? Находился под действием наркотика?

Дике пожал плечами.

— Не знаю. Мне казалось, что он попросту пьян. Хотя всякое может быть. Наркоман? Почему бы и нет? Тут почти все наркоманы. Когда не воруют, отсиживаются в притоне. Разно не так?

— А ты не знаешь, как его звали или какая у него была кличка?

— Нет. Но пару раз в автомобиле была девушка. Она была с ним. Высокая, с длинными светлыми волосами.

— Как ее звали?

— Не знаю. Но у нее есть прозвище…

— Какое?

— Белокурая Малин. Так мне кажется.

— Откуда тебе это известно?

— Я еще раньше видел ее в городе.

— Где именно?

— В заведении на Тсгнергатан, недалеко от Свеавеген. Туда ходят все иностранцы. Она шведка.

— Кто? Белокурая Малин?

— Да.

Нордин не смог придумать больше ни одного вопроса. Он внимательно посмотрел на зеленый автомобиль И сказал:

— Надеюсь, ты доедешь домой без всяких приключений.

Дике улыбнулся своей заразительной улыбкой.

— Да, это было бы неплохо.

— А когда ты вернешься?

— Никогда.

— Никогда?

— Швеция — плохая страна. Стокгольм — плохой город. Сплошной шум, наркотики, воры, алкоголь.

Нордин ничего не ответил, потому что был полностью согласен с мнением насчет Стокгольма.

— Здесь скверно, — продолжил швейцарец. — Ну, разве что иностранцу легко заработать. Остальное безнадежно. Я живу в одной комнате еще с тремя такими же, как я. Плачу четыреста крон в месяц. Это настоящий грабеж, просто свинство. Потому что нет квартир. Только богатеи и преступники могут ходить в рестораны, есть. Я экономил. У меня есть деньги. Я уезжаю домой. Куплю мастерскую и женюсь.

— А здесь ты не встретил какую-нибудь девушку?

— Шведские девушки не для таких, как я. С хорошей девушкой может встречаться студент или еще кто-нибудь. А для рабочего только такой сорт. Как та Белокурая Малин.

— Что значит, такой сорт?

— Шлюхи.

— Ты имеешь в виду, что не хочешь платить девушкам?

Хорст Дике надул губы.

— Их много бесплатных. Бесплатных шлюх.

Нордин покачал головой.

— Ты видел только Стокгольм, Хорст. Жаль.

— А остальное лучше?

Нордин энергично кивнул и сказал:

— А о том мужчине ты больше ничего не помнишь?

— Нет, кроме того, что он смеялся. Вот так.

Дике открыл рот и снова заблеял, пронзительно и резко.

Нордин попрощался с ним и ушел. У ближайшего фонаря он остановился и достал блокнот.

— Белокурая Малин, — пробормотал он. — Притоны. Бесплатные шлюхи. Ну и профессию я выбрал.

Впрочем, это не моя вина, подумал он. Меня заставил отец.

Мимо проходил какой-то мужчина. Нордин приподнял припорошенную снегом шляпу и сказал:

— Извините, не могли бы вы…

Прохожий бросил на него быстрый недоверчивый взгляд, съежился и ускорил шаг.

— …сказать мне, где находится станция метро, — тихо и робко закончил Нордин, обращаясь к снежной вьюге.

Потом он покачал головой и записал несколько слов на листке бумаги.

«Пабло или Пако. Белый „вольво“. Заведение на Тегнергатан. Смех. Белокурая Малин. Бесплатная шлюха».

Он спрятал карандаш и блокнот и вышел из круга света.

XXI

Колльберг стоял перед дверью квартиры Осы Турелль на втором этаже дома на Черховсгатан. Было уже восемь часов вечера, и, несмотря на принятые Колльбергом меры, он чувствовал себя грустным и неуверенным. В правой руке он держал конверт, обнаруженный в письменном столе.

Белый листок с фамилией Стенстрёма по-прежнему был прикреплен над медной табличкой.

Звонок не работал, и Колльберг по привычке заколотил в дверь. Оса Турелль открыла почти немедленно. Она посмотрела на него и произнесла:

— Я ведь дома. Не надо сразу выламывать дверь.

— Извини, — сказал Колльберг.

В квартире было темно. Он снял плащ и зажег лампу в прихожей. Старая полицейская фуражка лежала на полке над вешалкой так же, как и в прошлый раз.

Перерезанный электрический провод звонка болтался над дверью.

Оса Турелль, следя за взглядом Колльберга, пробормотала:

— Тут болталось много идиотов. Журналисты, фотографы и Бог знает кто еще. Они непрерывно звонили в дверь.

Колльберг ничего не сказал, он вошел в комнату и сел на стул.

— Ты не могла бы зажечь свет? Ничего не видно.

— Мне все нормально видно. Впрочем, пожалуйста, Я могу, конечно, включить свет.

Она включила свет, однако не села, а принялась кружить по комнате, словно узник, охваченный неотвязным желанием вырваться на свободу.

Воздух в квартире был тяжелым и спертым. Пепельницу не опорожняли уже много дней. Комната вообще выглядела так, словно в ней не убирали, а в открытую дверь спальни была видна незастеленная кровать. Еще в прихожей Колльберг заглянул в кухню, где громоздились немытые тарелки и кастрюли.

Теперь он внимательно посмотрел на Осу. Она по-прежнему ходила взад-вперед по комнате, от окна наискосок до двери спальни. Здесь она на несколько секунд останавливалась и глядела на кровать, потом снова шла к окну. Так повторялось раз за разом.

Ему все время приходилось поворачивать голову то в одну, то в другую сторону, чтобы следить за ней взглядом. Как на теннисном матче.

Оса Турелль очень изменилась за девятнадцать дней, которые прошли с того времени, когда он видел ее в последний раз. На ней были те же самые или похожие толстые серые носки и черные брюки. Темные волосы коротко подстрижены, каменное выражение лица.

Однако теперь на брюках были пятна и остатки пепла, волосы не причесаны и даже спутаны. Под глазами темные круги, губы сухие и потрескавшиеся. Руки у нее тряслись, а указательный и средний пальцы были коричневыми от никотина. Она курила датские сигареты «Сесиль». Оке Стенстрём никогда не курил.

— Ну, так чего же тебе нужно? — с неприязнью спросила она.

Она подошла к столу, вытряхнула сигарету из пачки, прикурила трясущимися руками, а еще не погасшую спичку бросила на пол. Потом сама себе ответила:

— Конечно же, ничего. Так же, как и тем идиотам. Как Рённу, который сидел здесь два часа и только кивал головой.

Колльберг молчал.

— Телефон я тоже попрошу отключить, — сказала она без всякого перехода.

— Ты не работаешь?

— Я на больничном. Как это глупо, — добавила она. — У нашей фирмы есть свой врач. Он сказал, что я должна месяц отдохнуть в деревне или даже уехать за границу, и освободил меня от работы — Она затянулась сигаретой и стряхнула пепел, в основном, мимо пепельницы. — Вот уже три недели, как я сижу дома. Было бы намного лучше, если бы я могла работать, как обычно. — Она замолчала, подошла к окну и, смяв пальцами занавеску, посмотрела наружу. — Как обычно, — сказала она, словно размышляла вслух.

Колльберг беспокойно вертелся на стуле. Все оказалось хуже, чем он себе представлял.

— Чего тебе нужно? — спросила она, не поворачивая головы. — Говори наконец. Скажи что-нибудь.

Он должен был как-то сломать разделяющую их стену. Но как?

Колльберг подошел к книжной полке и, посмотрев на корешки книг, взял один из томов. Это была старая книга. «Справочник по методам осмотра места преступления» Вендела и Свенсона, изданный в 1947 году. Колльберг перевернул титульный лист и прочел: «Эта книга издана в ограниченном количестве пронумерованных экземпляров, из которых номер 2080 предназначен для патрульного Леннарта Колльберга. Книга призвана помочь полицейским в их трудной и ответственной работе при осмотре места преступления. Содержание книги является служебной тайной, и ее владельцев просят соблюдать осторожность, чтобы книга не попала в чужие руки».

Слова «патрульного Леннарта Колльберга» он сам вписал в нужном месте много лет назад. Это была хорошая книга, и в те времена она оказалась для него очень полезной.

— Это моя старая книга, — сказал он.

— Можешь забрать се с собой.

— Нет. Я дал ее Оке пару лет назад.

— Понятно. Значит, в любом случае он не украл ее.

Колльберг перелистывал книгу, соображая, что бы сделать или сказать. Некоторые предложения оказались подчеркнутыми, а в двух местах на полях были сделаны пометки авторучкой. В обоих случаях в разделе «Эротическое убийство».

«Эротический убийца (садист) часто является импотентом и преступление совершает вследствие повышенного желания подучить сексуальное удовлетворение».

Кто-то, наверное, Стенстрём, подчеркнул это предложение. Немного ниже на этой же странице, которая начиналась словами «В случае эротического убийства жертву убивают», были подчеркнуты два пункта:

4) после полового акта, чтобы избежать разоблачения и 5) в результате шока.

На полях была пометка: 6) чтобы убрать жертву, но является ли это эротическим убийством?

— Оса, — сказал Колльберг.

— Ну, чего тебе нужно?

— Ты знаешь, когда Оке написал это?

Она подошла, быстро взглянула на книгу и ответила:

— Не имею понятия.

— Оса, — повторил он.

Она бросила наполовину выкуренную сигарету в пепельницу и встала возле стола, сплетя пальцы рук на животе.

— Господи, ну чего тебе нужно?

Колльберг внимательно посмотрел на нее. Она была худенькая и осунувшаяся. Сегодня вместо свитера на ней была блузка без рукавов навыпуск. Ее голые руки были покрыты гусиной кожей, и, хотя блузка на ее худом теле висела, как на вешалке, соски грудей отчетливо вырисовывались под тканью.

— Сядь, — сказал он.

Она пожала плечами, взяла новую сигарету и зажигалку и отошла к двери спальни.

— Садись, — заорал Колльберг.

Она вздрогнула и посмотрела на него. В ее больших темных глазах блеснула ненависть. Все же она подошла поближе и села в кресло напротив него. Она сидела, неестественно выпрямившись и упираясь руками в бедра. В одной руке она держали зажигалку, в другой — незажженную сигарету.

— Карты на стол. — Сказав это, Колльберг смущенно посмотрел на коричневый конверт и подумал, что очень неудачно выразился.

— Прекрасно, — произнесла она кристально звонким голосом. — Только у меня нет никаких карт.

— Зато у меня есть.

— Ну?

— В прошлый раз мы были не до конца честными с тобой.

Она нахмурила густые темные брови.

— Относительно чего?

— Относительно разного. Но прежде я хочу спросить, известно ли тебе, что Оке делал в том автобусе.

— Нет, нет и еще раз нет, не имею понятия.

— Мы тоже, — заметил Колльберг. Он помолчал и со вздохом сказал: — Оке обманывал тебя.

Она мгновенно отреагировала. Ее глаза заблестели. Она сжала кулаки. Крошки табака из смятой сигареты просыпались на брюки.

— Как ты смеешь так говорить!

— Но это правда. Оке не был на службе ни в тот понедельник, когда его убили, ни в субботу. У него было много отгулов в октябре и в первые две недели ноября.

Она молча глядела на него.

— Таковы факты, — сказал Колльберг. — И второе, что я хотел бы знать: имел ли он привычку носить при себе пистолет, когда не был на службе?

Прошла почти минута, прежде чем она ответила.

— Убирайся к чертям и прекрати мучить меня своей манерой допроса. Почему сюда не приходит сам руководитель расследования Мартин Бек, собственной персоной?

Колльберг закусил губу.

— Ты много плакала.

— Нет. У меня нет привычки плакать.

— В таком случае ответь мне. Мы должны помогать друг другу.

— В чем?

— В том, чтобы схватить того, кто убил его. И тех, остальных.

— Зачем? — Минуту она сидела молча. Потом сказала так тихо, что он едва слышал ее: — Месть. Конечно, почему бы и нет. Отомстить.

— Он брал с собой пистолет?

— Да. Во всяком случае, часто.

— Почему?

— А почему бы Оке было не брать его с собой? В конце-то концов оказалось ведь, что пистолет был ему нужен. Разве не так?

Колльберг не ответил.

— Хотя ему это и не помогло, — добавила она.

Колльберг снова промолчал.

— Я любила Оке. — Она сказала это звонким и уверенным голосом, глядя в какую-то точку над головой Колльберга.

— Оса?

— Да.

— Так значит, он часто уходил из дому. Ты не знаешь, чем он занимался, мы тоже. Как ты думаешь, у него мог быть кто-то еще? Какая-нибудь женщина?

— Нет.

— Ты этого не допускаешь?

— Я знаю.

— Откуда ты можешь знать об этом?

— Это никого не касается, кроме меня. Я знаю. — Она внезапно с изумлением посмотрела ему прямо в глаза. — Вы что же, считаете, что у него была любовница?

— Да. Мы вынуждены учитывать такую возможность.

— Ну, так можете перестать ее учитывать. Это абсолютно исключено.

— Почему?

— Я уже сказала, что это никого не касается.

Колльберг забарабанил костяшками пальцев по столу.

— Ты уверена?

— Да. Абсолютно.

Он снова сделал глубокий вдох, как перед стартом.

— Оке интересовался фотографией?

— Да. Она была его единственным хобби с тех пор, как он перестал играть в футбол. Он имел три фотоаппарата. Увеличитель стоит на крышке унитаза. В ванной. У него была там темная комната, — Она с удивлением посмотрела на Колльберга. — А почему ты спрашиваешь об этом?

Он подвинул к ней конверт. Она положила зажигалку и дрожащими руками вынула из конверта фотографии. Посмотрела на первую из них и лицо ее стало пунцовым.

— Где… где ты взял что?

— Они лежали и его письменном столе в Вестберге.

— Что? В письменном столе? — Она прикрыла глаза и неожиданно спросила: — Кто из вас видел их? Все?

— Только три человека.

— Кто?

— Мартин, я и моя жена.

— Гюн?

— Да.

— Зачем ты показал ей?

— Потому что должен был прийти сюда. Я хотел, чтобы она знала, как ты выглядишь.

— Как я выгляжу? Ну и как же мы выглядим? Оке и…

— Оке мертв, — почти беззвучно произнес Колльберг.

Она по-прежнему была пунцовой. У нее покраснело не только лицо, но даже шея и плечи. Мелкие капельки пота выступили на лбу.

— Фотографии сделаны здесь, в этой квартире, — сказал Колльберг.

Она кивнула.

— Когда?

Оса Турелль нервно прикусила губу.

— Три месяца назад.

— Конечно, их делал он.

— Конечно. У него есть… было все, что нужно. Автоматический спуск и штатив, или как он там называется.

— Зачем он сделал их?

Она все еще была пунцовой и с испариной на лбу, но голос у нее стал более уверенным.

— Мы считали это забавным.

— А почему он держал их в письменном столе? — Колльберг помолчал и добавил: — Дело в том, что у него в кабинете не было никаких личных вещей. За исключением этих фотографий.

Долгое молчание. Наконец она покачала головой и сказала:

— Этого я не знаю.

Пора сменить тему, подумал Колльберг и сказал:

— Он всегда ходил с пистолетом?

— Почти.

— Почему?

— Наверное, ему так было нужно. В последнее время. Он интересовался огнестрельным оружием.

Она задумалась. Потом быстро встала и вышла. В открытую дверь спальни он видел, как она подходит к кровати. У изголовья лежали две подушки. Оса засунула руку под одну из них и с колебанием сказала:

— У меня здесь есть такая игрушка… пистолет…

Полнота и флегматичный вид Колльберга уже неоднократно многих обманывали. Он был отлично тренирован и обладал очень быстрой реакцией.

Оса Турелль еще стояла, склонившись над кроватью, когда Колльберг оказался возле нее и вырвал оружие из ее руки.

— Это не пистолет, — сказал он. — Это американский револьвер. «Кольт» сорок пятого калибра с длинным стволом. У него абсурдное название "peacemaker"[12]. К тому же он заряжен. И снят с предохранителя.

— Можно подумать, что я этого не знала, — пробормотала она.

Он вытащил обойму и вынул из нее патроны.

— Кроме того, пули с насечкой. Это запрещено даже в Америке. Самое страшное огнестрельное ручное оружие. Из него можно убить слона. Если выстрелить в человека с расстояния в пять метров, пуля пробивает дыру размером с тарелку и отбрасывает тело на десять метров. Откуда, черт возьми, он у тебя?

Она в замешательстве пожала плечами.

— Это пистолет Оке. Он всегда был у него.

— В постели?

Она покачала головой и тихо сказала:

— Нет, с чего ты взял. Это я… сейчас…

Колльберг положил патроны в карман, направил ствол в пол и нажал на спусковой крючок. По комнате прокатилось эхо от щелчка.

— И боек у него подпилен, — добавил он. — Для того, чтобы спуск был мягче и быстрее. Смертельно опасное оружие. Даже опаснее гранаты с выдернутой чекой. Достаточно было, чтобы ты перевернулась во время сна… — Он замолчал.

— В последнее время я мало спала, — сказала она.

«Хм, — подумал Колльберг, — наверное, Оке взял „Кольт" незаметно во время какой-то конфискации оружия. Попросту стибрил».

Он подбросил большой револьвер в руке, потом перевел взгляд на девушку, худенькую, как подросток.

— Я понимаю его, — пробормотал Колльбсрг. — Если кому-то так нравится оружие… — Он повысил голос: — А мне оно не нравится! — воскликнул он. — Это отвратительная вещь; оружие вообще не должно существовать. То, что его производят, то, что каждый может держать его в шкафу, и ящике стола, носить с собой, свидетельствует только о том, что вся система прогнила насквозь и все обезумели. Ты понимаешь? Какие-то акулы зарабатывают на том, что производят оружие, точно так же, как другие сколачивают состояние на наркотиках и опасных для жизни таблетках.

Оса смотрела на него с изменившимся выражением в глазах, в них появились чуткость и понимание.

— Садись, — сказал Колльберг. — Давай поговорим. Серьезно.

Оса Турелль не ответила ему, однако вернулась в гостиную и села.

Колльберг положил «Кольт» на полку в прихожей. Снял пиджак и галстук. Расстегнул воротник и подвернул рукава. Раскопал в горе посуды на кухне кастрюльку, вымыл ее и сварил кофе. Разлил его в две чашки и отнес в комнату. Выбросил окурки. Открыл окно. И только после всего этого сел.

— Итак, — произнес он. — Прежде всего мне хотелось бы знать, что ты имеешь в виду под словами «в последнее время». Когда ты сказала, что в последнее время он предпочитал ходить с оружием.

— Помолчи немного, — сказала Оса и через несколько секунд добавила: — Подожди.

Она подтянула ноги на кресло, обхватила колени руками и замерла. Колльберг ждал. Ему пришлось ждать минут пятнадцать, и за все это время она ни разу не посмотрела на него. Наконец она подняла глаза.

— Ну, я тебя слушаю.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не лучше, но немножечко по-другому. Можешь спрашивать. Я отвечу на любые вопросы. Я только одно хочу знать.

— Что именно?

— Ты обо всем мне рассказал?

— Нет, — ответил Колльберг, — но сейчас я это сделаю. Я вообще пришел сюда потому, что не верю в официальную версию, будто бы Стенстрём случайно оказался одной из жертв убийцы-психопата. И независимо от твоих заверений, что он не изменял тебе, или как там это называется, и причин этой твоей уверенности, я не думаю, что он оказался в автобусе просто так, для собственного удовольствия.

— А ты как считаешь?

— Что ты с самого начала была права. Когда говорила, что он работал. Что он чем-то занимался, по службе, как полицейский; что он по каким-то причинам не говорил об этом ни тебе, ни нам. Возможно, например, что он давно за кем-то следил, и этот человек в отчаянии убил его. Лично я, естественно, считаю эту версию маловероятной. — После короткой паузы Колльберг добавил: — Оке очень хорошо умел следить. Ему это нравилось.

— Я знаю, — сказала она.

— Следить можно двумя разными способами, — продолжал Колльберг. — Можно ходить за кем-нибудь так, чтобы тот этого не замечал и чтобы можно было разгадать его намерения. Либо делать это совершенно открыто, чтобы привести в отчаяние человека, за которым ведется слежка, вывести его из себя, чтобы он сам себя выдал. И тем, и другим способами Стенстрём владел лучше кого-либо из нас.

— А кроме тебя, кто-нибудь еще придерживается такого же мнения? — спросила Оса.

— Да. По крайней мере, Мартин Бек и Меландер. — Колльберг потер шею и добавил: — Но в этих моих рассуждениях много слабых мест. Не стоит больше тратить на них время.

— Ну, так что же ты хочешь знать?

— Я и сам толком не знаю. Нам нужно кое-что уточнить. Мы не все понимаем. Что ты, например, имела в виду, когда говорила, что в последнее время он предпочитал ходить с пистолетом, что ему это нравилось? В последнее время?

— Когда я познакомилась с Оке четыре года назад, он был совершеннейшим ребенком, — спокойно сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Он был робким и инфантильным. А три недели назад, когда кто-то убил его, он уже был взрослым. И это развитие произошло, главным образом, не на службе, у вас, а здесь, дома. Когда мы в первый раз были вместе в той комнате, в постели, пистолет был последней вещью, которую он снял с себя.

Колльберг в недоумении приподнял брови.

— Потому что он остался в рубашке, — сказала она, — а пистолет положил на ночной столик. Я просто остолбенела. Честно говоря, тогда я вообще не знала, что он полицейский, пыталась сообразить, что за психа я пустила к себе в постель. Она внимательно посмотрела на Колльберга. — Тогда мы еще не были влюблены друг в друга. Но уже почти влюбились. Потом я все поняла. Ему было двадцать пять лет, а мне только-только исполнилось двадцать. Но если и можно было кого-то из нас считать взрослым, зрелым человеком, так это только меня. Он ходил с пистолетом, считая это таким дерзким. Как я уже сказала, он был еще ребенком и ему казался невероятно смешным вид голой женщины, которая с глупым выражением лица уставилась на мужчину в рубашке и с пистолетом. Потом он вырос из этого, но к пистолету успел привыкнуть. Кроме того, его интересовало огнестрельное

оружие… — Она замолчала и внезапно спросила: — А ты храбрый? Я имею в виду физиологию.

— Не очень.

— Оке был физиологическим трусом, хотя делал все, чтобы побороть себя. Пистолет придавал ему чувство уверенности.

— Ты говорила, что он повзрослел. Он был полицейским, а с точки зрения профессионализма вряд ли свидетельствует о зрелости то, что ты позволяешь застрелить себя сзади тому, за кем следил. Поэтому я заметил, что мне трудно в это поверить.

— Вот именно, — сказала Оса Турелль. — И я в это решительно не верю. Тут что-то не так.

Колльберг немного подумал и сказал:

— Остаются факты. Он чем-то занимался. А чем именно, ни я, ни ты не знаем. Я прав?

— Да.

— Может, он как-то изменился? Незадолго до того, как это произошло?

Она подняла руку и пригладила свои короткие темные волосы.

— Да, — наконец ответила она.

— Как именно?

— Это нелегко описать.

— А эти фотографии имеют какое-то отношение к перемене, которая с ним произошла?

— Да, — ответила она. — Самое прямое. — Она взглянула на фотографии. — Об этом можно говорить только с тем человеком, которому полностью доверяешь. Не знаю, чувствую ли я к тебе такое доверие. Но я все же попытаюсь.

У Колльберга вспотели руки, он вытер их об брюки. Они поменялись ролями. Теперь она была спокойной, а он нервничал.

— Я любила Оке. С самого начала. Но сексуально мы не очень подходили друг другу. У нас были разные темпераменты и требования. — Она испытующе посмотрела на Колльберга. — Можно, однако, быть счастливым. Можно научиться. Тебе известно об этом?

— Нет.

— Мы с Оке являемся доказательством этого. Мы научились. Полагаю, ты понимаешь, что я имею в виду?

Колльберг кивнул.

— Бек не понял бы меня, — сказала она. — Я уж не говорю о Рённе или о ком-либо другом. — Она пожала плачами. — В общем, мы научились. Мы подстроились друг к другу, и нам было хорошо.

Колльберг на несколько секунд перестал слушать. Вот альтернатива, над существованием которой он никогда не задумывался.

— Это нелегко, — продолжала она. — Я должна тебе все объяснить, потому что если не сделаю этого, то не сумею объяснить, как именно переменился Оке. Но даже если я расскажу тебе массу подробностей из нашей частной жизни, неизвестно, поймешь ли ты. Однако я надеюсь, что ты поймешь. — Она закашлялась. — Я слишком много курила в последние недели.

Колльберг почувствовал, что происходят какие-то перемены. Он улыбнулся. Оса Турелль тоже улыбнулась, немного грустной улыбкой, но все же.

— Ладно, — сказала она. — Закончим с этим чем раньше, тем лучше. Я, к сожалению, робкая. Странно.

— В этом нет ничего странного. Я тоже ужасно робкий. Робость вообще связана с повышенной чувствительностью.

— До знакомства с Оке я считала себя почти нимфоманкой или ненормальной, — быстро сказала Оса. — Потом мы влюбились и подстроились друг к другу. Я очень старалась. Оке тоже. И нам это удалось. Нам было хорошо, лучше, чем я могла когда-либо мечтать. Я забыла, что я более чувственна, чем он; вначале мы пару раз говорили об этом, а потом уже никогда. Попросту не было необходимости. Мы занимались любовью, когда ему хотелось, другими словами, один-два, максимум три раза в неделю. Это приносило нам удовольствие, и ничего другого мы не желали. Поэтому мы не и изменяли друг другу, как ты предполагал. И тут…

— …вдруг прошлым летом, — продолжил Колльберг.

Она с уважением посмотрела на него.

— Вот именно. Прошлым летом мы поехали на Мальорку. Вы тогда вы как раз занимались трудным и очень неприятным делом.

— Да. Убийством в парке.

— Когда мы вернулись, это убийство уже раскрыли. Оке был очень раздосадован. — Она помолчала и через несколько секунд продолжила говорить, так же быстро и плавно. — Возможно, это не производит хорошего впечатления, но многое из того, о чем я уже рассказала и еще расскажу, не производит хорошего впечатления. Он был раздосадован, что не смог принять участие в расследовании. Оке был самолюбивый, почти жадный на похвалу. Он всегда мечтал о том, что раскроет что-то важное, то, что никто не смог раскрыть. Кроме того, он был намного моложе всех вас и считал, по крайней мере давно, что на службе им помыкают. Насколько мне известно, он считал, что ты третировал его больше всех.

— К сожалению, он был прав.

— Он недолюбливал тебя. Гораздо лучше он относился к Беку или Меландеру. Не так, как я сейчас, но это не относится к делу. В конце июля или в начале августа он вдруг изменился, как я уже говорила, причем эта перемена перевернула всю нашу жизнь вверх тормашками. Тогда-то он и сделал эти фотографии. В общем-то он сделал их намного больше, отснял множество кассет. Я уже говорила, что наша эротическая жизнь была счастливой и регулярной. И внезапно все это было разрушено, причем не мною, а им. Мы были… были вместе…

— Занимались любовью, — подсказал Колльберг.

— Ладно, занимались любовью в течение одного дня столько раз, сколько раньше, как правило, за целый месяц. Иногда он даже не разрешал мне несколько дней ходить на работу. Вряд ли стоит отрицать, что для меня это была приятная неожиданность. Кроме того, я была изумлена. Мы жили вместе уже более четырех лет и…

— Что же дальше? — спросил Колльберг, когда она замолчала.

— Понятно, что мне это очень нравилось. Мне нравилось, что он выкидывает со мной самые разные штучки, будит меня ночью, не дает уснуть, не разрешает одеться и идти на работу. Что он не оставляет меня в покое даже в кухне; он овладел мною на мойке, в ванне, спереди и сзади, во всех позах, которые только можно себе представить, в каждом кресле по очереди. Однако сам он при этом вовсе не изменился, и спустя какое-то время я убедилась в том, что являюсь для него предметом для определенного рода эксперимента. Я расспрашивала его, однако он только смеялся.

— Смеялся?

— Да. Он вообще все это время был в прекрасном настроении. Вплоть… вплоть до того дня, когда его убили.

— Почему?

— Этого я не знаю. Я поняла только одно, сразу после того, как миновал шок.

— Что именно?

— Что была для него объектом исследования. Он все обо мне знал. Знал, как я невероятно возбуждаюсь, стоит ему только немножко постараться. А я все знала о нем. Например, что на самом деле это интересовало его лишь иногда.

— И как долго это продолжалось?

— До середины сентября. У него тогда появилось много работы и он почти не бывал дома.

— Что оказалось неправдой, — сказал Колльберг. Он внимательно посмотрел на Осу и добавил: — Спасибо. Ты хорошая девушка. Ты мне нравишься.

Она выглядела растерянной и смотрела на него с подозрительным видом.

— И он никогда не говорил, чем занимается?

Она покачала головой.

— Даже не намекнул?

— Нет.

— И ты не заметила ничего необычного?

— Он много времени проводил на улице, то есть не в помещении. Это я заметила. Он возвращался замерзший и промокший.

Колльберг слушал.

— Несколько раз я проснулась, очень поздно, потому что он ложился холодным, как сосулька. Последнее дело, о котором он со мной говорил, было то, которым он занимался, начиная с середины сентября. О мужчине, убившем жену. Кажется, его фамилия была Биргерсон.

— Я тоже припоминаю, — сказал Колльберг. — Семейная трагедия. Рядовое дело. Даже не знаю, зачем мы к нему подключились. Все как по учебнику. Неудачный брак, нервы, ссоры, стесненные материальные условия. В конце концов муж убил жену, скорее всего, случайно. Потом он хотел покончить с собой, но ему не хватило смелости и он отправился в полицию. Однако Стенстрём действительно занимался этим делом, он проводил допросы.

— Погоди, во время этих допросов что-то произошло.

— Что именно?

— Не знаю. Но однажды вечером Оке пришел очень возбужденный.

— Там не было ничего, что могло бы возбудить. Грустная история. Типичное убийство на бытовой почве. Фактически одинокий человек, жена которого, отравленная жаждой жить все лучше и лучше, непрерывно упрекала его, что он зарабатывает слишком мало денег и что они не могут купить себе моторную лодку, летний домик, а их автомобиль не такой роскошный, как у соседей.

— Но во время допроса тот мужчина что-то рассказал Оке.

— Что?

— Не знаю. Оке, во всяком случае, это казалось очень важным. Я, конечно, спросила у него об этом, так же как ты у меня сейчас, но он только рассмеялся и сказал, что скоро я все узнаю.

— Он сказал именно так?

— Ты скоро все узнаешь, малышка. Это его точные слона. Он выглядел очень довольным.

— Странно.

Минуту они сидели молча, потом Колльберг встряхнулся, взял со стола открытую книгу и спросил:

— Ты понимаешь эти комментарии?

Оса Турелль встала, обошла вокруг стола и, наклонившись над книгой, чтобы заглянуть туда, положила руку на плечо Колльбергу.

— Вендел и Свенсон пишут, что эротический убийца часто является импотентом и совершает насилие для того, чтобы получить желанное удовлетворение. А Оке написал на полях «и наоборот». — Колльберг пожал плечами и сказал: — Ага, он, вероятно, имел в виду, что эротический убийца может также быть легко возбудим сексуально.

Оса мгновенно убрала руку, и Колльберг, к своему удивлению, заметил, что она снова покраснела.

— Нет, он не это имел в виду, — сказала она.

— Что же, в таком случае?

— Совершенно противоположную ситуацию: женщина, другими словами, жертва, может заплатить своей жизнью за то, что она чрезмерно возбудима.

— Откуда тебе это известно?

— Мы с ним однажды разговаривали на эту тему. В связи с тем, что вы расследовали тогда убийство молодой американки на Гёта-канале.

— Ее звали Розанна, — сказал Колльберг. — Однако тогда у него еще не было этой книги. Помню, я обнаружил ее, когда наводил порядок в ящиках моего письменного стола. Когда мы переезжали из Кристинеберга. Это было намного позднее.

— Но другие его пометки, — сказала Оса, — совершенно логичны.

— Да. Тебе не попадался случайно какой-нибудь блокнот или календарь, куда он записывал свои дела?

— А при себе у него не оказалось блокнота?

— Да. Мы просмотрели его. Там не было ничего интересного.

— Я обыскала всю квартиру.

— Что-нибудь нашла?

— Абсолютно ничего. Он ничего не прятал. И был очень аккуратным. У него, естественно, имелся еще один блокнот. Вон он лежит на письменном столе.

Колльберг взял блокнот. Такой же, какой нашли в кармане Стенстрёма.

— В этом блокноте почти ничего нет, — сказала Оса. Она стащила носок с одной ноги и почесала пятку.

Стопа у нее была узкая, с крутым подъемом и длинными прямыми пальцами. Колльберг поглядел на ногу, а затем перелистал блокнот Она была права. Там почти ничего не было. На первой странице анкетные данные того бедолаги по фамилии Биргерсон, который убил свою жену.

На второй странице вверху было только одно слово: «Моррис».

Оса Турелль заглянула в блокнотик и пожала плечами.

— Это название автомобиля, — сказала она.

— Или, скорее, фамилия агента в Нью-Йорке.

Оса, стоя у стола, смотрела на фотографии. Внезапно она ударила кулаком по столу и очень громко сказала:

— Ах, если бы у меня был ребенок! — Понизив голос, она добавила: — Он всегда говорил, что у нас еще есть время. Что мы должны подождать, когда он получит повышение.

Колльберг медленно направился в сторону прихожей.

— Есть время, — пробормотала она, а потом спросила: — Что со мной будет?

Он повернулся к ней и сказал:

— Так нельзя. Оса. Пойдем.

Она быстро повернулась к нему, с блеском ненависти и глазах.

— Пойдем? Куда? Ну, конечно же, в постель.

Колльберг смотрел на нее.

Девяносто девять мужчин из ста видели бы худенькую бледную девушку, едва держащуюся на ногах; они видели бы заморенное тело, тонкие, потемневшие от никотина пальцы и осунувшееся лицо. Они видели бы непричесанную девушку в мешковатой одежде, на одной ноге у которой был шерстяной носок, номера на два больше, чем нужно.

Леннарт Колльберг видел физически и психически закомплексованную женщину с горящим взглядом и многообещающими ямочками под мышками, интересную, привлекательную, женщину, с которой стоит познакомиться поближе.

Увидел ли все это Стенстрём или он тоже оказался одним из девяноста девяти, и ему просто-напросто невероятно повезло?

— Я не это имел в виду, — сказал Колльберг. — Пойдем к нам домой. Места у нас хватит. Ты уже достаточно долго была одна.

В автомобиле Оса расплакалась.

XXII

Дул пронизывающий ветер, когда Нордин вышел со станции метро на углу Свеавеген и Родмансгатан. Подгоняемый ветром в спину, он быстро пересек Свеавеген и, свернув на Тегнергатан, где не так сильно дуло, и замедлил шаг. В двадцати метрах от угла находилось кафе. Нордин остановился перед витриной и заглянул внутрь.

Стоящая за стойкой рыжеволосая женщина в фисташково-зеленом жакете разговаривала по телефону. Кроме нее, в заведении никого не было.

Нордин пошел дальше, пересек Лунтмакаргатан и остановился, чтобы посмотреть на картину, написанную масляными красками, которая висела над застекленной дверью антикварного магазина. Когда он размышлял над тем, что хотел изобразить на картине ее творец — двух лосей или лося и северного оленя, — у него за спиной раздался голос:

— Aber Mensch, bist du doch ganz verrückt?[13]

Нордин обернулся и увидел двух мужчин, переходящих через проезжую часть. Еще до того, как они оказались на противоположном тротуаре, он углядел нужную ему кондитерскую. Когда он туда вошел, двое мужчин спускались по винтовой лестнице, находящейся за баром. Он пошел за ними.

Заведение заполняли молодежь, оглушительная музыка и шум голосов. Нордин огляделся в поисках свободного столика, но мест, очевидно, не было. Он немного поразмышлял, стоит ли снять плащ и шляпу, но решил не рисковать. В Стокгольме никому нельзя доверять, в этом он был свято убежден.

Он занялся осмотром гостей женского пола. Блондинок в зале было много, но ни у одной из них внешность не соответствовала описанию Белокурой Малин.

Здесь преобладал немецкий язык. Свободный стул был рядом с худощавой брюнеткой, похожей по внешнему виду на шведку. Нордин расстегнул плащ, сел, положил шляпу на колени и подумал, что благодаря охотничьей шляпе с пером и шерстяному плащу он не отличается от большинства немцев.

Ему пришлось ждать пятнадцать минут, прежде чем подошла официантка. Подруга брюнетки, сидящая напротив, время от времени с любопытством поглядывала на него.

Помешивая кофе, которое ему наконец принесли, Нордин посмотрел на сидящую рядом девушку. Стараясь говорить со стокгольмским произношением в надежде, что его примут за постоянного посетителя, он спросил:

— А куда это сегодня подевалась Белокурая Малин?

Брюнетка широко раскрыла рот. Потом улыбнулась и, наклонившись над столом, сказала подруге:

— Этот норландец интересуется Белокурой Малин. Эва, ты не знаешь, где она?

Подруга посмотрела на Нордина и крикнула кому-то за соседним столиком:

— Тут какой-то сыщик интересуется Белокурой Малин. Кто-нибудь знает, где она?

— Не-е-а, — прозвучало в унисон.

Прихлебывая кофе, Нордин с досадой размышлял, по каким признакам можно догадаться, что он полицейский. Трудно понять, что за город этот Стокгольм.

Когда он выходил, наверху его остановила официантка, которая подавала ему кофе.

— Я слыхала, что вы разыскиваете Белокурую Малин. Вы действительно полицейский?

После короткого колебания Нордин хмуро кивнул.

— Если вы собираетесь арестовать за что-то эту кривляку, никто не обрадуется сильнее меня. Мне кажется, я могу сказать вам, где она. Раз здесь ее нет, она наверняка сидит в кафе на Энгельбрехтплан.

Нордин поблагодарил и вышел на холод.

В кафе на Энгельбрехтплан, где, по-видимому, собирались только постоянные посетители, Белокурой Малин тоже не оказалось. Нордин, однако, решил не сдаваться и подошел к сидящей в одиночестве женщине, которая просматривала потрепанный еженедельник. Она не знала, кто такая Белокурая Малин, но посоветовала ему заглянуть в винный погребок на Кунгсгатан.

Нордин брел по ненавистным улицам Стокгольма и страстно желал оказаться дома, в Сундсвалле.

На этот раз ему повезло.

Отправив кивком гардеробщика, который подошел, чтобы взять у него плащ, Нордин остановился в дверях и окинул взглядом заведение. Он узнал ее почти сразу.

Рослая, однако не тучная. Отливающие серебром светлые волосы собраны в искусную высокую прическу.

У него не было сомнений, что это Белокурая Малин.

Она сидела на диванчике в углу, перед ней стоял бокал вина. Рядом с ней находилась довольно пожилая женщина с длинными, спадающими на плечи черными кудрями, которые вовсе не молодили ее. Наверное, тоже такая же бесплатная, подумал Нордин.

Он немного понаблюдал за обеими женщинами. Они не разговаривали друг с другом. Белокурая Малин разглядывала бокал, вертя его кончиками пальцев. Черноволосая осматривалась по сторонам, время от времени кокетливо отбрасывая длинные волосы. Нордин обратился к гардеробщику:

— Прошу прощения, вы не знаете, как зовут ту даму со светлыми волосами, которая сидит на диванчике?

Гардеробщик посмотрел в ту сторону.

— Дама, — иронично произнес он. — Как ее зовут я не знаю, но все называют ее Толстуха Малин или как-то в таком духе.

Нордин отдал ему плащ и шляпу.

Когда он подходил к столику, черноволосая с надеждой посмотрела на него.

— Прошу прощения за назойливость, — сказал Нордин, — но мне хотелось бы, если можно, поговорить с фрёкен Малин.

— А в чем дело? — спросила она.

— Речь идет об одном из ваших друзей, — ответил Нордин. — Вы не возражаете, если мы пересядем за другой столик, где сможем спокойно побеседовать, так, чтобы нам никто не мешал? — Увидев, что Малин посмотрела на подругу, он поспешно добавил: — Если, конечно, ваша подруга не имеет ничего против.

Черноволосая наполнила свой бокал и встала.

— Я вовсе не мешаю, — обидчиво сказала она и, поскольку Белокурая Малин никак не отреагировала на ее слова, добавила: — Я пересяду к Торе. До свидания. — Она взяла свой бокал и ушла в глубь заведения.

Нордин сел. Белокурая Малин выжидательно глядела на него.

— Ульф Нордин, первый ассистент криминальной полиции, — представился он. — Надеюсь, вы сможете помочь мне в одном деле.

— Ясно, — сказала Белокурая Малин. — И что же это за дело? Вы там что-то говорили о моем друге.

— Да. Мне нужна кое-какая информация о человеке, которого вы знали.

Белокурая Малин окинула его презрительным взглядом.

— Я не доносчица, — сказала она.

Нордин вынул из кармана пачку сигарет, предложил Малин и поднес ей огонь.

— Это не доносительство. Несколько недель назад вы приехали на белом «вольво-амазони» вместе с двумя мужчинами в гараж в Хегерстене. Гараж находится на Клуббакен и принадлежит одному швейцарцу по имени Хорст. За рулем сидел испанец. Припоминаете?

— Конечно, я прекрасно это помню, — ответила Белокурая Малин. — Ну и что? Ниссе и я поехали с тем Пако, чтобы показать ему дорогу в гараж. Он уже вернулся домой, в Испанию.

— Пако?

— Да.

Она осушила бокал и вылила туда остатки вина из графинчика.

— Вы позволите угостить вас? Может быть, еще вина?

Девушка изъявила согласие, и Нордин, подозвав официантку, заказал полграфина вина и кружку пива.

— А кто такой Ниссе? — спросил он.

— Ну, так это ведь тот, что был в автомобиле, вы же сами минуту назад сказали.

— Да, но какая фамилия у того Ниссе, чем он занимался?..

— Его фамилия Ёранссон. Нильс Эрик Ёранссон. А чем он занимается, я не знаю. Я уже пару недель не видела его.

— Почему? — спросил Нордин.

— Что «почему»?

— Почему вы уже несколько недель не видели его? Раньше ведь вы, вероятно, виделись довольно часто.

— Мы вовсе не из одной компании. Просто иногда ходили вместе. Наверняка он встречался с какой-то девушкой. Откуда мне знать. Во всяком случае, он уже давно не показывается.

— А вы знаете, где он живет?

— Ниссе? Нет, у него, очевидно, не было квартиры. Какое-то время он жил у меня, потом у одного приятеля в Сёдермальме, но, по-моему, он там больше не живет. А где он живет теперь, я и в самом деле не знаю. А даже если бы и знала, все равно не сказала бы полицейскому. Я ни на кого не доношу.

Нордин сделал глоток пива и дружелюбно посмотрел на могучую блондинку.

— Вам не нужно этого делать, фрекен… извините, я не знаю вашей фамилии, фрёкен Малин.

— Мое имя вовсе не Малин, а Магдалена. Магдалена Розен. А прозвали меня Белокурой Малин, потому что у меня светлые волосы. Она потрогала рукой прическу. — А что вам нужно от Ниссе? Что он сделал? Я не хочу отвечать на вопросы, а их наверняка будет много, до тех пор, пока не узнаю, в чем дело.

— Да, понимаю, — сказал Нордин. — Сейчас я объясню, каким образом вы можете нам помочь, фрёкен Розен. — Он снова сделал глоток пива и вытер губы. — Однако предварительно я хотел бы задать один вопрос. Как одевался Ниссе?

Она нахмурила брови и задумалась.

— В основном он ходил в костюме. Таком светлом, бежевом с обтянутыми тканью путницами. На нем была рубашка, ботинки, наверное, трусы, как на каждом мужчине.

— А плащ он не носил?

— Нет, настоящий плащ он не носил. Он ходил в таком тоненьком, нейлоновом. Ну, знаете?

Она вопросительно посмотрела на Нордина.

— Фрёкен Розен, он, вероятно, мертв.

— Мертв? Ниссе? Но… почему… почему, вы говорите «вероятно»? И откуда вам известно, что он мертв?

Ульф Нордин вынул носовой платок и вытер шею. В заведении было жарко и он чувствовал, как одежда прилипает к телу.

— Дело в том, что у нас в морге есть мужчина, которого мы не можем идентифицировать. Однако имеются основания полагать, что это Нильс Эрик Ёранссон.

— А с чего вы взяли, что он должен был умереть? — с подозрением глядя на Нордина, спросила Белокурая Малин.

— Он был одним из пассажиров того автобуса, о котором вы наверняка читали в газетах. Он получил огнестрельное ранение в голову и мгновенно умер. Поскольку вы единственный известный нам человек, который мог бы опознать Ёранссона, мы будем очень признательны вам, если вы не откажетесь прийти завтра в морг и посмотреть, он это или не он.

Она испуганно уставилась на Нордина.

— Я? В морг? Ни за что!

В среду, в девять часов утра Нордин и Белокурая Малин вышли из такси возле Института судебной медицины на Томтебодавеген. Мартин Бек ждал их уже пятнадцать минут. Все вместе они вошли в морг.

Белокурая Малин была бледной под небрежно наложенным гримом. Ее светлые волосы тоже не были так старательно причесаны, как накануне вечером.

Нордин ждал в прихожей ее квартиры, пока она закончит утренний туалет. Когда наконец она была готова и они вышли на улицу, он констатировал, что она выглядела

гораздо привлекательнее в приглушенном свете винного погребка, чем в туманную утреннюю погоду.

В морге их уже ждали и провели в морозильник.

Размозженное лицо покойника прикрыли, но волосы было видно. Белокурая Малин схватила Нордина за руку и прошептала:

— О Боже!

Нордин обнял ее широкие плечи и подвел поближе.

— Прошу вас хорошенько посмотреть, — тихо произнес он. — Посмотреть и сказать, узнаете ли вы его.

Прикрыв рот рукой, она смотрела на обнаженное тело.

— А что с его лицом? — спросила она. — Я могу увидеть лицо?

— Лучше будет, если вы сможете обойтись без этого, — ответил Мартин Бек. — Вы и без этого должны его узнать.

Белокурая Малин опустила руку и кивнула.

— Да, это Ниссе. Вон тот шрам и… да, это он.

— Благодарю вам, фрёкен Розен, — сказал Мартин Бек. — Мы приглашаем вас на кофе в управление полиции.

Сидя в такси рядом с Нордином, Белокурая Малин время от времени бормотала:

— О Боже, это что-то ужасное.

Мартин Бек и Нордин организовали кофе и пирожные. Через минуту к ним присоединились Колльберг, Меландер и Рённ.

Малин вскоре пришла в себя, и можно было заметить, что она оживилась не только от кофе, но и от того уважения, которое ей выказывали. Она охотно отвечала на вопросы, а перед уходом пожала им руки и заявила:

— Я никогда бы не подумала что мусор… полицейские могут быть такими мировыми парнями.

После того, как дверь за ней закрылась, они с минуту переваривали комплимент, потом Колльберг сказал:

— Ну, мировые парни! Подведем итоги?

Они подвели итоги.

Нильс Эрик Ёранссон. Возраст: 38—39 лет. С 1965 года без постоянного места работы. С марта по август 1967 года жил у Магдалены Розен (Белокурой Малин) на Арбетаргатан, 3, на Кунгсхольмене. Позже, примерно до октября, — у Суне Бьёрка в Сёдермальме. Место жительства в последние недели перед смертью не установлено. Наркоман. Курил, глотал и впрыскивал себе любой наркотик, какой удавалось раздобыть. Возможно, также торговал наркотиками. Был болен триппером.

Магдалена Розен видела его в последний раз третьего или четвертого ноября возле ресторана «Дамберга». Тогда на нем были те же самые костюм и плащ, что и тринадцатого.

Денег у него всегда хватало.

XXIII

Таким образом, из всей бригады, занимающейся убийством в автобусе, Нордину первому удалось раскопать нечто такое, что при достаточном желании можно было назвать положительным результатом. Однако, даже относительно этого мнения разделились.

— Ну ладно, — сказал Гюнвальд Ларссон, — теперь вы уже знаете фамилию этого подозрительного субъекта. Ну и что же дальше?

— Так-так, — задумчиво пробормотал Меландер.

— Что это ты там бормочешь?

— Ёранссон никогда ни на чем не попадался, но мне, кажется, знакома эта фамилия.

— Вот как?

— По-моему, она фигурировала в каком-то расследовании. Я с ним не разговаривал и наверняка не видел его. Но мне где-то попадались эти имя и фамилия — Нильс Эрик Ёранссон.

Меландер, попыхивая трубкой, рассеянно смотрел прямо перед собой.

Гюнвальд Ларссон с раздражением разгонял дым рукой. Он не выносил никотина.

— Меня больше интересует этот свинтус Асарсон, — сказал он.

— Я вспомню, — пробормотал Меландер.

— Конечно. Если раньше не умрешь от рака легких. Гюнвальд Ларссон встал и подошел к Мартину Беку.

— Где этот Асарсон брал деньги?

— Не знаю.

— А чем занимается его фирма?

— Импортирует разные товары. Все, что приносит прибыль. От подъемных кранов до искусственных пластмассовых елок.

— Искусственных елок?

— Да, этот товар сейчас пользуется большим спросом.

— Я навел справки о сумме налогов, которые уплатили эти господа и их фирма за последние несколько лет.

— Ну?

— Она составляет примерно треть от того, что должны платить ты или я. И когда я вспоминаю, как выглядит квартира вдовы…

— То что?

— У меня появляется чертовское желание произвести обыск у них в офисе.

— На каком основании?

— Не знаю.

Мартин Бек пожал плечами. Гюнвальд Ларссон направился к двери. На пороге он сказал:

— Хитрая лиса этот Асарсон. А его братец наверняка не лучше.

В дверях появился Колльберг. Он выглядел уставшим и невыспавшимся, глаза у него были красные.

— Чем ты занимаешься? — спросил Мартин Бек.

— Слушаю магнитофонную запись допроса, который проводил Стенстрём. Он допрашивал Биргерсона, того, который убил жену. У меня это заняло всю ночь.

— Ну?

— Ничего. Абсолютно ничего. Если я чего-то не упустил.

— Это всегда возможно.

— Очень ценное указание, — заметил Колльберг, закрывая за собой дверь.

Мартин Бек облокотился на стол и подпер голову руками.

Была пятница, восемнадцатое декабря. Прошло уже двадцать пять дней, а расследование, по существу, топталось на месте. Более того, появились определенные признаки, что все разваливается. Каждый цеплялся за любую мелочь, как утопающий хватается за соломинку.

Меландер размышлял над тем, где и когда он слышал имя и фамилию Нильс Эрик Ёранссон.

Гюнвальд Ларссон ломал себе голову над источниками доходов братьев Асарсон.

Колльберг пытался догадаться, каким образом не совсем нормальный психически убийца жены по фамилии Биргерсон мог натолкнуть на что-то Стенстрёма.

Нордин старался установить связь между Ёранссоном, групповым убийством и гаражом в Хегерстене.

Эк настолько углубился в изучение устройства красного двухэтажного автобуса, что теперь с ним можно было разговаривать только об электрической схеме и расположении дворников на лобовом стекле.

Монссон систематически допрашивал всю арабскую колонию в Стокгольме, потому что проникся убеждением Гюнвальда Ларссона, что Мохаммед Бусси должен играть ключевую роль в этом деле, так как он алжирец.

Сам Мартин Бек думал о Стенстрёме, о том, что, возможно, он за кем-то следил и тот человек застрелил его. Эти рассуждения вовсе не выглядели убедительными. Разве позволил бы такой опытный полицейский, чтобы его застрелил человек, за которым он следил? И к тому же в автобусе?

Рённ не мог перестать думать о том, что сказал Шверин в больнице за несколько секунд до того, как умереть.

Именно в эту пятницу, днем, у него состоялся разговор со звукооператором шведского радио. Звукооператор попытался проанализировать записанные звуки. Это заняло у него много времени, но теперь он наконец справился с заданием.

— Маловато материала, не над чем было работать. Мне все же удалось получить определенные результаты. Хотите послушать?

— Да, — сказал Рённ.

Он взял трубку в левую руку и потянулся за блокнотом.

— Вы норландец, я прав?

— Да.

— Ну, нас интересуют не вопросы, а только ответы. Прежде всего я постарался убрать с ленты все посторонние звуки, шум, скрежет и так далее.

Рённ ждал с авторучкой наготове.

— Если говорить о первом ответе, на вопрос, кто стрелял, можно четко выделить четыре согласных: д, н, р и к.

— Да, — согласился Рённ.

— Однако при более глубоком анализе слышны и некоторые гласные и дифтонги между этими согласными. Например, звук «е» или «и» между «д» и «н».

— Динрк, — сказал Рённ.

— Да, это звучит приблизительно так для неопытного уха. Кроме того, мне кажется, что он произнес очень слабое «ай» после согласной «к».

— Динркай, — сказал Рённ.

— Что-то в этом роде, хотя и не с таким сильным «ай».

После паузы эксперт предположил:

— Наверное, этот человек был в очень плохом состоянии.

— Да.

— Возможно, он испытывал сильные боли.

— Вероятнее всего.

— В таком случае, — с облегчением сказал эксперт, — можно объяснить, почему он произнес «ай».

Рённ записывал. Почесывал кончиком авторучки основание носа. Слушал.

— Теперь я окончательно уверен, что эти звуки образуют целую фразу, состоящую из многих слов.

— И как же звучит эта фраза? — спросил Рённ, приготовившись записывать.

— Очень трудно сказать. Очень трудно. Например, там могло быть: дрянь, ай.

— Дрянь, — удивленно повторил Рённ.

— Это всего лишь для примера, естественно. Если же говорить о втором ответе…

— Акальсон?

— Ага, так значит, вам кажется, что это звучало именно так? Любопытно. Я теперь так не считаю. Я пришел к выводу, что он произнес два слова. Вначале «яак», а потом «альсон».

— Что бы это могло значить?

— Ну, можно предположить, что это фамилия. Альсон или, вероятнее всего, Ольсон.

— Яак Альсон? Яак Ольсон?

— Вот именно! Это звучит именно так. Вы точно так же произносите «ль». Возможно, он говорил на таком же диалекте. — После нескольких секунд молчания эксперт сказал: — Впрочем, маловероятно, чтобы существовал кто-то, кого зовут Яак Альсон или Яак Ольсон, так?

— Маловероятно, — согласился Рённ.

— У меня пока все. Я, естественно, пришлю письменное заключение вместе с текстом. Просто я решил, что стоит сразу же позвонить, так как дело может быть срочным.

— Спасибо, — сказал Рённ.

Он положил трубку и после некоторых раздумий решил не докладывать об этих выводах эксперта руководителю расследования. По крайней мере, не сейчас.

Несмотря на то, что часы показывали всего лишь четверть четвертого, было уже совершенно темно, когда Колльберг приехал на Лонгхольмен. Он замерз, устал, в атмосфера тюрьмы не настраивала на радостный лад. Холодная комната свидании была обшарпанной и негостеприимной, и в ожидании прихода того, с кем он должен был встретиться, Колльберг хмуро мерил расстояние между стенами. Биргерсон, человек который убил жену, был подвергнут основательному психиатрическому обследованию в клинике судебной медицины. Вскоре его, наверное, освободят от отбытия наказания и направят в какое-нибудь лечебное заведение.

Примерно через пятнадцать минут дверь открылась и надзиратель в синей униформе впустил низенького лысоватого мужчину лет шестидесяти. Мужчина перешагнул через порог, остановился и поклонился с вежливой улыбкой. Колльберг подошел к нему. Они обменялись рукопожатием и представились друг другу.

Биргерсон оказался приятным собеседником.

— Ассистент Стенстрём? Конечно, припоминаю. Очень симпатичный. Я попрошу вас передать ему привет от меня.

— Он мертв.

— Мертв? Не понимаю. Такой молодой человек… Как это случилось?

— Вот об этом-то я и хотел бы поговорить с вами.

Колльберг вкратце объяснил, что ему нужно.

— Я прослушал все, что было записано на пленку, — сказал он в конце. — Однако догадываюсь, что он не всегда включал магнитофон, например, во время еды или когда вы пили кофе.

— Верно.

— Но ведь вы и тогда разговаривали друг с другом.

— Конечно. Так часто бывало.

— О чем вы разговаривали?

— Так, обо всем.

— А может быть, какая-то тема особенно заинтересовала Стенстрёма?

Биргерсон задумался и покачал головой.

— Мы в основном просто болтали. О том, о сем. Какая-то особенная тема? Что бы это могло быть?

— Именно это я и хотел бы знать.

Колльберг вынул из кармана блокнот, который обнаружил в квартире Осы, и показал его Биргерсону.

— Вам это о чем-нибудь говорит? Почему он написал «Моррис»?

Лицо собеседника просветлело.

— Мы, по-видимому, разговаривали об автомобилях. У меня был «моррис» восьмой модели, такой большой, ну, вы, наверное, знаете. Очевидно, как-то при случае я упомянул об этом.

— Ага, вот как. Если вы что-нибудь вспомните, позвоните мне. В любое время.

— Мой «моррис» был старенький и выглядел не очень представительно, зато как ездил. Моя… жена стыдилась его. Говорила, что это развалина, а у других новые автомобили…

Он заморгал и умолк.

Колльберг быстро закончил разговор. Когда надзиратель вывел убийцу, в комнату вошел молодой врач в белом халате.

— Ну, и какого вы мнения о Биргерсоне? — спросил он.

— Он производит приятное впечатление.

— Да, — сказал врач. — Он в полном порядке. Единственное, что ему нужно было сделать, так это избавиться от стервы, на которой он женился.

Колльберг внимательно посмотрел на врача, спрятал свои записи и вышел.

В субботу вечером — было уже половина двенадцатого — Гюнвальд Ларссон едва не замерз, хотя на нем было самое теплое пальто, меховая шапка, лыжные брюки и зимние ботинки. Он стоял в подъезде дома номер 53 на Тегнергатан так тихо и неподвижно, как умеет стоять только полицейский. Стоял он здесь не случайно, и его нелегко было бы заметить в темноте. Торчал он здесь вот уже четыре часа, причем это был не первый вечер, а десятый или одиннадцатый.

Он намеревался поехать домой, когда погаснет свет в окнах, за которыми он наблюдал. Без четверти двенадцать у подъезда дома на противоположной стороне улицы остановился серый «мерседес» с иностранными номерами. Из него вышел какой-то мужчина, он открыл багажник и вынул оттуда чемодан. Потом пересек тротуар и открыл входную дверь. Через две минуты за опущенными шторами в двух окнах первого этажа зажегся свет.

Гюнвальд Ларссон широким быстрым шагом перешел улицу. Нужный ключ он подобрал еще две недели назад. Войдя в дом, он снял пальто и, старательно сложив его, повесил на

поручень мраморной лестницы, а меховую шапку положил на пальто сверху. Потом он расстегнул пиджак и положил руку на пистолет, висящий на поясе.

Он давно знал, что дверь открывается внутрь. Секунд пять он глядел на дверь и думал: «Если я выломаю дверь и войду без всякого законного основания, это будет служебное преступление и меня, вероятно, понизят или даже уволят».

Потом он одним ударом ноги выломал дверь. Туре Асарсон и мужчина, который приехал в автомобиле с заграничными номерами, стояли с двух сторон письменного стола. Как ни банально это выражение, но стояли они, словно пораженные громом. Открытый чемодан лежал между ними.

Гюнвальд Ларссон, держа их под дулом пистолета, одновременно закончил мысль, начатую на лестничной площадке: «Ну и пусть, я всегда смогу снова уйти на флот». Он поднял трубку и набрал номер 90000. Сделал он это левой рукой, не опуская оружия. Он ничего не говорил. Те двое тоже молчали. Говорить здесь было нечего.

В чемодане находилось двести пятьдесят тысяч таблеток с надписью «Риталин». На черном рынке наркотиков содержимое чемодана стоило около одного миллиона шведских крон.

Гюнвальд Ларссон вернулся в свою квартиру в Булморе около трех часов утра в воскресенье. Он был холост и жил один. Двадцать минут он, как обычно, провел в ванной перед тем, как надеть пижаму и отправиться в постель. Он открыл книгу, которую читал уже в течение ряда дней, но через несколько минут прервал чтение и протянул руку к телефону.

У Гюнвальда Ларссона было правило не думать о работе, когда он находился дома; он не мог вспомнить также, чтобы когда-нибудь звонил по служебным делам после того, как лег в постель.

После второго сигнала он услышал голос Мартина Бека.

— Привет. Ты уже знаешь об Асарсоне?

— Да.

— Мне тут только что кое-что пришло в голову.

— Что?

— Что, возможно, наши рассуждения были ошибочными. Стенстрём, конечно, же следил за Гёстой Асарсоном. А тот, кто стрелял, убил сразу двух зайцев. Асарсона и того, кто за ним следил.

— Да, — сказал Мартин Бек. — В том, что ты говоришь, возможно, что-то есть.

Гюнвальд Ларссон ошибался. Однако он направил расследование по верному пути.

XXIV

Вот уже три вечера подряд Ульф Нордин бродил по Стокгольму в своей охотничьей шляпе и шерстяном плаще и пытался завязать контакты с преступным миром. Он посещал кафе, кондитерские, рестораны и дансинги, где, как показала Белокурая Малин, бывал Ёранссон.

Иногда он ездил в автомобиле. В пятницу вечером он сидел в автомобиле и разглядывал Мариаторгет, причем не наблюдал ничего интересного за исключением двух мужчин, которые тоже сидели в автомобиле и что-то высматривали. Он не знал их, но догадывался, что это патруль, переодетый в штатское, или кто-то из отдела по борьбе с наркотиками.

Эти походы не прибавили ему знаний о человеке, которого звали Нильс Эрик Ёранссон. В дневное время ему все же удалось дополнить информацию Белокурой Малин. Он проверил данные по церковным книгам, в бюро трудоустройства моряков и у бывшей жены Ёранссона,

которая жила в Буросе и утверждала, что почти не помнит своего бывшего мужа. Она не видела его вот уже двадцать лет.

В субботу утром Нордин доложил Мартину Беку о своих ничтожных результатах. Потом он начал писать длинное грустное письмо своей жене в Сундсвалл. При этом он время от времени виновато поглядывал на Рённа и Колльберга, которые громко стучали на пишущих машинках. Он еще не закончил письмо, когда в кабинет вошел Мартин Бек.

— Какой идиот отправил тебя в город? — спросил он.

Нордин торопливо прикрыл письмо копией рапорта, так как только что написал: «У Мартина Бека с каждым днем появляются новые странные причуды, а вид становится все более и более кислым».

Колльберг выдернул лист бумаги из каретки и сказал:

— Ты сам.

— Что? Я?

— Ну да. В среду, когда здесь была Белокурая Малин.

Мартин Бек недоверчиво посмотрел на Колльберга.

— Странно, — сказал он, — Я этого не помню. Однако в любом случае бессмысленно отправлять с таким заданием норландца, который с трудом находит Стуреплан.

Нордин сидел с обиженной миной, но в глубине души был согласен с Мартином Беком.

— Рённ, — сказал Мартин Бек, — выясни, где бывал Ёранссон, с кем дружил, чем занимался. И попытайся найти того Бьёрка, у которого он жил.

— Хорошо, — сказал Рённ.

Он был занят составлением списка всех возможных значений последних слов Шверина. Начал он с «день… рукой». А последняя версия выглядела: «один.. рак… ай».

Каждый был занят своим участком работы.

В понедельник Мартин Бек встал в половине седьмого после почти бессонной ночи. Он плохо себя чувствовал, а от шоколада, который он выпил на кухне за компанию с дочкой, лучше ему не стало. Остальные члены семьи еще не появились. У жены к утру был особенно крепкий сон, а сын, вероятно, унаследовал эту черту от нее, потому что ему всегда было трудно просыпаться по утрам. Только Ингрид вставала в половине седьмого, и без четверти восемь дверь за ней уже закрывалась. Всегда. Инга считала, что по ней можно проверять часы.

Инга явно испытывала слабость к штампам. Можно было составить список фраз и оборотов, которыми она обычно пользовалась, и продать его как пособие для истощенных от потуг журналистов. Что-то вроде шпаргалки. Книга должна называться: «Умеешь говорить — умеешь писать».

Вот о чем размышлял Мартин Бек.

— О чем ты думаешь, папа? — спросила Ингрид.

— Ни о чем, — машинально ответил он.

— Я с весны не видела, чтобы ты смеялся.

Мартин Бек оторвал взгляд от клеенки, на которой были изображены танцующие гномы, и попытался с улыбкой посмотреть на дочь. Ингрид прекрасная девушка, но это тоже не повод для смеха. Ингрид встала и пошла за учебниками. Когда отец надел пальто и шляпу, она уже ждала его, держась за дверную ручку. Он взял у нее портфель. Это был старый, потертый кожаный портфель, облепленный цветными эмблемами ООН.

Это тоже была привычка. Он нес портфель Ингрид точно так же, как десять лет назад, когда она в первый раз пошла в школу. Разница лишь в том, что тогда он держал ее за руку.

Маленькую, горячую и вспотевшую ручку, дрожащую от возбуждения и страха. Когда он перестал водить ее за руку? Он не помнил.

— На Рождество ты точно будешь смеяться, — сказала она.

— Неужели?

— Да. Когда увидишь мой рождественский подарок. — Она нахмурила брови и добавила: — Я даже не представляю себе, чтобы можно было не смеяться.

— Кстати, а ты что хотела бы получить?

— Лошадь.

— А где ты ее поставишь?

— Не знаю. Но мне хочется иметь лошадь.

— Знаешь, сколько она стоит?

— К сожалению, знаю.

Они расстались.

На Кунгсхольмсгатан его ждали Гюнвальд Ларссон и расследование, которое при всем своем желании нельзя было назвать профессиональным. Хаммар был настолько тактичен, что подчеркнул это не далее как вчера.

— А как там с алиби у Туре Асарсона? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Алиби Туре Асарсона является одним из самых надежных в истории криминалистики, — сказал Мартин Бек. — В критический момент он произносил речь в присутствии двадцати пяти человек. И находился в городской гостинице в Сёдертелье.

— Ага, — печально принял к сведению Гюнвальд Ларссон.

— Кроме того, с твоего позволения, выглядит не очень логичным предположение, будто бы Гёста Асарсон не заметил собственного брата, садящегося в автобус с автоматом под плащом.

— Кстати, насчет плаща, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Он должен был быть очень просторным, если под ним удалось спрятать тридцать седьмую модель. Скорее всего автомат лежал в чемоданчике.

— Тут ты прав.

— Да, иногда и я бываю прав.

— Нам просто повезло, — сказал Мартин Бек, — что вчера вечером ты оказался прав. В противном случае хорошо бы мы сейчас выглядели. — Он ткнул в сторону собеседника сигаретой и добавил: — Но в один прекрасный день ты влипнешь в нехорошее дело, Гюнвальд.

— Не думаю, — ответил Гюнвальд Ларссон и, тяжело ступая, вышел из кабинета. В дверях он столкнулся с Колльбергом, который торопливо уступил ему дорогу и, покосившись на широкие плечи Ларссона, спросил:

— Ну, как там наш живой таран? Раздосадован?

Мартин Бек кивнул. Колльберг подошел к окну.

— Черт бы побрал все это, — вздохнул он.

— Она по-прежнему живет у вас?

— Да, — ответил Колльберг. — Но только не говори: «Так, значит, ты устроил себе гарем», потому что герр Ларссон уже выразился именно так.

Мартин Бек чихнул.

— Будь здоров, — сказал Колльберг. — Я еле сдержался, чтобы не выбросить его в окно.

Мартин Бек подумал, что Колльберг один из немногих, кто, пожалуй, способен на что-то в таком духе.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— Ты ведь сказал: «Будь здоров».

— Верно. Мало кто знает, что нужно поблагодарить. У меня как-то был такой случай. Один фоторепортер избил свою жену и вышвырнул ее голую на снег, потому что она не поблагодарила его, когда он сказал ей: «Будь здорова». Это было в канун Нового года. Естественно, он был пьян. — Колльберг немного помолчал, потом медленно сказал: — Из нее больше ничего нельзя вытянуть, я имею в виду Осу.

— Мы уже знаем, чем занимался Стенстрём, — сказал Мартин Бек.

Колльберг с изумлением уставился на него.

— Знаете?

— Да. Он занимался убийством Терезы. Это совершенно ясно.

— Терезы?

— Да. Тебе не пришло это в голову?

— Нет, — сказал Колльберг. — Не пришло, хотя я просмотрел все дела за последние десять лет. Почему ты ничего мне не говорил?

Мартин Бек задумчиво смотрел на него и одновременно грыз кончик авторучки. Они думали об одном. Колльберг выразил их мысли словами:

— Видно, не все можно передать с помощью телепатии.

— Вот именно, — сказал Мартин Бек. — Кроме того, тот случай с Терезой шестнадцатилетней давности. И ты никогда не участвовал в том расследовании. По-моему, единственный, кто остался с тех времен, так это Эк.

— А ты уже просмотрел дело?

— Да нет. Только перелистал. Там две тысячи страниц протоколов. Все документы находятся в Вестберге. Поедем туда?

— Да. Нужно освежить это дело в памяти.

В автомобиле Мартин Бек сказал:

— Ты все же, вероятно, достаточно помнишь это дело, чтобы понять, почему Стенстрём занялся именно Терезой?

Колльберг кивнул.

— Да. Потому что оно было самым трудным из всех, которыми он мог заняться.

— Да Оно было самым трудным и необъяснимым. Он хотел показать всем, на что он способен.

— И позволил застрелить себя, — сказал Колльберг. — О черт! Какая же между этими делами связь?

Мартин Бек не ответил, и больше они уже не разговаривали. Только после того, как они приехали в Вестбергу, остановились перед зданием управления полиции и вышли под снег с дождем, Колльберг сказал:

— А дело Терезы можно было бы раскрыть? Теперь?

— Мне трудно представить себе это, — ответил Мартин Бек.

XXV

Колльберг, тяжело вздыхая, вяло и без всякой системы просматривал скоросшиватели с рапортами.

— Наверное, понадобится неделя, чтобы все это перерыть, — сказал он.

— Как минимум. Главные обстоятельства тебе известны?

— Нет, даже в общем.

— Здесь где-то имеется резюме. Впрочем, я сам вкратце расскажу тебе об этом деле.

Колльберг выразил согласие. Мартин Бек, роясь в бумагах, сказал:

— Данные ясные и однозначные. Очень простые. В этом-то и состоит трудность.

— Начинай, — поторопил его Колльберг.

— Утром десятого июня одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года, другими словами, более шестнадцати лет назад, один человек, который искал потерявшегося кота, обнаружил в зарослях около стадиона «Штадсхаген» на Кунгсхольмене труп женщины. Она была голая, лежала на животе с вытянутыми вдоль туловища руками. Вскрытие показало, что ее задушили и что она умерла приблизительно пять дней назад. Труп хорошо сохранился; вероятно, он лежал в холодильнике. Характер преступления несомненно свидетельствовал об убийстве на сексуальной почве, однако из-за того, что прошло много времени, при вскрытии не удалось установить со всей определенностью, была ли она изнасилована.

— Что, как правило предшествует убийству на сексуальной почве.

— Да. С другой стороны, результаты осмотра места преступления указывали на то, что труп мог лежать там максимум двенадцать часов. Потом это подтвердил свидетель, который накануне вечером проходил мимо этих кустов и не мог не заметить труп, если бы он там лежал. Затем нашли нитки и обрывки материи, указывающие на то, что труп перевозили завернутым в серое одеяло. Стало ясно, что место, где нашли труп, не идентично месту, где было совершено убийство, и что в кусты положили именно труп. Причем не потрудившись прикрыть тело мхом или ветками. Да, кажется, это все… хотя нет, еще две особенности. Перед смертью она в течение многих часов ничего не ела. Никаких следов убийцы, как-то: отпечатки пальцев и тому подобное — не обнаружено. — Мартин Бек перевернул страницу и просмотрел машинописный текст. — Убитую женщину опознали еще в тот же день. Это была Тереза Камарао, двадцати шести лет, родившаяся в Португалии. Она приехала в Швецию в одна тысяча девятьсот сорок пятом году и в том же году вышла замуж за своего земляка Энрике Камарао. Он был на два года старше нее и служил радистом в торговом флоте; сойдя на берег, он стал радиотехником. Тереза Камарао родилась в Лиссабоне и, по данным португальской полиции, была родом из хорошего дома, из семьи, пользующейся всеобщим уважением. Верхний слой среднего класса. Она приехала сюда на учебу, которую немного отложили из-за войны. Однако учиться она не стала, а вместо этого вышла замуж за Энрике Камарао, с которым здесь познакомилась. Детей у них не было. Материально обеспечены неплохо. Жили на Торсгатан.

— Кто ее опознал?

— Полиция. Вернее, полиция нравов. Она была известна им уже два года. В сорок девятом году, пятнадцатого мая — обстоятельства были таковы, что дату можно установить точно, — в жизни Терезы произошла резкая перемена. Она убежала из дому — так здесь написано — и с тех пор вращалась в преступном мире. Короче говоря, она стала шлюхой. Превратилась в нимфоманку и на протяжении двух лет жила с сотнями мужчин.

— Да, я припоминаю, — сказал Колльберг.

— Теперь мы приближаемся к сути дела. В течение трех дней полиции удалось найти трех свидетелей, которые девятого июня в половине двенадцатого вечера видели автомобиль, стоящий на Кунгсхольмсгатан в начале той тропинки, где обнаружили труп. Два свидетеля проезжали там на автомобиле, один проходил мимо. Те, что проезжали, видели мужчину, стоящего возле автомобиля. Рядом с ним на земле лежал какой-то предмет размером с человека, завернутый во что-то, похожее на серое одеяло. Третий свидетель проходил через несколько минут и видел только автомобиль. Описание мужчины было невразумительным. Шел дождь, было темно, и о нем можно было с уверенностью сказать лишь то, что он довольно высокий. При дальнейшем выяснении того, что следует понимать

под словами «довольно высокий», показания колебались от метра семидесяти пяти до метра восьмидесяти трех, а рост девяноста процентов мужского населения страны находится именно в этих пределах. Однако…

— Однако?

— Однако, что касается автомобиля, показания всех свидетелей совпали. Каждый из них утверждал, что это был автомобиль французского производства марки «рено» модели CV-4, которую начали выпускать в тысяча девятьсот сорок седьмом году, а потом в нее ежегодно вносили незначительные изменения.

— «Рено CV-4», — сказал Колльберг. — Порше нарисовал эту модель, когда французы держали его в тюрьме как военного преступника. Закрыли его в заводской проходной. Он сидел и рисовал. Потом его, естественно, выпустили, а французы заработали миллионы на этом автомобиле.

— У тебя просто поразительные знания в самых различных областях, — сухо сказал Мартин Бек. — Возможно, теперь тебе удастся объяснить мне, какая существует связь между делом Терезы и убийством Стенстрёма в автобусе четыре недели назад?

— Погоди, — сказал Колльберг. — А что было дальше?

— Дальше было следующее. Стокгольмская полиция проводила расследование с невиданным для нашей страны размахом. Протоколы выросли до гигантских размеров. Сам можешь посмотреть. Допросили согни людей, которые знали Терезу Камарао и поддерживали с ней контакты, однако не удалось установить, кто видел ее последним. Ее следы обрывались ровно за неделю до того, как нашли труп. Она провела ночь с одним мужчиной в отеле на Нюброгатан и рассталась с ним в полдень у винного погребка на Местер-Самуэльсгатан. Точка. Потом разыскали вес автомобили марки «рено CV-4». Сначала в Стокгольме, так как свидетели утверждали, что на номерном знаке была буква «А». Потом проверили все такие автомобили во всей стране, потому что номерные знаки могли быть фальшивыми. Это заняло почти целый год. В результате было установлено, что ни один из этих автомобилей не мог стоять возле стадиона «Штадсхаген» в половине двенадцатого вечера девятого июня одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года.

— Ну, и что же потом?

— Стало ясно, что расследование зашло в тупик. Было установлено все, что только можно было установить, за исключением одного: кто убил Терезу Камарао. Последние попытки расследовать дело Терезы датируются пятьдесят вторым годом, когда датская, норвежская и финская полиция сообщили, что тот злосчастный автомобиль не зарегистрирован в странах Скандинавии. Одновременно шведская таможенная служба проинформировала, что он также не мог приехать из других стран. Если ты помнишь, в те времена было не так много автомобилей и пересечение границы требовало соблюдения массы формальностей.

— Помню. А что известно о свидетелях?

— Свидетели, которые проезжали в автомобиле, работали вместе. Один из них был мастером в автомастерской, другой — автомехаником. Третий свидетель тоже хорошо разбирался в автомобилях, потому что был… Ну-ка, угадай, кем он был.

— Директором завода «Рено»?

— Нет. Патрульным полиции. Специалистом по дорожному движению. Его фамилия была Карлберг. Он уже умер. Однако и здесь ничего не упустили. Тогда уже немножечко начали интересоваться психологией свидетелей. И всех троих сразу же подвергли целому набору тестов. Каждый из них должен был опознать силуэты автомобилей различных марок, которые показывали с помощью эпидиаскопа. Все трое различили все современные автомобили, а мастеру удалось справиться даже с такими древними моделями, как «испано-суиза» и

«пегасо». Его невозможно было обмануть, показывая рисунок несуществующего автомобиля. Он сразу говорил, что передок — это «фиат-500», а багажник — «дайна-паккард».

— Хорошо, — сказал Колльберг. — А каково было частное мнение об этом у тех, кто проводил расследование?

— Их личное мнение было следующим. Убийца значится в протоколах. Это один из тех, которые спали с Терезой Камарао. Он задушил ее в приступе бешенства, которое иногда охватывает эротоманов. Расследование зашло в тупик, потому что кто-то плохо сработал во время проверки автомобилей «рено». Нужно проверить еще раз. Потом они справедливо решили, что прошло уже слишком много времени и след совершенно остыл. Они и дальше считали, что их подвели те, кто проверял автомобили, а исправлять это теперь уже слишком поздно. Я уверен, что, например. Эк, который принимал участие в расследовании, считает так до сих пор. Да я и сам полагаю, что так вполне могло быть. Другого объяснения я не вижу.

Колльберг с минуту молчал, потом спросил:

— А что произошло с Терезой в тот день, о котором ты упоминал? В мае сорок девятого года?

Мартин Бек перелистал несколько страниц и сказал:

— Она испытала потрясение, которое, по мнению психологов, привело к тому, что она перешла в другое психическое и физиологическое состояние, относительно редкое, но вовсе не исключительное. Тереза Камарао воспитывалась в хорошей семье. Ее родители, так же как и она, были католиками. Она сохранила невинность до двадцати четырех лет, и до мужа у нее никого не было. Четыре года она прожила с мужем так, как живут типичные шведы, хотя оба они были иностранцами. Они были типичными представителями хорошо обеспеченного среднего класса. Она была достаточно рассудительна, со спокойным характером. Муж считал их брак счастливым. Она была, как сказал какой-то врач, продуктом воспитания этих двух сред — ортодоксальной католической и шведского мещанства со всеми табу, которые никогда не нарушают в каждой из них.

Пятнадцатого мая сорок девятого года ее муж уехал в Норланд по служебным делам. А она пошла на лекцию, вместе с подругой. Там они встретили мужчину, которого ее подруга давно знала. Он проводил их до квартиры супругов Камарао на Торсгатан, где подруга должна была заночевать, потому что она тоже была соломенной вдовой. Они пили чай, вино, обсуждали лекцию. Тот мужчина пошел туда потому, что поссорился со своей девушкой, на которой он потом в конце концов и женился. Он не знал, чем заняться. Тереза показалась ему симпатичной, она на самом деле была симпатичной, и он начал заигрывать с ней. Подруга, зная, что трудно представить себе женщину с более высокой моралью, чем у Терезы, постелила себе на диване в холле и легла спать. Мужчина несколько раз уговаривал Терезу, чтобы она тоже пошла спать, но та отказывалась. Тогда он взял ее на руки, отнес в спальню, раздел и лег с ней.

Насколько известно, Тереза Камарао, будучи взрослой, не показывалась никому голой, даже женщинам. Кроме того, она никогда не испытывала оргазм В ту ночь она испытала его двадцать раз или что-то около этого. Утром мужчина ушел. Всю ближайшую неделю она звонила ему по десять раз в день, а потом он уже никогда больше не слыхал о ней. Он помирился со своей девушкой, они поженились и были счастливы. В этой горе папок имеется десять протоколов его допросов. Он попал под подозрение, однако оказалось, что автомобиля у него нет. К тому же это был порядочный человек, хороший муж, счастливый в супружестве и никогда не изменяющий жене.

— А Тереза начала беситься?

— Да, в буквальном смысле слова. Она убежала из дому. Муж отказался от нее; те, кто раньше общались с ней, исключили ее из своего круга. На протяжении двух лет она в разные

периоды времени жила с двумя сотнями мужчин; количество тех, с кем она вступала в половую связь, было в десять раз больше. Она превратилась в нимфоманку, ей хотелось испытать все, начинала она бесплатно, однако впоследствии иногда принимала деньги. Она ни разу не встретила того, кто мог бы долго выдержать с ней. Подруг среди женщин у нее не было. В первые же полгода у нее появилось множество знакомых в преступном мире. Она начала пить. Полиция нравов знала ее, однако по-серьезному она еще не попадалась. Они собирались посадить ее за бродяжничество, но не успели, она умерла. — Мартин Бек показал на кипу документов. — Здесь есть множество протоколов допросов мужчин, которые знали ее. Они говорили, что она была назойливой и успокоить ее было невозможно. Большинство из них уже при первой встрече охватывал страх, особенно если они были женаты и это приключение было для них случайным. Она знала множество темных типов, полугангстеров, воришек, угонщиков автомобилей, валютчиков и так далее. Да ты ведь и сам помнишь, какие субъекты встречались в те времена.

— А что стало с ее мужем?

— Он справедливо считал, что она скомпрометировала его, сменил фамилию, принял шведское гражданство. Познакомился с хорошо воспитанной девушкой из Стоксунда и женился на ней. У них двое детей, и они счастливо живут в собственном доме на острове Лидингё. Алиби у него убедительное. Как флотилия капитана Касселя.

— Как что?

— Ну, насчет флотилии ты не знаешь, — заметил Мартин Бек. — Загляни в эту папку и поймешь, откуда Стенстрём почерпнул кое-какие из своих идей.

Колльберг заглянул в папку.

— Ух ты, вот это девушка, — сказал он. — Я еще такой не видел. Кто делал эти фотографии?

— Один увлекающийся фотографией субъект, у которого оказалось прекрасное алиби и не было автомобиля марки «рено». Однако, в отличие от Стенстрёма, он свои фотографии продавал и неплохо на них зарабатывал. Не забывай, что порнография у нас тогда еще не была поставлена на такой поток, как сейчас.

Они немного помолчали. Наконец Колльберг сказал:

— И какая же существует связь между всем этим и тем, что Стенстрёма и еще восемь человек застрелили в автобусе спустя шестнадцать лет?

— Никакой, — ответил Мартин Бек. — Нам снова придется вернуться к версии об убийце-психопате, жаждущем сенсации.

— А почему он не сказал… — начал Колльберг и осекся.

— Это можно легко объяснить, — сказал Мартин Бек. — Стенстрём просмотрел нераскрытые дела. И поскольку он хотел прославиться, был самолюбивым и немножечко наивным, то выбрал самый безнадежный случай. Если он раскроет убийство Терезы, это будет поступок, не имеющий себе равных. Нам он ничего не сообщил, так как подозревал, что некоторые станут насмехаться над ним. Когда он сказал Хаммару, что не хочет заниматься слишком старыми делами, то уже, наверное, выбрал этот случай. Когда убили Терезу Камарао, Стенстрёму было двенадцать лет и газет он наверняка не читал. Поэтому он решил, что сможет разобраться в этом деле без всякого предубеждения. Он изучил все эти документы.

— И что же он обнаружил?

— Ничего. Потому что ничего нельзя было обнаружить. Здесь нет ни единой зацепки.

— Откуда ты знаешь?

— Я сам делал то же самое одиннадцать лет назад. И ничего не нашел. Разница лишь в том, что у меня не было Осы Турелль для того, чтобы провести психологические

эксперименты. Когда ты рассказал мне о том, что он проделывал с ней, я сразу понял, каким делом он занялся. Я забыл лишь, что ты не знаешь о Терезе Камарао столько, сколько знаю я. Мне в общем-то следовало догадаться об этом еще тогда, когда мы нашли те фотографии в ящике его письменного стола.

— Так значит, это были своего рода психологические опыты?

— Да. Единственное, что оставалось сделать. Найти женщину, чем-то похожую на Терезу, и наблюдать за ее реакцией. В этом имеется определенный смысл, особенно если женщина, обладающая нужными качествами, живет в твоем собственном доме. В противном случае оставалось лишь обратиться к ясновидцу. Одна светлая голова однажды уже додумалась до подобного. Здесь написано об этом.

— Однако все это не объясняет того, что Стенстрём делал в автобусе.

— Нет. Совершенно не объясняет.

— Я все же проверю кое-что, — сказал Колльберг.

— Проверь, — сказал Мартин Бек.

Колльберг разыскал Энрике Камарао, которого теперь звали Хенрик Каам. Это был тучный мужчина среднего возраста. Вздыхая и бросая взгляды в сторону своей жены из высшего общества и тринадцатилетнего сына в бархатном пиджаке и с прической а ля Битлз, он сказал:

— Неужели меня никогда не оставят в покое? Летом здесь был молодой детектив…

Колльберг проверил алиби директора Каама на вечер тринадцатого ноября. Оно было безупречным.

Он также разыскал мужчину, который восемнадцать лет назад делал фотографии Терезы. Это был спившийся беззубый старый вор, который сидел в камере для рецидивистов на Лонгхольмене. Старик надулся от важности и сказал:

— Тереза? Помню ли я ее? Соски грудей у нее были, как металлические колпачки на бутылках с водкой. Да сюда два месяца назад уже приходил какой-то полицейский…

Колльберг внимательно перечитал все протоколы, не пропустив пи единого слова. На это ему понадобилась ровно неделя. Восемнадцатого декабря, в четверг, вечером он дочитал последнюю страницу. Потом посмотрел на свою жену, которая заснула два часа назад. Она лежала на животе, уткнувшись головой в подушку и подтянув под себя правую ногу; одеяло сбилось до самой талии. Он услышал скрип дивана в гостиной; это встала Оса Турелль, она на цыпочках пошла на кухню и выпила воды. Она все еще плохо спала.

Здесь нет никакого просвета, подумал Колльберг. Никакой зацепки. Однако завтра я все же составлю список тех, кого допрашивали и кто, как было установлено следствием, вступал в сношения с Терезой Камарао. Потом проверим, кто из них еще жив и чем занимается.

XXVI

Прошел месяц с того момента, как прозвучали шестьдесят семь выстрелов в автобусе на Норра-Сташенсгатан, а убийца девяти человек по-прежнему находился на свободе.

Нетерпение выказывали не только главное управление полиции, пресса и присылающая письма общественность. Еще одной категории очень хотелось, чтобы полиция как можно быстрее схватила виновного. Категорию эту составляли люди, относящиеся к преступному миру.

Бóльшая часть преступников в последние месяцы была вынуждена бездействовать. До тех пор, пока полиция не отменит состояние полной готовности, следовало соблюдать осторожность. Поэтому в Стокгольме не было ни одного вора, мошенника, грабителя, скупщика краденого, торговца из-под полы и сутенера, который не хотел бы, чтобы убийцу наконец схватили и чтобы полиция снова занялась демонстрациями против войны во

Вьетнаме и штрафами за неправильную парковку, а они могли бы приступить к своей обычной деятельности.

Это был тот редчайший случай, когда преступники солидаризировались с полицией и большинство из них оказали бы посильную помощь и розыске убийцы.

Рённ пытался найти решение головоломки под названием Нильс Эрик Ёранссон, и эта услужливость значительно облегчала ему работу. Он, естественно, понимал, чем вызвана необычная словоохотливость людей, с которыми он беседовал, что, впрочем, не мешало ему быть благодарным за это.

Все последние ночи напролет он искал контактов с людьми, которые знали Ёранссона. Он находил этих людей в домах, предназначенных на снос; в разных забегаловках, пивных, бильярдных залах и гостиницах для одиноких. Не все проявляли желание сообщить что-либо, однако многие давали информацию.

Накануне дня святой Люции на барже, стоящей у набережной, Рённ познакомился с девушкой, которая обещала на следующий вечер свести его с Суне Бьёрком, в квартире которого несколько недель жил Ёранссон.

На следующий день был четверг. Рённ, который в последние несколько дней смог урвать для сна только пару часов в сутки, спал до полудня. Он встал около часу дня и помог жене уложить багаж. Рённ уговорил ее поехать вместе с сыном на праздники к его родителям в Арьеплуг, так как подозревал, что в этом году у него будет мало времени для того, чтобы как следует отпраздновать Рождество.

Когда поезд, увозящий жену, уехал, он вернулся домой, уселся за кухонный стол, положил перед собой рапорт Нордина и свой собственный блокнот, надел очки и принялся писать.

«Нильс Эрик Ёранссон.

Родился в Стокгольме в шведско-финской семье 4.10.1929.

Родители: отец — Алгот Эрик Ёранссон, электрик, мать — Бенита Рантанен.

Родители развелись в 1935 году, мать переехала в Хельсинки, ребенок остался с отцом.

До 1945 года Ёранссон жил с отцом в Сундбюберге.

Закончил среднюю школу, потом два года учился малярному делу.

В 1947 году переехал в Гётеборг, где работал подмастерьем маляра.

1.12.1948 в Гётеборге женился на Гудрун Свенсон.

Развелся с ней 13.5.1949.

С июня 1949 года по март 1950 года был юнгой на судах линии „Свеа". До октября 1950 года работал в малярной конторе Амандуса Гюставссона, откуда его уволили за то, что он пил во время работы. После этого не имел постоянного занятия, лишь время от времени работал ночным сторожем, курьером, грузчиком на складах и тому подобное; предположительно, промышлял мелкими кражами и совершал другие незначительные правонарушения. Однако никогда не задерживался по подозрению в преступлении, не считая пьяных скандалов. Иногда пользовался фамилией матери, Рантанен. Отец умер в 1958 году. После смерти отца сын до 1964 года жил в его квартире в Сундбюберге. В 1964 году был выселен, так как три месяца не платил за квартиру. В том же году, вероятно, начал употреблять наркотики. После 1964 года и вплоть до своей смерти не имел постоянного места жительства. В январе 1965 года поселился у Гурли Лёфгрен на Шеппар-Карлсгренд, 3, и жил у нее до весны 1966 года. Ни у него, ни у нее в то время постоянной работы не было. Лёфгрен зарегистрирована в картотеке полиции нравов, однако из-за своего возраста и

внешнего вида не могла много заработать проституцией. Лёфгрен также употребляла наркотики.

Гурли Лёфгрен умерла в 1966 году в возрасте 47 лет.

В начале марта 1967 года Ёранссон познакомился с Магдаленой Розен (Белокурая Малин) и жил у нее на Арбетаргатан, 3 до 29.08.1967. С начала сентября до середины октября того же года жил в квартире Суне Бьёрка.

В октябре — ноябре дважды проходил курс лечения в больнице святого Гёрана в связи с внутренней болезнью (триппером).

Мать, которая повторно вышла замуж, с 1947 года живет в Хельсинки. О смерти сына ей сообщили по почте, в письме.

Розен утверждает, что у Ёранссона всегда были деньги, однако не знает, где он их брал. По ее мнению, наркотиками он не торговал, и вообще никакой подобной деятельностью не занимался».

Рённ перечитал свое сочинение. Он писал таким бисерным почерком, что все поместилось на четвертушке листа бумаги. Рённ сложил листок, спрятал его в папку, Положил блокнот в карман и отправился на встречу с Суне Бьёрком.

Девушка с баржи ждала его на Мариаторгет возле газетного киоска.

— Я туда не пойду, — предупредила она. — Но я поговорила с Суне. Он знает, что ты придешь. Надеюсь, я не совершила глупость. Я не люблю зря трепать языком.

Она дала ему адрес на Тавастгатан и ушла в направлении Шлюссена.

Суне Бьёрк оказался моложе, чем ожидал Рённ. Ему могло быть лет двадцать пять. Выглядел он довольно приятно, носил светлую бородку. Ничто не выдавало в нем наркомана. Рённ задумался над тем, что могло связывать его с гораздо более старшим и развращенным Ёранссоном.

Квартира состояла из комнаты и кухни и была плохо обставлена. Окно выходило в замусоренный двор. Рённ сел на единственный в комнате стул, Бьёрк — на кровать.

— Я слыхал, что вы хотите узнать что-нибудь оНиссе. Должен сказать, что мне о нем не так уж и много известно. Но я подумал, что вы, вероятно, смогли бы по крайней мере забрать его вещи. — Бьёрк наклонился и вытащил из-под кровати картонную коробку. — Он это оставил. Часть вещей он забрал, когда переезжал отсюда; здесь осталась в основном одежда. Так, тряпки, которые ничего не стоят.

Рённ взял коробку и поставил ее рядом со стулом.

— Вы не могли бы сказать мне, как долго вы знали Ёранссона, где и когда познакомились и как получилось, что вы разрешили ему жить в своей квартире.

Бьёрк уселся поудобнее и скрестил ноги.

— Конечно, мог бы, — сказал он. — А сигаретой вы меня угостите?

Рённ достал пачку. Бьёрк оторвал фильтр и закурил.

— Все было очень просто. Я пил пиво в погребке «У францисканцев», а рядом со мной сидел Ниссе. Раньше я никогда не видел его, но у нас завязался разговор и Ниссе угостил меня вином. Я понял, что он свой парень, поэтому, когда заведение закрылось и он сказал, что ему негде ночевать, я взял его с собой. Уже в тот вечер мы подружились, а на следующий день он вытащил меня в ресторан и мы неплохо посидели там. Кажется, это было третьего или четвертого сентября.

— Вы заметили, что он наркоман? — спросил Рённ.

Бьёрк покачал головой.

— Не сразу. Но через несколько дней утром он достал шприц и я понял, что он наркоман. Да он и меня спрашивал, не хочется ли мне тоже, но я наркотики не употребляю.

Бьёрк подвернул рукава рубашки выше локтей. Рённ окинул опытным взглядом его руки и убедился, что он, по-видимому, говорит правду.

— У вас тут не так уж много места. Почему же вы разрешили ему жить здесь так долго? Он платил за квартиру?

— Я считал, что он парень что надо. Прямо за ночлег он не платил, но денег у него хватало и он всегда покупал еду и напитки и вообще все, что нужно.

— А где он брал деньги?

— Этого я не знаю. Да меня это и не касалось. Во всяком случае он не работал.

Рённ снова посмотрел на руки Бьёрка, черные от въевшейся в них грязи.

— А вы где работаете?

— Я ремонтирую автомобили, — сказал Бьёрк. — Может, вы чуточку поторопитесь, а то у меня скоро свидание с подругой. Что вы еще хотите знать?

— О чем он говорил? Он рассказывал что-нибудь о себе?

— Говорил, что плавал на море, но это было давно. Еще говорил о женщинах. Особенно об одной, с которой он жил недавно, но у них что-то там не сложилось. Говорил, что она была лучше матери. — Он помолчал. — С матерью трудно кого-нибудь сравнивать, — грустно добавил он. — А так, вообще, он не слишком любил рассказывать о себе.

— А когда он отсюда переехал?

— Восемнадцатого октября. Помнится, как раз было воскресенье, день его именин. Он забрал почти все свои вещи, оставил только это. Все его барахло могло бы поместиться в багажнике. Сказал, что нашел себе квартиру, но через несколько дней заскочит ко мне. — Бьёрк погасил сигарету в стоящей на полу чашке. — А потом я уже не видел его. Сиван сказала, что он умер. Он действительно был одним из тех, в автобусе?

Рённ кивнул.

— И вы не знаете, в какой среде он потом вращался?

— Понятия не имею. У меня он больше не появлялся и я не знаю, куда он подевался. Он здесь у меня познакомился со многими приятелями, а я так и не видел никого из его друзей. И вообще мне мало что о нем известно.

Бьёрк встал, подошел к висящему на стене зеркальцу и причесался.

— Вы уже знаете, кто это был? Я имею в виду того, из автобуса.

— Нет, пока еще не знаем.

Бьёрк начал переодеваться.

— Мне надо привести себя в порядок, — сказал он. — Подружка ждет.

Рённ взял коробку и направился к двери.

— Значит, вы не имеете ни малейшего понятия, куда он подевался после восемнадцатого октября?

— Я ведь уже сказал, нет. — Он вынул из комода чистую рубашку и разорвал наклейку прачечной. — Я знаю только одно, — добавил он.

— Что?

— Что в последние недели перед тем, как переехать, он ужасно нервничал. Он был какой-то затравленный.

— А вы не знаете почему?

— Не знаю.

Вернувшись в свою пустую квартиру, Рённ отправился в кухню и высыпал содержимое коробки на стол. Потом он осторожно поднимал один предмет за другим, осматривал, и возвращал в коробку.

Старая фуражка с потрескавшимся козырьком, пара подштанников, которые когда-то были белыми; скрученный жгутом галстук в красную и зеленую полоску, плетеный ремень с латунной пряжкой, трубка с обгрызенным чубуком, кожаная перчатка на теплой подкладке, пара толстых желтых носков, два грязных носовых плата и измятая голубая поплиновая рубашка.

Рённ уже собирался бросить рубашку в коробку, как вдруг заметил, что из кармана торчит листок бумаги. Он развернул листок. Это был счет на 78 крон и 25 эре из ресторана «Стрела». Датирован он был семнадцатым октября; судя по кассовым отпечатками, заказывали одну порцию холодной закуски, шесть рюмок водки и три бутылки минеральной воды.

Рённ перевернул счет. На обратной стороне слева кто-то написал:

18-X бф 3000
морф 500
долг га 100
долг мб 50
д-р. П. 650
итого 1300
остаток 1700

Рённ видел образцы почерка Ёранссона у Белокурой Малин, и ему показалось, что он узнает этот почерк. Эта запись могла означать, что восемнадцатого октября, в тот день, когда Ёранссон переехал от Бьёрка, он получил три тысячи крон, возможно, от человека с иницалами Б. Ф. Из этих денег на пятьсот крон он купил морфия, сто пятьдесят крон вернул тем, у кого брал в долг, а шестьсот пятьдесят отдал какому-то доктору П., тоже, возможно, за наркотики. У него осталась одна тысяча семьсот крои. А спустя месяц, когда его обнаружили мертвым в автобусе, у него было при себе больше тысячи восьмисот, а это означает, что после восемнадцатого октября он получил какие-то деньги. Рённ принялся размышлять над тем, были эти деньги из того же источника или нет. От какого-то Б. Ф. Впрочем, это не обязательно должен быть человек. Буквы «бф» могли обозначать что-то другое.

Банковский счет? Непохоже на Ёранссона. Вероятнее всего, это все-таки человек. Рённ заглянул в свой блокнот, однако ни у кого из тех, с кем он беседовал или кто упоминался в связи с Ёранссоном, не было таких инициалов.

Рснн отнес картонную коробу и счет в прихожую. Счет он спрятал в папку. Потом он лег и принялся размышлять над тем, где Ёранссон брал деньги.

XXVII

В четверг утром, двадцать первого декабря, те, кто служил в полиции, испытывали не очень приятные ощущения. Накануне вечером целая армия полицейских в униформе и штатском в центре города, в самый разгар рождественской истерии вступила в скандальную безобразную схватку с толпой рабочих и служащих, которые высыпали на улицу из Народного дома, где состоялось собрание. Мнения относительно того, что, собственно, произошло, разделились, как и следовало ожидать, однако трудно было увидеть улыбающегося полицейского н то хмурое, морозное утро.

Единственным человеком, которому этот инцидент доставил хоть немного удовольствия, был Монссон. Он неосторожно сказал, что ему нечем заняться, и его немедленно отправили поддерживать порядок. Начал он с того, что укрылся и тени кирки Адольфа Фредрика на

Свеавеген в надежде, что возможные беспорядки не докатятся сюда. Однако полиция напирала со всех сторон, совершенно без всякой системы, и демонстранты, которым нужно было все же куда-то деваться, начали отходить в сторону Монссона. Он с максимально возможной скоростью отступил в северном направлении, добрался до какого-то ресторана на Свеавеген и заскочил туда, чтобы согреться и что-нибудь разнюхать. Выходя, он взял со стола зубочистку. Она была завернута в папиросную бумагу и пахла ментолом.

Возможно, он был единственным полицейским, который радовался в то несчастное утро. Потому что он уже позвонил в ресторан и узнал адрес поставщика.

Рённ, напротив, никакого удовольствия не испытывал. Сильно дуло, а он стоял на Рингвеген и смотрел на дыру в земле, брезентовое полотнище и несколько расставленных вокруг барьерчиков. В дыре явно никого не было, чего нельзя было сказать о ремонтном фургоне стоявшем на удалении пятидесяти метров. Рённ знал четырех человек, которые сидят в автомобиле и потихоньку манипулируют термосами. Поэтому он кратко сказал:

— Привет.

— Привет и закрой побыстрее дверь. Но если это ты ударил моего парня дубинкой по голове вчера вечером на Барнхусгатан, то я вообще не хочу с тобой разговаривать.

— Нет, — сказал Рённ. — Это не мог быть я. Я сидел дома и смотрел телевизор. Жена уехала в Норланд.

— Тогда садись. Кофе хочешь?

— Да. С удовольствием выпью.

Через минуту раздался вопрос:

— А что тебя, собственно, интересует?

— Шверин. Он ведь родился в Америке. Можно ли было догадаться об этом по его произношению?

— Еще бы! Он запинался, как Анита Экберг. А когда напивался, говорил по-английски.

— Когда напивался?

— Да. И еще, когда злился. И вообще, когда выходил из себя и забывал слова.

Рённ автобусом № 54 вернулся на Кунгсхольмен. Это был красный двухэтажный автобус типа «Лейланд-Атлантиан», с верхним этажом, выкрашенным в кремовый цвет, и с лакированной серой крышей. Вопреки утверждению Эка, что двухэтажные автобусы берут столько пассажиров, сколько в них мест для сидения, автобус был переполнен людьми, нагруженными пакетами и сетками.

На протяжении всего пути до управления Рённ размышлял. Войдя в кабинет, он уселся за свой письменный стол, потом вышел в соседнюю комнату и спросил:

— Ребята, как будет по-английски: «Я не узнал его»?

— Didn't recognize him, — ответил Колльберг, не отрываясь от своих бумаг.

— Я знал, что прав, — сказал Рённ и вышел.

— Этот уже тоже свихнулся, — констатировал Гюнвальд Ларссон.

— Погоди-ка, — сказал Мартин Бек. — По-моему, он что-то раскопал.

Он пошел к Рённу. Кабинет оказался пустым. Плащ и шляпа исчезли.

Спустя полчаса Рённ снова открыл дверцу ремонтного фургона на Рингвеген. Мужчины, которые были коллегами Шверина, сидели на тех же местах, что и раньше. К дыре на проезжей части, судя по всему, еще не притронулась рука человека.

— Вот черт, ты напугал меня, — сказал один из рабочих. — Я подумал, что это Ольсон.

— Ольсон?

— Да. Или Альсон. Альф так произносил его фамилию.

Рённ доложил о своих результатах только назавтра, за два дня до Рождества.

Мартин Бек выключил магнитофон и сказал:

— Значит, тебе кажется, что это звучало следующим образом. Ты спрашиваешь: «Кто стрелял?», а он отвечает по-английски: “Didn't recognize him”.

— Да.

— А потом ты говоришь: «Как он выглядел?», а Шверин отвечает: «Как Ольсон».

— Да. А потом он умер.

— Хорошо, Эйнар, — сказал Мартин Бек.

— А кто же такой этот Ольсон, черт бы его побрал? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Контролер. Он проверяет, как работают дорожные ремонтники.

— Ну и как же он выглядит? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Он стоит в моем кабинете — робко сказал Рённ.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон пошли взглянуть на Ольсона.

Гюнвальд Ларссон смотрел только десять секунд, потом сказал: «Ага!» и вышел.

Ольсон изумленно посмотрел ему вслед.

Мартин Бек задержался еще на полминуты и сказал:

— Полагаю, необходимые данные у тебя уже имеются?

— Конечно, — ответил Рённ.

— Благодарю вас, герр Ольсон.

Мартин Бек вышел, а Ольсон выглядел еще более изумленным, чем раньше.

Когда Мартин Бек вернулся с обеда, во время которого ему удалось заставить себя съесть два кусочка сыра и выпить стакан молока и чашечку кофе, Рённ положил ему на стол лист бумаги, на котором сверху было краткое название: «Ольсон».

«Ольсон — 46 лет, инспектор дорожных работ.
Рост 183 см, вес 77 кг, без одежды, в голом, виде.
Волосы светлые, глаза серые.
Лицо худощавое, вытянутое, с крупными чертами; нос длинный, немного искривленный; рот большой, губы тонкие, зубы здоровые.
Номер обуви: 43.
Кожа смуглая, что, по его словам, связано с профессией, которая вынуждает часто находиться на свежем воздухе.

Одевается аккуратно: серый костюм, белая рубашка, галстук, черные ботинки. Во время работы, когда находится вне помещения, носит непромокаемый плащ до колен, очень просторный, серого цвета. У него есть два таких плаща. Зимой постоянно ходит в одном из них. На голове носит черную кожаную шляпу с узкими полями. Ботинки из толстой кожи, черные, на рифленой резиновой подошве. Когда идет дождь или снег, носит резиновые сапоги до колен.

На вечер 13 ноября у Ольсона имеется алиби. Между 22 и 24 часами находился в клубе игроков в бридж, членом которого он является. Участвовал в розыгрыше первенства по бриджу, его присутствие там подтверждается тремя остальными игроками в бридж и протоколом соревнований.

Ольсон говорит, что Альфонс (Альф) Шверин был разговорчив, но ленив и любил выпить».

— Как ты думаешь, Рённ раздевал его догола, когда взвешивал? — спросил Гюнвальд Ларссон. Мартин Бек ничего не ответил.

— Необычайно тонкие и логичные выводы, — продолжил Гюнвальд Ларссон. — На голове у него была шляпа, а на нотах ботинки. Нос длинный, а плащ он носит один, а не два сразу. И что там у него немного искривленное? Нос или рот? Что ты собираешься делать со всем этим?

— Не знаю. Это своего рода опознавательные знаки.

— Конечно. Присущие только Ольсону.

— А как там дела с Асарсоном?

— Я только что разговаривал с Якобсоном, — сказал Гюнвальл Ларссон. — Важная птица.

— Кто? Якобсон?

— Ага, и он тоже. Ходит с кислым видом из-за того, что не они раскрыли это дело и мы должны выполнять их работу.

— Не мы, а ты

— Даже Якобсон признает, что Асарсон самый крупный оптовик в этой области из тех, кого им когда-либо удавалось схватить. Эти братья, должно быть, загребали колоссальные деньги.

— А кто тот, другой? Иностранец?

— Всего лишь связной. Грек. Загвоздка в том, что у него дипломатический паспорт. Он тоже наркоман.

Асарсон считает, что это связной его выдал. Говорит, что нет большей опасности, чем довериться шпику. Он в бешенстве. Наверное, потому, что в свое время не избавился от этого связного самым простым способом. — Он помолчал. — Тот Ёранссон в автобусе тоже был наркоманом. Возможно… — Гюнвальд Ларссон не закончил фразу, однако Мартин Бек понял его.

Колльберг корпел над списком, но старался не подавать виду, что ему трудно. Он начинал все лучше и лучше понимать, как чувствовал себя Стенстрём, когда занялся этим старым делом. Мартин Бек совершенно справедливо утверждал, что тех, кто расследовал дело Терезы, упрекнуть не в чем. Какой-то неисправимый формалист написал даже резюме: «С технической стороны дело следует считать законченным. Расследование является образцом прекрасной работы полиции».

Работа над списком людей, которые знали Терезу, была нелегкой. Просто удивительно, сколько людей могут умереть, эмигрировать или сменить фамилию за шестнадцать лет. Другие оказывались смертельно больными и ожидали своего конца в какой-нибудь лечебнице. Либо сидели в тюрьме, стали алкоголиками, были высланы из страны. Многие попросту исчезали, плавали на море или давно перебрались в отдаленные уголки страны, где создали совершенно новую жизнь себе и своим близким, и бо́льшую часть из них нельзя было немедленно проверить. В результате в списке Колльберга оказалось двадцать восемь фамилий. Это были люди, которые находились на свободе и жили в Стокгольме или близлежащих городах. Пока что у него имелись лишь краткие сведения о них. Их возраст, профессия, адрес, гражданское состояние. Список фамилий под номерами от одного до двадцати восьми, расположенных в алфавитном порядке, выглядел следующим образом[14]:

1. Свен Альгрен, 41, продавец, Стокгольм, разведен.
2. Карл Андерсон, 63, ?, Стокгольм (Хёгалидский интернат), холост.
3. Ингвар Бенгтсон, 43, журналист, Стокгольм, разведен.

4. Руне Бенгтсон, 56, дирижер, Стоксунд, женат.

5. Ян Карлсон, 46, торговец антиквариатом, Упландс-Весбю, холост.

6. Руне Карлсон, 32, техник, Нака 5, женат.

7. Стиг Экберг, 83, бывший рабочий, Стокгольм (Розенлундский дом престарелых), вдовец.

8. Уве Эриксон, 47, автомеханик, Бандхаген, женат.

9. Вальтер Эриксон, 69, бывший портовый грузчик, Стокгольм (Хёгалидский интернат), вдовец.

10. Стиг Ферм, 31, маляр, Солентуна, женат.

11. Бьсрн Форсберг, 48, бизнесмен, Стоксунд, женат.

12. Бенгт Фредриксон, 56, художник, Стокгольм, разведен.

13. Бу Фростенсон, 66, актер, Стокгольм, разведен.

14. Юхан Гран, 52, бывший официант, Сольна, холост.

15. Кеннет Карлсон, 33, шофер, Шелбю, женат.

16. Леннарт Линдгрен, 81, бывший директор банка, Лидингё, 1, женат.

17. Свен Лундстрём, 37, кладовщик, Стокгольм, разведен.

18. Таге Нильсон, 61, курьер, Стокгольм, холост.

19. Карл-Густав Нильсон, 51, бывший механик, Юханнесхоф, разведен.

20. Хайнц Оллендорф, 46, художник, Стокгольм, холост.

21. Курт Ольсон, 59, руководитель офиса, Сальтшёбаден, женат.

22. Бернхард Петерс, 39, чертежник, Бромма, женат (негр).

23. Вильгельм Росберг, 71, ?, Стокгольм, вдовец.

24. Бернт Турессон, 42, механик, Густавберг, разведен.

25. Рагнар Виклунд, 60, майор, Ваксхольм, женат.

26. Бенгт Вальберг, 38, торговец?, Стокгольм, холост.

27. Ханс Венстрём, 76, бывший продавец рыбного магазина, Сольна, холост.

28. Леннарт Оберг, 35, инженер, Энскеде, женат.

Колльберг со вздохом посмотрел на свой список. Тереза Камарао в своей деятельности охватывала все социальные и возрастные группы мужского населения. Когда она умерла, самому молодому из списка было пятнадцать лет, самому пожилому — шестьдесят семь. В этом списке находились самые разные люди, от дирижера из Стоксунда до старого спившегося вора из Хёгалидского интерната.

— И что же ты собираешься делать с этим списком? — спросил Мартин Бек.

— Не знаю, — хмуро, но честно ответил Колльберг и положил список на письменный стол Меландера.

— Ты все помнишь. Когда у тебя будет время, взгляни. Может, вспомнишь что-нибудь интересное о ком-нибудь из этих людей.

Меландер равнодушно посмотрел на список и кивнул.

Двадцать третьего декабря, в канун Рождества Монссон и Нордин, ко всеобщему удовольствию, отправились домой. Они должны были вернуться к Новому году.

Была отвратительная холодная погода.

Общество потребления трещало по всем швам. В тот день можно было продать все, причем за любую цену. Чаще всего покупали в кредит или расплачивались чеками, которые ничем не были обеспечены.

Возвращаясь вечером домой, Мартин Бек размышлял о том, что в Швеции уже имеется первое групповое убийство и первое убийство полицейского, которое не удается раскрыть.

Расследование зашло в тупик. А с технической точки зрения — в отличие от дела Терезы — оно выглядело как куча мусора.

XXVIII

Рождество.

Мартин Бек получил рождественский подарок, который, вопреки ожиданиям, не вызвал у пего улыбки.

Леннарт Колльберг получил подарок, который довел его жену до слез.

Оба обещали себе не думать ни о Стенстрёме, ни о Терезе Камарао, и обоим это не удалось.

Мартин Бек проснулся рано, но остался лежать в постели и читал книгу до тех пор, пока его семья не начала подавать признаки жизни. Тогда он встал, одежду, в которой вчера пришел домой, повесил в шкаф и надел джинсы и шерстяной джемпер. Жена, которая считала, что на Рождество нужно быть элегантно одетым, приподняла брови при виде его наряда, однако пока что ничего не сказала.

Когда жена по традиции поехала на могилу родителей в Стогкюркогорден, Мартин Бек вместе с Рольфом и Ингрид нарядил елку. Дети были возбуждены, очень шумели, и он старался изо всех сил, чтобы не испортить им праздничное настроение. Исполнив свой долг по отношению к умершим, жена вернулась, и Мартин Бек мужественно участвовал в поедании хлеба, вымоченного в рассоле, хотя с трудом переносил этот старый обычай.

Вскоре после этого дала знать о себе боль в животе. Мартин Бек настолько привык к этой надоедливой ноющей боли, что не обращал на нее внимания, однако ему казалось, что в последнее время боль участилась и стала более сильной. Теперь он никогда уже не говорил Инге о своем плохом самочувствии. Раньше он это делал и она едва не прикончила его своими травяными отварами и навязчивой опекой. Болезнь для нее была событием первостепенной важности.

Рождественский ужин был невероятно обильным, особенно если учесть, что предназначался он для четырех человек, из которых одному с трудом удавалось проглотить нормальную порцию еды, другой худел, а еще один слишком устал при приготовлении всего этого и вообще не мог есть. Оставался Рольф, который, надо признать, ел за четверых. Сыну было двенадцать лет, и Мартин Бек никогда не переставал удивляться тому, каким образом в этом худом теле умещается ежедневно столько еды, сколько сам он с огромными усилиями впихивал в себя за целую неделю.

Посуду мыли все вместе, что тоже случалось только на Рождество.

Потом Мартин Бек зажег свечи на елке, думая при этом о братьях Асарсон, которые импортировали пластмассовые елки, а в ящиках с елками — наркотики.

Они пили подогретое вино с сушеными фруктами, и Ингрид сказала:

— Наверное, уже пора вводить лошадь.

Как всегда, все обещали, что каждый получит только один подарок, и, как обычно, каждый купил их несколько.

У Мартина Бека не было лошади для Ингрид, зато взамен она получила бриджи для верховой езды и деньги для оплаты занятий в конном манеже на ближайшие полгода.

Сам он среди других подарков получил двухметровый вязаный шарф. Ингрид выжидательно глядела на отца. Оказалось, что в шарф завернут пакет, в котором находится пластинка. На глянцевом конверте красовалась фотография толстого мужчины в знакомом шлеме и униформе лондонского бобби. У него были пышные усы, а руки в вязаных перчатках он засунул за пояс. Он стоял перед старомодным микрофоном и, судя по выражению лица, хохотал во все горло. Помещенный на конверте текст гласил, что бобби зовут Чарльз Пенроуз, а пластинка называется “The Adventures of The Laughing Policeman”.[15]

Ингрид принесла проигрыватель и поставила его на пол возле стула Мартина Бека.

— Погоди, ты сейчас просто лопнешь от смеха. — Она вынула пластинку из конверта и посмотрела на этикетку. — Порван песенка называется «Смеющийся полицейский». Ну как, нравится?

Мартин Бек плохо разбирался в музыке, но сразу же узнал эту песенку. Она была написана в двадцатых пли тридцатых годах, а может, и того раньше. Он слышал ее в детстве и внезапно вспомнил один куплет:

Если тебе доведется встретить

смеющегося полицейского

и он понравится тебе,

дай ему в награду монетку.

Насколько он помнил, эту песенку пел кто-то на диалекте провинции Сконе. После каждого куплета следовал взрыв хохота, по-видимому, заразительного, потому что Инга, Рольф и Ингрид буквально покатывались со смеху.

Мартин Бек не сумел напустить на свое лицо соответствующее выражение. Он не смог даже улыбнуться. Чтобы не разочаровать дочь, он встал, и, повернувшись спиной, сделал вид, будто поправляет свечи на елке.

Когда пластинка перестала крутиться, он вернулся на свое место. Ингрид смотрела на него, вытирая слезы с глаз.

— Папочка, ты ведь совсем не смеялся, — укоризненно сказала она.

— Да нет, я считаю, что это очень смешно, — заверил он ее совершенно неубедительным тоном.

— А сейчас послушай эту песенку, — сказала Ингрид, переворачивая пластинку. — “Jolly Coppers on Parade”.

— Веселые копы маршируют, — перевел Рольф.

Ингрид, очевидно, уже не один раз слушала пластинку, потому что тут же начала петь дуэтом вместе со смеющимся полисменом:

There's a tramp, tramp, tramp

At the end of the street

It's the jolly coppers walking on parade

And their uniforms are blue

And the brass is shining too

A finer lot of men were never made…

По улице маршируют веселые полицейские в синих мундирах,

Сияет медь духового оркестра.

Невозможно представить себе более привлекательных парней *(англ.)*.

Елка приятно пахла хвоей, свечи горели, дети пели, а Инга в новом халате то дремала, то грызла марципанового поросенка. Мартин Бек наклонился, поставил локти на колени,

уперся подбородком в ладони и, глядя на конверт со смеющимся полисменом, принялся думать о Стенстрёме.

Зазвонил телефон.

В глубине души Колльберг вовсе не был доволен собой. Однако, поскольку трудно было установить, что именно он упустил, то не стоило огорчаться и портить себе рождественское настроение.

Он старательно перемешал компоненты грога, несколько раз попробовал и наконец остался доволен. Сидя за столом, он глядел на окружающую его обстановку, которая производила обманчивое впечатление идиллии. Будиль лежала под елкой и гулила. Оса Турелль сидела на полу по-турецки и играла с ребенком. Гюн бродила по квартире с беззаботным видом, босиком, одетая в нечто среднее между пижамой и спортивным костюмом.

Он положил себе порцию сушеной трески, вымоченной в молоке. С удовольствием подумал о заслуженной им сытной, обильной еде, которой сейчас начнет наслаждаться. Воткнул салфетку за воротник и расправил ее на груди. Налил себе полный бокал. Поднял его. Посмотрел на прозрачную жидкость. И в этот момент зазвонил телефон.

Он на какое-то мгновение заколебался, потом одним глотком осушил бокал и пошел в спальню, чтобы взять трубку.

— Добрый день. Моя фамилия Фрёйд.

— Очень приятно, — сказал Колльберг в блаженной уверенности, что он не числится в списке резервных сотрудников и даже новое групповое убийство не сможет вытащить его на снег. Для таких дел выделяются соответствующие люди. Например, Гюнвальд Ларссон, которого внесли в список тех, кого следует поднимать по тревоге, и Мартин Бек, которому приходится расплачиваться за то, что он входит в состав высшего руководства.

— Я работаю в психиатрическом отделении Лонгхольменской тюрьмы, — сказал голос в трубке. — У нас здесь есть больной, которому обязательно нужно поговорить с вами. Его фамилия Биргерсон. Он утверждает, что обещал и что это очень важно…

Колльберг нахмурился.

— А сам он не может подойти к телефону?

— К сожалению, нет. Это противоречит нашим правилам. В настоящий момент он проходит…

Лицо Колльберга грустно вытянулось. Даже в рождественский вечер он не имеет права…

— Хорошо, — сказал он, — я выезжаю, — и положил трубку.

Жена, которая услышала последнюю фразу, сделала большие глаза.

— Мне нужно съездить в Лонгхольменскую тюрьму, — с унылым видом сказал он. — Ума не приложу, где можно сейчас найти машину, которая повезла бы туда в такое время, на Рождество!

— Я отвезу тебя, — предложила Оса Турелль. — Я ничего не пила.

В дороге они не разговаривали. Надзиратель в караульной окинул Осу подозрительным взглядом.

— Это моя секретарша, — сказал Колльберг.

— Секретарша? Прошу прощения, фру, я еще раз взгляну на ваши документы.

Биргерсон не изменился. Разве что выглядел еще более робким и невзрачным, чем две недели назад.

— Ну, так что же вы хотите мне сказать? — сухо спросил Колльберг.

Биргерсон улыбнулся.

— Может, это покажется глупым, — сказал он, — но именно сегодня, сейчас, вечером, я вспомнил кое-что. Вы тогда спрашивали меня об автомобилях, о моем «моррисе». И…

— Да, и что же?

— Ну так вот, как-то раз, когда ассистент Стенстрём и я сделали перерыв во время допроса и ели, я рассказал ему одну историю. Помню, мы ели тогда яичницу с грудинкой и свеклой. Это мое любимое блюдо, поэтому, когда нам принесли рождественский ужин…

Колльберг с отвращением смотрел на Биргерсона.

— Одну историю? — повторил он.

— Вернее, случай из моей жизни. Он произошел еще тогда, когда мы жили на Рослагсгатан, я и моя…

— Да, понятно, — перебил его Колльберг. — Рассказывайте.

— Да, так вот, я и моя жена. У нас была только одна комната, и дома я всегда нервничал, не находил себе места и чувствовал себя затравленным. К тому же у меня была бессонница.

— Хм, — произнес Колльберг.

Ему было жарко, слегка кружилась голова. Кроме того, он испытывал жажду и сильный голод. Обстановка тоже действовала на него угнетающе, ему внезапно захотелось немедленно уехать домой. Биргерсон продолжал свой путаный, монотонный рассказ.

— …поэтому я выходил по вечерам, просто так, для того, чтобы уйти из дому. Это было почти двадцать лет назад. Я часами ходил по улицам, иногда всю ночь. Никогда ни с кем не разговаривал, только бродил, чтобы обрести покой. Через некоторое время нервное напряжение спадало, обычно это происходило приблизительно через час. Однако когда я так бродил, мне все же приходилось занимать свою голову какими-нибудь мыслями, чтобы те, другие дела не мучили меня. Те, домашние, с женой и все такое прочее. Поэтому я придумывал разные вещи. Чтобы обмануть самого себя, отвлечь от собственных мыслей и огорчений.

Колльберг взглянул на часы.

— Да, понятно, — нетерпеливо сказал он. — Ну, так что же вы делали?

— Рассматривал автомобили.

— Автомобили?

— Да. Я переходил от одной стоянки к другой и рассматривал автомобили, которые там стояли. Внутрь автомобилей я особенно не заглядывал, но при этом изучил все существующие модели и марки. Спустя некоторое время я уже отлично разбирался в них. Это доставляло мне удовольствие. Я мог узнать любой автомобиль с расстояния тридцать-сорок метров, с любой стороны. Я мог делать это на спор, мог заключать пари на самую крупную ставку, даже в тысячу крон и всегда выигрывал бы. Спереди, сзади или сбоку, это не имело значения.

— Ну, а если сверху, тогда как? — спросила Оса Турелль.

Колльберг уставился на нее широко раскрытыми глазами. Биргерсон насупился.

— Нет, тут я не набил себе руку. Наверное, это получилось бы хуже.

Он задумался. Колльберг, уже смирившись, пожал плечами.

— Можно получить очень много удовольствия от такого простого занятия, — продолжил Биргерсон. — И эмоций. Иногда попадаются очень редкие автомобили, такие, как «лагонда», «ЗИМ» или «ЕМВ». Это доставляет радость.

— И все это вы рассказывали ассистенту Стенстрёму?

— Да, кроме него, я никогда никому об этом не рассказывал.

— И что же он сказал?

— Что, по его мнению, это очень интересно.

— Понятно. И вы вызвали меня сюда, чтобы сказать мне об этом? В половине двенадцатого вечера? На Рождество?

Биргерсон, казалось, обиделся.

— Вы ведь сами сказали, чтобы я сообщил, если вспомню что-нибудь…

— Да, вы правы, — устало сказал Колльберг. — Спасибо вам.

Он встал.

— Но я ведь еще не рассказал о самом главном, — пробормотал Биргерсон. — О том, что очень заинтересовало ассистента Стенстрёма. Это меня поразило, потому что вы говорили о «моррисс».

Колльберг снова сел.

— Ну, я вас слушаю.

— У меня в том моем хобби были определенные проблемы, если можно так выразиться. Очень трудно было отличить некоторые модели, особенно в темноте и с большого расстояния. Например, «москвич» и «опель-кадет» или «ДКВ» и «ИФА». — После короткой паузы он добавил: — Очень трудно. Потому что различия были весьма незначительными.

— А какое это имеет отношение к Стенстрёму и к вашему «моррису»?

— К моему «моррису» никакого. Но ассистент Стенстрём сильно заинтересовался, когда я сказал, что труднее всего различить спереди «моррис-майнор» и «рено CV-4». А вот сбоку или сзади это можно сделать запросто. Однако спереди или чуточку сбоку это действительно задача нелегкая. Хотя со временем я этому тоже научился и редко ошибался. Впрочем, ошибки тоже случались.

— Секундочку, — сказал Колльберг. — Вы говорите, «моррис-майнор» и «рено CV-4»?

— Да. Я вспоминаю, что ассистент Стенстрём даже подпрыгнул на стуле, когда я сказал об этом. До этого он все время только кивал головой, и мне казалось, что он вообще не слушает меня. Но это, как я уже сказал, его страшно заинтересовало. Он даже пару раз переспрашивал меня.

— Так вы говорите, спереди?

— Да, именно об этом он меня пару раз переспрашивал. Спереди или чуточку наискосок очень трудно.

Когда они снова сидели в автомобиле, Оса Турелль спросила:

— Что это дает?

— Еще не знаю. Однако какое-то значение это имеет.

— Если говорить об убийце Оке?

— Этого я тоже не знаю. Во всяком случае теперь понятно, почему он написал в блокноте название этого автомобиля.

— Я тоже вспомнила кое-что, — сказала Оса. — То, что Оке говорил за пару недель до того, как его убили. Что как только у него будет два выходных, он поедет в Смоланд, чтобы выяснить кое-что. Кажется, он собирался в Экшё. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Абсолютно ни о чем.

Город почти вымер, единственными признаками жизни были две машины скорой помощи, полицейский автомобиль и несколько бесцельно слоняющихся гномов, которых объединила профессиональная усталость и которые не сумели противостоять слишком большому количеству гостеприимных домов и рюмочек. Через минуту Колльберг сказал:

— Я слышал от Гюн, что ты переезжаешь от нас после Нового года.

— Да. Я обменяла свою квартиру на квартиру поменьше на Кунгсхольмстранд. Продам все барахло, куплю новую мебель. Подыщу себе новую работу.

— Где?

— Еще не знаю. Но я подумываю о том… — Через несколько секунд она добавила: — А у вас в полиции есть вакансии?

— Наверное, — рассеянно ответил Колльберг, но тут же встряхнулся: — Ты что, серьезно подумываешь об этом?

Оса Турелль сосредоточилась на управлении автомобилем. Нахмурив брови, она вглядывалась в метель.

Когда они приехали на Паландергатан, Будиль уже спала, а Гюн, свернувшись в клубочек в кресле, читала книгу. На глазах у нее были слезы.

— Что с тобой? — спросил муж.

— Я столько сил потратила, чтобы приготовить праздничный ужин. Все уже никуда не годится.

— Ничего подобного. Только не с моим аппетитом! Поставь дохлого кота на стол, и я буду счастлив. Неси все, что есть.

— Звонил твой Мартин. Полчаса назад.

— Отлично, — беззаботным тоном сказал Колльберг. — Организуй рождественский стол, а я тем временем звякну ему.

Он снял пиджак н отправился звонить по телефону.

— Бек слушает.

— Кто это у тебя там так шумит? — подозрительно поинтересовался Колльберг.

— Смеющийся полицейский.

— Кто?

— Граммофонная пластинка.

— Да, действительно, теперь узнаю. Старый шлягер. Чарльз Пенроуз, да? По-моему, эта песенка написана еще до первой мировой войны.

Их диалог проходил на фоне взрывов хохота, и создавалось впечатление, будто они разговаривают втроем.

— Это неважно, — без тени радости сказал Мартин Бек. — Я звонил тебе, потому что Меландер позвонил мне.

— Ну и что же ему было нужно?

— Он сказал, что наконец-то вспомнил, где видел фамилию и имя: Нильс Эрик Ёранссон.

— Где?

— В деле Терезы Камарао.

Колльберг снял ботинки, немного подумал и сказал:

— В таком случае поздравь его от моего имени и передай ему, что на этот раз он ошибся. Я прочел все, что там было, все до самого последнего слова. И я не настолько туп, чтобы не заметить столь важной детали.

— Документы у тебя дома?

— Нет, они лежат в Вестберге. Но я в этом уверен так же, как и в том, что дважды два — четыре.

— Хорошо. Я верю тебе. Что ты делал в Лонгхольменской тюрьме?

— У меня имеется кое-какая информация. Она слишком путаная, чтобы ее можно было сразу оценить, однако если эта информация подтвердится…

— То что?

— А то, что ты сможешь все дело Терезы повесить на гвоздик в туалете и оставить его там навсегда. Желаю тебе весело провести праздники. — Колльберг положил трубку.

— Ты снова уходишь? — с подозрением спросила жена.

— Да, но теперь только в среду. Где у нас водка?

XXIX

Меландер был не из тех людей, которые легко расстраиваются, однако утром двадцать седьмого декабря он был до такой степени разочарован и смущен, что Гюнвальд Ларссон посчитал необходимым поинтересоваться:

— Что с тобой? Не нашел миндаля в рождественской каше?

— С кашей и поисками миндаля мы покончили сразу же после свадьбы. Это было ровно двадцать два года назад. Дело совсем в другом. Я никогда не ошибался.

— Ну что ж, когда-нибудь нужно начинать, — утешил Меландера Рённ.

— Да, конечно. Но мне это непонятно.

В дверь постучал Мартин Бек, и прежде чем они ответили, он уже был в кабинете, высокий, жердеобразный, серьезный и кашляющий.

— Что тебе непонятно?

— Ну, это, с Ёранссоном. Как я мог ошибиться.

— Я только что вернулся из Вестберги, — сказал Мартин Бек. — Я узнал там нечто такое, что может улучшить твое настроение.

— Что именно?

— В деле Терезы не хватает одной страницы. Если быть точным, страницы 1244.

В три часа дня Колльберг остановился возле автомастерской в Сёдертелье. С утра он уже успел сделать многое. И среди прочего убедился в том, что свидетели, которые шестнадцать с половиной лет назад заметили автомобиль, стоящий возле стадиона «Штадсхаген», смотрели на него спереди или чуть-чуть наискосок. Кроме того, он дал определенное задание техникам, и теперь у него в кармане лежала затемненная и слегка подретушированная рекламная фотография автомобиля «моррис-майнор» модели пятидесятых годов. Два свидетеля из трех уже умерли, полицейский и механик. Однако настоящий знаток автомобилей, мастер из автомастерской был жив и вполне здоров. Он работал здесь, в Сёдертелье. Теперь он уже не был мастером, а занимался кое-чем получше, сидел в офисе со стеклянными стенами и разговаривал но телефону. Когда разговор закончился, Колльберг вошел без стука. Он не предъявил удостоверение и даже не представился. Только положил перед бывшим свидетелем фотографию и спросил:

— Какой это автомобиль?

— «Рено CV-4». Старый рыдван.

— Ты уверен?

— Уверен. Я никогда не ошибаюсь.

— Это абсолютно точно?

Он еще раз поглядел на фотографию.

— Да. Это «рено CV-4», старая модель.

— Спасибо, — сказал Колльберг и протянул руку за фотографией.

— Погоди. Ты что, пытаешься обмануть меня? — Он снова посмотрел на фото и через пятнадцать секунд медленно сказал: — Нет. Это не «рено». Это «моррис». «Моррис-майнор», модель пятидесятого или пятьдесят первого года. К тому же с этой фотографией что-то не в порядке.

— Да, — признался Колльберг. — Она подретуширована так, словно сделана при плохом освещении в дождливую погоду, например, летней ночью.

Собеседник внимательно посмотрел на него.

— А кто вы, собственно, такой? — спросил он.

— Полицейский, — ответил Колльберг.

— Мне следовало догадаться. Здесь уже был один полицейский, осенью…

В тот же день около половины шестого Мартин Бек собрал всех сотрудников на совещание в штаб-квартире расследования. Нордин и Монссон уже вернулись, так что коллектив был почти в полном составе. Отсутствовал лишь Хаммар, который на праздники уехал из Стокгольма. Он знал, как мало событий произошло за сорок четыре дня интенсивного расследования и считал маловероятным, что оно внезапно оживится между Рождеством и Новым годом, когда и преследователи, и преследуемые по большей части сидят дома, икают от обжорства и ломают себе голову над тем, что сделать, чтобы денег хватило до января.

— Так значит, отсутствует страница, — довольно произнес Меландер. — И кто же ее взял?

Мартин Бек и Колльберг обменялись быстрыми взглядами.

— Кто-нибудь из вас может сказать о себе, что является специалистом по части домашних обысков? — спросил Мартин Бек.

— Я, — равнодушно ответил Монссон со своего места у окна. — Если нужно найти что-нибудь, я это разыщу.

— Хорошо, — сказал Мартин Бек. — В таком случае обыщи квартиру Оке Стенстрёма на Черховсгатан.

— Что я должен искать?

— Страницу из полицейского протокола, — объяснил Колльберг. — Номер 1244. В тексте, по-видимому, упоминается Нильс Эрик Ёранссон.

— Завтра, — сказал Монссон. — При дневном освещении искать намного легче.

— Хорошо, — согласился Мартин Бек.

— Ключи получишь у меня завтра утром, — добавил Колльберг.

Ключи, собственно, лежали у него в кармане, но он собирался перед тем, как предоставить Монссону свободу действий, убрать из квартиры определенные следы фотографической деятельности Стенстрёма.

На следующий день в половине второго зазвонил телефон на письменном столе Мартина Бека.

— Привет, это Пер.

— Какой Пер?

— Монссон.

— А, это ты. Ну, как дела?

— Я в квартире Стенстрёма. Здесь нет той страницы.

— Ты уверен?

— Уверен ли я? — Судя по его голосу, Монссон был крайне обижен. — Конечно уверен. А откуда у вас уверенность, что это именно он взял ту страницу?

— Во всяком случае, мы так полагаем.

— Ну, если так, я еще где-нибудь поищу.

Мартин Бек помассировал лоб.

— Что ты имеешь в виду под словами «где-нибудь»? — спросил он, однако Монссон уже положил трубку.

— В архиве ведь должны быть копии, — заметил Гюнвальд Ларссон. — Или в прокуратуре.

— Верно, — согласился Мартин Бек.

Он нажал кнопку и переключил телефон на внутреннюю линию.

В соседнем кабинете Колльберг разговаривал с Меландером.

— Я просмотрел твой список.

— Ну и как, тебе пришло что-нибудь в голову?

— Очень многое. Я только не знаю, пригодится ли тебе все это.

— Предоставь решать это мне.

— Там есть рецидивисты. Например, Карл Андерсон, Вильгельм Росберг и Бенгт Бальберг. Все трое старые воры. Неоднократно судимы. Теперь они уже слишком стары, чтобы работать по специальности.

— Дальше.

— Юхан Гран был сутенером и наверняка продолжает им оставаться. Профессия официанта — это только прикрытие. Еще год назад сидел. А знаешь, каким образом Вальтер Эриксон стал вдовцом?

— Нет.

— Он в пьяном безумии убил жену табуреткой. Отсидел пять лет.

— Ну и тип, черт возьми.

— Таких субъектов хватает в твоем списке. Уве Эриксон и Бенгт Фредриксон были осуждены за нанесение побоев, причем Фредриксон сидел не меньше шести раз. Судя по некоторым приговорам, там были даже попытки убийства. Торговец подержанными вещами Ян Карлсон подозрительная фигура. За решетку никогда не попадал, но много раз был близок к этому. Бьёрна Форсберга я тоже помню. Когда-то на его счету была не одна махинация и его хорошо знали в преступном мире во второй половине сороковых годов. Однако потом он сменил род деятельности и сделал прекрасную карьеру. Женился на богатой и стал солидным финансистом. Он лишь однажды, в сорок шестом году, был признан виновным в мошенничестве. Зато у Ханса Венстрёма длиннющий список прегрешений: от растраты до взлома сейфа. Кстати, что-то я не пойму, чем он занимался.

— Бывший продавец рыбного магазина, — сказал Колльберг, заглянув в свой список.

— Действительно, двадцать пять лет назад он торговал рыбой на рынке в Сундбюберге. Теперь он уже очень стар. Ингвар Бенгтсон теперь выдает себя за журналиста. Он был одним из пионеров в области подделки чеков. И кроме того, альфонсом. Бу Фростенсон третьеразрядный актер и известный наркоман.

— Неужели эта женщина никогда не спала с порядочными мужчинами? — сочувственно спросил Колльберг.

— Ну почему же? Таких тоже много в списке. Например, Руне Бенгтсон, Леннарт Линдгрен, Курт Ольсон и Рагнер Виклунд. Их репутация безупречна.

У Колльберга в памяти еще было свежо все это дело.

— И все четверо женаты, — сказал он. — Им, наверное, дьявольски трудно было оправдаться перед своими женами.

— Нет, в этом деле полиция проявила такт. А тех молодых ребят, которым было около двадцати или того меньше, тоже не в чем упрекнуть. Их в этом списке шестеро, и только один не очень хорошо вел себя. Кеннет Карлсон, сидел два раза. В исправительной колонии.

Впрочем, это было давно, да и правонарушения не очень серьезные. Тебе что, действительно необходимо, чтобы я покопался в прошлом этих людей?

— Буду весьма благодарен тебе. Стариков можешь исключить, всех, кому за шестьдесят. Самых молодых тоже, моложе тридцати восьми.

— К первой группе относится восемь человек, ко второй — семь. Остается тринадцать. Область поиска сужается.

— Какая еще область?

— У всех этих мужчин, естественно, имеется алиби, если говорить об убийстве Терезы, — сказал Меландер.

— Несомненно. По крайней мере, если речь идет о том времени, когда труп подбросили в кусты возле стадиона «Штадсхаген».

Поиски протоколов допросов по делу Терезы, начатые сразу после праздников, растянулись вплоть до следующего года.

Только пятого января кипа покрытых пылью документов оказалась на письменном столе Мартина Бека. Даже недетективу с первого взгляда было ясно, что эти документы извлечены из самых дальних уголков архива и что прошло много лет с тех пор, как к ним прикасалась рука человека.

Мартин Бек быстро нашел страницу 1244. Текст был плотным. Колльберг наклонился через плечо Мартина Бека, и они вместе читали:

«Допрос Нильса Эрика Ёранссона, продавца, состоявшийся 7.12.1951.

Ёранссон сообщает о себе, что родился в Стокгольме 4.10.1929. Отец — электрик Альгот Эрик Ёранссон, мать — Бенита Ёранссон, в девичестве Рантанен. Допрашиваемый в настоящее время работает продавцом в фирме „Импорт", Холлендергатан, 10, Стокгольм.

Ёранссон показывает, что знал Терезу Камарао, которая вращалась иногда в тех же кругах, что и он, однако не в месяцы, непосредственно предшествующие ее смерти. Далее он показывает, что дважды вступил в интимную связь (половое сношение) с Терезой Камарао. В первый раз в квартире на Свартмангатан, где присутствовало много других людей. Во второй раз связь имела место в заведении, известном как „пивной погребок", на Холлендергатан. При этом присутствовал Свенсон-Раск, который также вступил в связь (совершил половой акт) с Т. Камарао. Ёранссон утверждает, что точной даты не помнит, однако эти события имели место (второе произошло спустя несколько дней после первого) в конце ноября или в начале декабря прошлого, т.е. 1950 года. Ёранссон утверждает, что ему больше ничего не известно о Т. Камарао.

Со 2 по 13 июня текущего года Ёранссон находился в Экшё, куда отправился на автомобиле с регистрационным номером А 6310 и вернулся оттуда после того, как продал там партию одежды по поручению фирмы, в которой он работал. Ёранссон является владельцем автомобиля марки „моррис-майнор", модель 1949 года, регистрационный номер А 6310.

Протокол допроса прочел, записано верно.

Допрашиваемый

(Подпись)

Следует дополнить, что вышеупомянутый Карл Оке Биргер Свенсон-Раск является тем человеком, который первым проинформировал полицию, что Ёранссон находился в интимных сношениях с Т. Камарао. Информация о пребывании Ёранссона в Экшё подтверждается персоналом городской гостиницы. Бармен вышеупомянутой гостиницы Сверкер Юхансон, специально допрошенный с целью проверки показаний Ёранссона, утверждает, что тот весь вечер 10 июня просидел в гостиничном ресторане вплоть до закрытия, т.е. до 23.30. Ёранссон

был пьян. Показаниям Сверкера Юхансона можно верить, тем более, что они подтверждаются записями в гостиничном счете Ёранссона».

— Что ж, — сказал Колльберг. — Дело ясное. Пока.

— Что ты собираешься делать?

— То, что Стенстрём сделать не успел. Поехать в Экшё.

— Кубики начинают укладываться в единое целое, — сказал Мартин Бек.

— Да. А куда подевалея Монссон?

— Наверное, торчит в Халстахаммаре и разыскивает ту страницу у матери Стенстрёма.

— Он легко не сдается. Жаль, что его нет. Я хотел взять его автомобиль. В моем какая-то неисправность.

Колльберг приехал в Экшё утром восемнадцатого января. Он ехал всю ночь — триста тридцать пять километров — сквозь метель, по гололедице, однако не чувствовал себя уставшим. Городская гостиница находилась возле рынка и располагалась в красивом старинном здании, которое великолепно вписывалось в этот идиллический городок, словно вырезанный из цветной рождественской открытки. Бармена, которого звали Сверкер Юхансон, уже не было в живых, однако копия счета, оплаченного Нильсом Эриком Ёранссоном, сохранилась. Правда, понадобилось несколько часов, чтобы разыскать ее в покрытой пылью коробке на чердаке.

Счет подтверждал сведения о том, что Ёранссон проживал в гостинице одиннадцать дней. Питался он в гостиничном ресторане и ежедневно подписывал чеки за еду и напитки; эти суммы приплюсовывали к его счету. В счете имелись и другие записи, например, за телефонные переговоры, однако номер, но которому звонил Ёранссон, не был записан. Впрочем не это, а кое-что другое сразу же привлекло к себе внимание Колльберга.

Шестого июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года гостиница внесла в счет гостя пятьдесят две кроны и двадцать пять эре, уплаченные ею одной автомастерской. Оплата за буксировку и ремонт.

— Эта автомастерская еще существует? — спросил Колльберг владельца гостиницы.

— Конечно, причем за двадцать пять лет владелец там не сменился. Вам нужно пойти в направлении Лонганес и…

Человек, который в течение двадцати пяти лет был владельцем мастерской, недоверчиво глядел на Колльберга.

— Шестнадцать с половиной лет назад? Черт возьми, как я могу такое помнить?

— А журналы учета вы ведете?

— В этом деле у меня все в полном порядке, можете не сомневаться.

Полчаса он искал старую тетрадь. Потом не захотел выпускать ее из рук. Сам осторожно перелистывал страницы, пока не добрался до нужного дня.

— Шестое нюня, — сказал он. — Вот, пожалуйста. Буксировка от гостиницы. У него сел аккумулятор. Все это развлечение обошлось ему в пятьдесят две кроны и двадцать пять эре, включая буксировку.

Колльберг ждал.

— Буксировка, — буркнул владелец автомастерской. — Какая глупость. Почему он не вынул аккумулятор и сам не привез его сюда?

— У вас имеются какие-нибудь данные об автомобиле?

— Да. Погодите… секундочку… ага, вот. Кто-то пропел испачканным маслом пальцем по записанному здесь номеру. Но в любом случае это был автомобиль со стокгольмским номером.

— А вы не знаете, какой марки?

— Конечно. Это был «форд-ведетта».

— А не «моррис-майнор»?

— Если тут написано «форд-ведетта», могу дать голову на отсечение, что так оно и было, — сказал владелец мастерской. — «Моррис-майнор»? Да ведь между ними колоссальное различие.

Колльберг забрал с собой журнал. Это стоило ему получаса угроз и уговоров. Когда он наконец выходил, одержав победу, владелец автомастерской сказал:

— Теперь во всяком случае понятно, почему он выбросил деньги на совершенно не нужную буксировку.

— Почему же?

— Стокгольмец.

Уже стемнело, когда Колльберг вернулся в гостиницу. Он продрог, устал и проголодался, поэтому вместо того, чтобы сесть за руль и уехать, снял номер в гостинице. Первым делом он принял душ и заказал ужин. Ожидая, пока приготовят еду, он дважды звонил по телефону. Первый разговор у него был с Меландером.

— Не мог бы ты проверить, кто из моего списка имел автомобили в июне пятьдесят первого года? И какой марки.

— Конечно. Завтра утром.

— И какого цвета был «моррис» Ёранссона.

— Хорошо.

Потом он позвонил Мартину Беку.

— Ёранссон приехал сюда не на своем «моррисе». У него был другой автомобиль.

— Значит, Стенстрём был прав.

— Ты не мог бы распорядиться, чтобы выяснили, кто был владельцем той фирмы на Холлендергатан, где работал Ёранссон, и чем она занималась?

— Хорошо.

— Завтра около полудня я буду в Стокгольме.

Он спустился вниз и принялся за еду. Внезапно он вспомнил, что однажды уже был в этой гостинице. Он проживал здесь ровно шестнадцать лет назад. В то время он уже служил в полиции и заминался убийством в такси. Его расследовали в течение трех или четырех дней. Если бы тогда он знал то, что ему известно сейчас, то наверняка смог бы раскрыть загадочное убийство Терезы в течение десяти минут.

Рённ думал об Ольсоне и счете, обнаруженном в кармане рубашки Ёранссона. Во вторник днем ему кое-что пришло в голову, его начала мучить какая-то смутная мысль, и он пошел к Гюнвальду Ларссону. Несмотря на сдержанные отношения на службе, Рённ и Гюнвальд Ларссон были друзьями, о чем мало кто знал. Они вместе провели рождественский вечер и новогоднюю ночь. Известие об этом невероятно удивило бы большинство их коллег.

— Я думаю об этом листочке с буквами Б. Ф., — сказал Рённ. — В списке, составленном Меландером и Колльбергом, имеются три человека с такими инициалами. Бу Фростенсон, Бенгт Фредриксон и Бьёрн Форсберг.

— Ну?

— Можно было бы незаметно понаблюдать за ними, посмотреть, не похож ли кто-нибудь из них на Ольсона.

— А ты знаешь, где их нужно искать?

— Меландер, наверное, знает.

Меландер знал. Ему понадобилось двадцать минут, чтобы добыть информацию, что Форсберг находится дома, а после обеда придет в свой офис в центре. Обедать он должен был с одним из клиентов в двенадцать часов в «Амбассадоре». Фростенсон был на киностудии, он играл небольшую роль в фильме Арне Матссона.

— А Фредриксон пьет пиво в «Десятке». Его там всегда можно найти.

— Я поеду с вами, — довольно неожиданно заявил Мартин Бек. — Возьмем автомобиль Монссона. Ему я дал один из служебных автомобилей.

Бенгт Фредриксон, художник и забияка, действительно сидел в пивной в Старом городе. Он был очень толстый, с буйной запущенной рыжей бородой и взъерошенными седыми волосами. Он уже был пьян.

Директор фильма провел их по длинным узким коридорам в угол большого киноателье в Сольне.

— Фростенсон будет сниматься через пять минут. Это его единственный эпизод во всем фильме.

Они встали на безопасном удалении, однако сюда тоже доставал резкий яркий свет прожекторов. Они видели декорации, позади которых на полу змеились перепутанные электрические кабели. Декорации изображали, судя по всему, магазин.

— Внимание! — крикнул режиссер. — Тишина. Камера. Мотор!

Человек в высоком колпаке пекаря и белом фартуке вошел в поток света и сказал:

— Слушаю вас. Чем могу служить?

— Стоп! — зарычал режиссер.

Фростенсону пришлось пять раз повторять одну и ту же фразу. Это был худой лысый мужчина, он заикался, уголки рта и веки у него нервно подергивались.

Спустя полчаса Гюнвальд Ларссон притормозил в двадцати пяти метрах от калитки виллы Бьёрна Форсберга в Стоксунде. Мартин Бек и Рённ скорчились на заднем сиденье. В открытую дверь гаража был виден большой черный «мерседес».

— Ему уже пора выезжать, если он не хочет опоздать на обед.

Они ждали минут пятнадцать. Наконец дверь виллы открылась и на крыльцо вышел мужчина в сопровождении привлекательной блондинки, пса и девочки лет семи. Женщину он поцеловал в щеку, девочку обнял и приподнял. Потом широким быстрым шагом направился к гаражу, сел в машину и выехал из гаража. Девочка посылала ему воздушные поцелуи, что-то кричала и смеялась.

Бьёрн Форсберг был высокий и стройный. Его неописуемо красивое лицо с крупными чертами и открытым взглядом походило на те, которые изображают на иллюстрациях к романам, публикуемых еженедельниками. Он был загорелый, двигался ловко и пружинисто. Форсберг выглядел очень молодо, с непокрытой головой, волнистыми, зачесанными назад волосами, в светло-сером плаще. Ему никак нельзя было дать его сорок восемь лет.

— Как Ольсон, — сказал Рснн. — Особенно фигура и одежда, этот светлый плащ.

— С той разницей, — произнес Гюнвальд Ларссон, — что Ольсон на свое барахло потратил три сотни три года назад на дешевой распродаже, а этот уплатил за свой плащик эдак тысяч пять. Однако такие, как Шверин, разницы не замечают.

— Честно говоря, я тоже, — признался Рённ.

— А я замечаю, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Есть еще на свете люди, которые знают толк в хорошей одежде. Если бы не это, можно было бы построить бордели на всей Савил-Роу.[16]

— Где? — изумленно спросил Рённ.

Колльберг совершенно выбился из расписания. Отчасти потому, что проспал, отчасти оттого, что погода была отвратительная как никогда. До половины второго он смог доехать до мотеля на окраине Линчёпинга. Он выпил кофе, съел пирожное и позвонил в Стокгольм.

— Ну как, ты выяснил?

— Только у девяти из них были автомобили летом пятьдесят первого года, — сказал Меландер. — У Ингвара Бенгтсона был новый «фольксваген», у Руне Бенгтсона — «паккард», модель сорок девятого года, у Кента Карлсона — «ДКВ» тридцать восьмого года выпуска, у Уве Эриксона — старый «опель-капитан» довоенной модели, у Бьёрна Форсберга — «форд-ведетта», модель сорок девятого года выпуска…

— Стоп. А еще у кого-нибудь из них был такой же автомобиль?

— «Форд-ведетта?» Нет.

— Ладно, пока что достаточно.

— «Моррис» Ёранссона первоначально был окрашен в серый цвет. Естественно, он легко мог перекрасить автомобиль.

— Хорошо. Пожалуйста, переключи телефон на Мартина.

— Еще одна деталь. Летом пятьдесят первого года Ёранссон сдал свой автомобиль в металлолом. Его автомобиль вычеркнут из реестра пятнадцатого августа, через неделю после допроса Ёранссона.

Колльберг бросил в телефон-автомат очередную монетку и, пока на линии раздавался треск, с нетерпением думал о двухстах сорока километрах, которые ему еще предстоит преодолеть. При такой погоде на это понадобится несколько часов. Он пожалел, что не отправил вчера по почте регистрационную книгу автомастерской.

— Комиссар Бек слушает.

— Привет. Так чем же занималась та фирма?

— По-моему, продавала краденые вещи. Впрочем, доказать это не удалось. У них было несколько продавцов, которые выезжали в провинцию и сбывали одежду и другие вещи.

— Кто был владельцем?

— Бьёрн Форсберг.

Колльберг немного подумал и сказал:

— Поручи Меландеру заняться только Форсбергом. И попроси Хелма, чтобы он или кто-нибудь из его сотрудников задержался в лаборатории до моего приезда. У меня есть предмет, который нужно отдать на экспертизу.

Около пяти Колльберга все еще не было. Меландер постучал в дверь кабинета Мартина Бека и вошел с трубкой в одной руке и несколькими листами бумаги в другой. Он сразу начал говорить:

— Бьёрн Форсберг женился семнадцатого июня пятьдесят первого года на некой Эльзе Беатрисе Хокансон, единственной дочери директора Магнуса Хокансона, владельца фирмы строительных материалов. Хокансона считали очень богатым человеком. Форсберг

немедленно ликвидировал свою фирму на Холлендергатан и прекратил заниматься подозрительными делишками. Он начал упорно трудиться, изучил торговлю и экономику и стал ловким предпринимателем. Когда девять лет назад Хокансон умер, дочери достались в наследство его состояние и фирма, однако, уже начиная с середины пятидесятых годов, Форсберг исполнял обязанности директора. Виллу в Стоксунде он купил в пятьдесят девятом году. Она обошлась ему примерно в пятьсот тысяч.

Мартин Бек высморкался.

— Сколько времени он был знаком с той девушкой до того, как женился на ней?

— Насколько известно, они познакомились в Оре в марте пятьдесят первого года. Форсберг увлекался горными лыжами. Впрочем, он и сейчас увлекается ими. Его жена тоже. Это была так называемая любовь с первого взгляда. Они начали встречаться. Он бывал в доме ее родителей. Тогда ему было тридцать два года, а Эльзе Хокансон — двадцать пять. — Меландер перетасовал свои бумажки. — Их брак считают счастливым. У них трое детей. Два мальчика, тринадцати и двенадцати лет, и семилетняя девочка. Автомобиль «форд-ведетта» он продал вскоре после свадьбы и купил «линкольн». Потом у него было множество других автомобилей.

Меландер закурил трубку.

— Это все, что тебе удалось установить?

— Нет, есть кое-что еще. Как мне кажется, очень важное. Бьёрн Форсберг участвовал как доброволец в зимней финской войне в тысяча девятьсот сороковом году. Тогда ему был двадцать один год, на фронт он уехал сразу после прохождения здесь военной службы. Он родом из хорошей семьи и вначале подавал большие надежды, однако после войны пошел по дурной дорожке.

— Да, наверное, это он.

— Похоже на то, — сказал Меландер.

— Кто у нас сейчас на месте?

— Гюнвальд, Рённ, Нордин и Эк. Проверить его алиби?

— Да.

Колльберг добрался до Стокгольма только после семи. Он поехал прямо в лабораторию и оставил там регистрационную книгу автомастерской.

— У нас есть определенные часы работы, — с кислым видом заметил Хелм. — Наш рабочий день заканчивается в пять часов.

— Очень любезно с твоей стороны, что ты…

— Ладно, ладно. Я скоро позвоню. Тебе нужно узнать только номер?

— Да. Я буду на Кунгсхольмсгатан.

Колльберг и Мартин Бек едва начали разговор, как зазвонил телефон.

— А, шесть, семь, ноль, восемь, — лаконично сказал Хелм.

— Прекрасно.

— Легкое задание. Ты и сам мог бы его прочесть.

Колльберг положил трубку. Мартин Бек вопросительно посмотрел на него.

— Да. Ёранссон приехал в Экшё на автомобиле Форсберга. Это установлено. Как выглядит алиби Форсберга?

— Плохо. В июне пятьдесят первого года у него была маленькая квартира на Холлендергатан в том же доме, где располагалась его подозрительная фирма. На допросе он

сказал, что десятого вечером находился в Нортелье. У него была назначена там встреча с кем-то в семь часов. Потом, по его словам, он последним поездом вернулся домом. В Стокгольм приехал в половине двенадцатого. Свой автомобиль он одолжил одному из продавцов, который в своих показаниях подтвердил это.

— Однако Форсберг постарался не упоминать о том, что обменялся автомобилями с Ёранссоном.

— Да, — сказал Мартин Бек. — У него был «моррис», принадлежащий Ёранссону. А это придает делу совершенно иной оборот. На автомобиле он без труда мог вернуться в Стокгольм в течение одного часа. Автомобили обычно стояли во дворе на Холлендергатан; находятся они там или нет, проверить было трудно. Однако мы выяснили, что там был холодильник. В нем находились меха, которые официально отдавали на хранение на время летнего сезона, на самом же деле, вероятнее всего, краденые. Как ты думаешь, зачем они обменялись автомобилями?

— Объяснение кажется мне очень простым, — сказал Колльберг. — Ёранссон был продавцом, он брал с собой много одежды и другого товара. В «ведетте» Форсберга этого барахла могло поместиться раза в три больше, чем в его собственном «моррисе». — Он помолчал несколько секунд и добавил: — Ёранссон, наверное, только потом все понял. Вернувшись, он понял, что произошло и что автомобиль представляет для него опасность. Поэтому сразу же после допроса он сдал автомобиль в металлолом.

— А что Форсберг говорил о своих связях с Терезой? — спросил Мартин Бек.

— Говорил, что познакомился с ней в дансинге в пятидесятом году и много раз спал с ней, сколько, не помнит. Потом зимой познакомился со своей будущей женой и потерял интерес к нимфоманкам.

— Он сказал именно так?

— Да, дословно. Как ты думаешь, почему он убил ее? Для того, чтобы убрать ее, как Стенстрём написал на полях?

— Вероятно. Все говорили, что она была назойливой. Это не было эротическое убийство.

— Нет, но он хотел, чтобы так решили. А потом ему неожиданно повезло. Свидетели ошиблись в марке автомобиля. Наверняка ему стало известно об этом и он мог чувствовать себя в полной безопасности. Единственное, что его тревожило, так это Ёранссон.

— Ёранссон и Форсберг были в хороших отношениях, — сказал Мартин Бек.

— К тому же ничего не происходило до тех пор, пока Стенстрём не начал копаться в протоколах дела Терезы и не получил неожиданную информацию от Биргерсона. Стенстрём проверил, что из всех, кто проходил по этому делу, только у Ёранссона был «моррис-майнор», причем красного цвета. Стенстрём по собственной инициативе допросил множество людей и начал следить за Ёранссоном. Ёранссон все больше и больше нервничал… Кстати, известно, где он жил между восемнадцатым октября и тринадцатым ноября?

— Да. На пароходе, на озере Клара. Нордин установил это вчера утром.

Колльберг кивнул.

— Стенстрём рассчитывал на то, что рано или поздно Ёранссон приведет его к убийце, и поэтому следил за ним изо дня в день, причем делал это, вероятно, совершенно открыто. В общем-то он был прав. Хотя результат оказался для него трагическим. Если бы вместо этого он не откладывая съездил в Смоланд…

Колльберг замолчал, Мартин Бек, как обычно, когда он задумывался, тер большим и указательным пальцами основание носа.

— Да, все сходится, — сказал он, — психологически тоже. Остается девять лет до истечения срока давности убийства Терезы. Только такое серьезное преступление, как

убийство, могло толкнуть нормального человека на подобную крайность, чтобы избежать разоблачения. К тому же Форсбергу пришлось бы слишком много потерять.

— Известно, что он делал вечером тринадцатого ноября?

— Да, он застрелил всех в автобусе, включая Стенстрёма и Ёранссона, потому что в той ситуации они угрожали его жизни. Однако единственное, что нам известно, так это то, что у него была возможность совершить убийство.

— Откуда это известно?

— Гюнвальду удалось увлечь служанку Форсбергов. Немку. Каждый понедельник вечером у нее выходной. Судя по календарику, который был у нее в сумочке, ночь с тринадцатого на четырнадцатое она провела у своего парня. Из того же источника нам известно, что фру Форсберг в тот вечер находилась на дамском приеме. Это означает, что Форсберг должен был оставаться дома, потому что они никогда не оставляют детей одних.

— Где она сейчас? Та служанка?

— Здесь. Мы продержим ее до утра.

— А что ты думаешь о его психическом состоянии? — спросил Колльберг.

— Вероятнее всего, оно очень плохое. Он близок к полному отчаянию.

— Я имею в виду, достаточно ли у нас обвинительного материала, чтобы арестовать его?

— Только не за убийство в автобусе. Это был бы неверный шаг. Но мы можем задержать его по подозрению в убийстве Терезы Камарао. У нас есть ключевой свидетель, что позволяет совершенно по-новому взглянуть на факты.

— Когда?

— Завтра утром.

— Где?

— У него в офисе. Как только он придет туда. Не стоит втягивать в это жену и детей. Особенно, если учесть, что он готов на все.

— Как?

— Как можно незаметнее. Без стрельбы и выламывания дверей.

Колльберг подумал, потом задал последний вопрос:

— Кто?

— Я и Меландер.

XXX

Блондинка, сидящая у коммутатора за мраморной стойкой, отложила в сторону пилочку для ногтей, когда Мартин Бек и Меландер вошли в приемную.

Офис Бьёрна Форсберга находился на шестом этаже на Кунгсгатан, недалеко от Стуреплан. Четвертый и пятый этажи тоже были заняты фирмой Форсберга. Часы показывали только пять минут десятого, а прибывшие знали, что директор обычно не появляется раньше половины десятого.

— Секретарша должна сейчас прийти, — сказала фрёкен. — Вы можете сесть и подождать.

В глубине комнаты вне поля зрения дежурной телефонистки вокруг столика со стеклянной столешницей стояло несколько кресел. Они повесили пальто и сели.

В приемную выходило шесть дверей без всяких табличек, одна из них была приоткрыта.

Мартин Бек встал, сначала заглянул в щель, потом исчез внутри. Меландер вынул из кармана трубку и кисет, набил трубку табаком, закурил. Мартин Бек вернулся. Они молча ждали. Иногда они слышали голос телефонистки и щелчки при переключении разговоров.

Кроме этого, сюда доносился только слабый уличный шум. Мартин Бек листал прошлогодний номер журнала «Промышленность», Меландер сидел с полуприкрытыми глазами.

В десять минут десятого открылась входная дверь и вошла женщина в меховой шубе, высоких сапогах и с большой сумкой, висящей на плече.

Она кивнула телефонистке и быстрым шагом направилась к приоткрытой двери. Не замедляя шага, она бросила равнодушный взгляд на сидящих и захлопнула за собой дверь.

Еще через десять минут пришел Форсберг.

Одет он был так же как и вчера, двигался быстро и энергично. Он уже собирался повесить плащ, как вдруг заметил Бека и Меландера. На какую-то долю секунды он замер, но тут же овладел собой, повесил плащ и подошел к ним.

Мартин Бек и Меландер одновременно встали. Бьёрн Форсберг вопросительно приподнял брови, однако прежде чем он успел открыть рот, Мартин Бек протянул ему руку и представился:

— Комиссар Бек, а это ассистент Меландер. Мы хотели бы поговорить с вами.

Бьёрн Форсберг пожал им руки.

— Не вижу никаких препятствий, — сказал он. — Прошу вас, входите.

Он придержал дверь, когда они входили, и казался спокойным, даже веселым. Он кивнул секретарше и сказал:

— Добрый день, фрёкен Шёльд. Список дел на сегодня мы составим позже. Сейчас у меня должна состояться краткая беседа с этими господами.

Кабинет директора был большой, светлый, обставленный элегантной мебелью. Голубой ковер полностью закрывал пол, большой письменный стол сверкал пустой столешницей. На столике возле вращающегося кресла с обивкой из черной кожи находились два телефона, диктофон и специальный «директорский» телефон. На широком подоконнике стояли четыре фотографии в оловянных рамочках. Жена и трое детей. Между окнами — портрет масляными красками, изображающий, очевидно, тестя. Бар, столик для совещаний с графином воды и подносом со стаканами, диванчик с креслами, застекленный шкафчик с книгами и фарфоровыми безделушками, в стену аккуратно вмонтирован сейф.

Все это Мартин Бек успел заметить еще до того, как за ними закрылась дверь и Бьёрн Форсберг направился к своему письменному столу.

Остановившись за столом, Форсберг оперся левой рукой на столешницу, наклонился и сунул правую руку в открытый ящик. Когда он снова выпрямился, его пальцы сжимали рукоятку пистолета.

По-прежнему опираясь одной рукой на стол, другой он засунул в рот ствол пистолета. Его губы сжали сверкающую сталь. Глядя на Мартина Бека, он нажал на спусковой крючок. Взгляд его по-прежнему оставался веселым.

Это произошло так быстро, что Мартин Бек и Меландер успели пройти только половину пути от двери до письменного стола, когда Бьёрн Форсберг рухнул на сверкающую столешницу.

Пистолет был снят с предохранителя, спусковой крючок нажат, и раздался щелчок, как при ударе бойка по капсюлю, однако пуля, которая должна была пробить нёбо и выбросить почти весь мозг Форсберга через тыльную часть черепа, не вылетела из ствола. Она осталась в гильзе. Патрон вместе с пятью остальными патронами, которые находились в обойме, лежал в кармане Мартина Бека.

Мартин Бек вынул один патрон из обоймы, повертел его в пальцах и прочел надпись на шейке гильзы: «Металверкен, 38». Патроны были шведские, однако пистолет американский, «смит-энд-вессон 38 спешл», произведенный в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Бьёрн Форсберг лежал, прижавшись лицом к столешнице, его тело сотрясала крупная дрожь. Через несколько секунд он сполз на пол и начал кричать.

— Надо бы вызвать скорую помощь, — сказал Меландер.

Рённу со своим магнитофоном снова пришлось дежурить в палате Каролинской больницы. Однако на этот раз не в хирургическом отделении, а в психиатрической клинике, и компанию ему составлял не ненавистный Улльхольм, а Гюнвальд Ларссон.

Бьёрна Форсберга лечили разными методами, ему делали успокоительные уколы, и занимающийся им врач-психиатр несколько часов не покидал палату. Больной по-прежнему повторял одно и то же:

— Почему вы не дали мне умереть?

Он повторил это уже много раз и сейчас снова сказал:

— Почему вы не дали мне умереть?

— Да, действительно, почему, — пробормотал Гюнвальд Ларссон и встретился со строгим взглядом врача.

Честно говоря, они не стали бы приезжать сюда, если бы врачи не заявили, что Форсберг действительно может умереть. Врачи говорили, что больной пережил необычайно сильный шок, что у него слабое сердце и расшатанная нервная система, а для полноты диагноза отмечали, что общее состояние здоровья неплохое. Естественно, если не принимать во внимание инфаркт, который в любую минуту может оборвать ему жизнь.

Рённ размышлял над тем, что означает выражение «общее состояние».

— Почему вы не дали мне умереть? — сказал Форсберг.

— Почему вы не дали жить Терезе Камарао? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Потому что это невозможно было вынести Я должен был избавиться от нее.

— Хорошо, — терпеливо сказал Рённ. — Но почему вы должны были избавиться от нее?

— У меня не было выбора. Она сломала бы всю мою жизнь…

— Ну, по-моему, она и так сломана, — заметил Гюнвальд Ларссон.

Врач снова бросил на него строгий взгляд.

— Вы ничего не понимаете, — сказал Форсберг. — Я просил, чтобы она больше никогда не приходила. Даже дал ей много денег, хотя сам испытывал затруднения. А она все равно…

— Что вы хотели сказать? — мягко спросил его Рённ.

— Преследовала меня. Когда я вернулся в тот вечер домой, она уже лежала в моей постели. Голая. Разнюхала, где лежит запасной ключ, и вошла. А моя жена… моя невеста должна была прийти через пятнадцать минут. У меня не было другого выхода…

— А потом?

— Я отнес ее в холодильник, где хранили меха.

— И вы не опасались, что ее там кто-нибудь обнаружит?

— У нас было только два ключа от того помещения. Один уНиссе Ёранссона, другой у меня. А Ниссе только что уехал.

— Как долго вы ее держали там?

— Пять дней. Я ждал дождя.

— Да, вы любите дождливую погоду.

— Разве вы не понимаете? Она была сумасшедшая. Она могла в течение минуты сломать всю мою жизнь. Разрушить все мои планы.

Рённ кивнул. Пока что все шло гладко.

— Где вы взяли автомат? — внезапно спросил Гюнвальд Ларссон.

— Я забрал его с собой, когда возвращался с войны.

— Шведский?

— Финский. «Суоми-38».

— Где он сейчас?

— Там, где его никто не найдет.

— В море?

— Вы любили Нильса Ёранссона? — через несколько секунд спросил Рённ.

— Ниссе — порядочный парень. Я был для него как отец.

— И тем не менее вы убили его.

— Он угрожал моему существованию. Моей семье. Всему, ради чего я живу. У меня не было выхода. Но я убил его быстро и безболезненно, не мучил его так, как вы мучите меня.

— Ниссе знал, что это вы убили Терезу? — спросил Рённ. Он по-прежнему говорил очень спокойно, доброжелательным тоном.

— Он был неглупый и догадался. Но он был хорошим другом. Я дал ему десять тысяч и подарил новый автомобиль, когда женился. Потом мы расстались навсегда.

— Навсегда?

— Да, он никогда не подавал признаков жизни, вплоть до прошлой осени. Тогда он позвонил и сказал, что за ним кто-то следит днем и ночью. Он перепугался, денег у него не было. Деньги он получил. Я пытался уговорить его уехать за границу.

— И вам это не удалось?

— Нет. Он был на грани нервного срыва. Смертельно испуган. Боялся, что этим навлечет на себя подозрение.

— И поэтому вы убили его?

— Я вынужден был это сделать. У меня не было выбора. Он разрушил бы мою жизнь Будущее моих детей. Мою фирму. Все. Он не хотел этого, но он был слабый, беспомощный, пугливый. Я знал, что рано пли поздно он придет ко мне за помощью. И тем самым погубит меня. Либо его схватит полиция и заставит говорить. Он был наркоманом, слабым и ненадежным человеком. Полиция пытала бы его до тех пор, пока он не рассказал бы все.

— Полиция не имеет привычки пытать кого-либо, — сказал Рённ.

Форсберг впервые повернул голову в его сторону. Руки и ноги у него были связаны. Глядя на Рённа, он сказал:

— А как вы называете это?

Рённ опустил глаза.

— Где вы сели в автобус? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— На Кларабергсгатан, возле универмага.

— А на чем вы туда добрались?

— На автомобиле. Я поставил его перед своим офисом. У меня там зарезервировано место на автостоянке.

— Откуда вы знали, в каком автобусе будет ехать Ёранссон?

— Он звонил, мы условились.

— Другими словами, вы условились, как ему следует поступить, чтобы его убили.

— Неужели вы не понимаете, что у меня не было выбора. Кроме того, я сделал это гуманно, так, что он не догадывался об этом и ничего не почувствовал.

— Гуманно? А при чем здесь это!

— Неужели даже теперь вы не можете оставить меня в покое?

— Еще нет. Сначала объясните нам, как было дело с автобусом.

— Хорошо. Но потом вы уйдете?

Рённ посмотрел на Гюнвальда Ларссона и сказал:

— Да. Потом мы уйдем.

— В понедельник утромНиссе позвонил мне в офис. Он был в отчаянии, говорил, что тот человек повсюду ходит за ним. Я понял, что он долго не выдержит. Мне было известно, что в тот вечер и моя жена, и служанка уйдут. Погода благоприятствовала мне. Дети ложатся спать рано…

— Что же дальше?

— Я сказал Ниссе, что хочу взглянуть на того, кто ходит за ним. Чтобы он выманил того человека в Юргорден, сел там в двухэтажный автобус, который отправляется в десять часов, и ехал до конечной остановки. Без четверти десять он должен был позвонить мне в офис. Я выехал из дому после девяти, поставил автомобиль, пошел в офис и сидел там не зажигая света, потом спустился вниз и подождал автобус.

— А место вы изучили заранее?

— Я поехал туда раньше, днем. Место было хорошее, я полагал, что поблизости никого не окажется, в особенности, если дождь не прекратился. Я рассчитывал на то, что до конечной остановки будут ехать лишь считанные пассажиры. Лучше всего было бы, если бы в автобусе остались только Ниссе, тот, кто следил за ним, водитель и, возможно, еще один-два человека.

— Один-два человека, — повторил Гюнвальд Ларссон. — Кто именно?

— Все равно кто. Чтобы сбить с толку полицию.

Рённ посмотрел на Гюнвальда Ларссона и кивнул. Потом обратился к лежащему в кровати:

— Что вы чувствовали?

— Решение принять всегда трудно. Но я такой, что если на что-то решился, то обязательно доведу это до конца, даже если… — Он осекся и через несколько секунд сказал: — Вы обещали уйти отсюда.

— Мы такие, что обещаем одно, а делаем совсем другое, — заявил Гюнвальд Ларссон.

Форсоерг с горечью посмотрел на него.

— Вы только мучите и обманываете меня.

— В этой палате хватает тех, кто обманывает, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Вы решили убить Ёранссона и ассистента Стенстрёма несколько недель назад. Я прав?

— Да.

— Откуда вы знали, что Стенстрём полицейский?

— Я наблюдал за ним. Так, чтобы Ниссе не заметил.

— Откуда вы знали, что он работает в одиночку?

— Его никогда никто не сменял. Я пришел к выводу, что он работает на свой собственный страх и риск, чтобы сделать карьеру.

Гюнвальд Ларссон помолчал с полминуты.

— Вы сказали Ёранссону, чтобы он не брал с собой никаких документов, — наконец произнес он.

— Да, я приказал ему это, когда он позвонил в первый раз.

— Каким образом вы научились открывать двери автобуса?

— Я наблюдал за работой водителя. Но все равно сделал это с трудом, потому что автобус был другой марки.

— Где именно вы сидели в автобусе? Внизу или наверху?

— Наверху. Вскоре я остался там один.

— А потом вы сняли автомат с предохранителя и спустились вниз.

— Да. Я спрятал его.Ниссе и тот, другой, который сидел сзади, не могли его видеть. И все же один из пассажиров вскочил с места. Нужно всегда быть готовым к таким вещам.

— А если бы автомат заело? Он ведь очень старый.

— Я знал, что он не откажет. Я знаю свое оружие и проверил его перед тем, как отвезти в офис.

— А когда вы отвезли его в офис?

— За неделю до этого.

— И вы не опасались, что там его кто-нибудь найдет?

— Никто не осмелился бы рыться в моих ящиках, к тому же они закрыты.

— А где вы держали его раньше?

— В запертом чемоданчике на чердаке. Вместе с другими военными трофеями.

— Куда вы направились после того, как застрелили всех тех людей?

— Я пошел по Норра-Сташенсгатан до авиавокзала, там взял такси, поехал в офис, забрал со стоянки свой автомобиль и вернулся домой.

— А автомат вы выбросили по дороге, — вставил Гюнвальд Ларссон. — Будьте спокойны, мы найдем его.

Форсберг не ответил.

— Что вы чувствовали, когда стреляли?

— Я защищал мою семью, мой дом, мою фирму. Вы стояли когда-нибудь с оружием в руках, зная, что через несколько секунд вам нужно будет прыгнуть в окоп, в котором полно врагов?

— Нет, — сказал Рённ. — Мне никогда не приходилось этого делать.

— Значит, вы ничего не понимаете! — крикнул Форсберг. — Вам лучше вообще помалкивать. Ну как такой идиот может понять меня!?

— Это дальше продолжаться не может, — вмешался врач. — Его необходимо увезти на процедуры.

Он нажал звонок. Вошли два санитара. Форсберга, который продолжал кричать, выкатили вместе с кроватью из палаты.

Рённ принялся укладывать магнитофон.

— Ненавижу этого негодяя, — внезапно заявил Гюнвальд Ларссон.

— Что?

— Я скажу тебе то, чего никому никогда не говорил, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Мне жаль почти всех, с кем я сталкиваюсь на этой службе. Они, как правило, затравлены. Жалеют, что вообще родились. Это не их вина, что они ничего не понимают и что все у них валится из рук. Такие, как этот, калечат их жизнь. Такие самолюбивые свиньи, которые думают только о своих деньгах, своих домах, своих семьях и своем так называемом положении в обществе. Они считают, что могут приказывать другим только потому, что занимают более высокое положение в обществе. Таких людей множество, однако большинство из них не совершает глупостей вроде удушения португальских шлюх. И поэтому мы никогда не сталкиваемся с ними. Мы видим только их жертвы. Здесь же мы имеем дело с исключительным случаем.

— Возможно, ты прав, — сказал Рённ.

Они вышли из палаты. В глубине коридора перед какой-то дверью стояли два высоких полицейских. Они стояли неподвижно, скрестив руки на груди.

— Кого я вижу, это вы, — пробурчал Гюнвальд Ларссон. — А ведь действительно, эта больница находится на территории Сольны.

— Значит, вы в конце концов поймали его, — сказал Квант.

— Вот именно, — добавил Кристиансcон.

— Это не мы, а, главным образом, Стенстрём, это его заслуга, — возразил Гюнвальд Ларссон.

Приблизительно часом позже Мартин Бек и Колльберг пили кофе в кабинете на Кунгсхольмсгатан.

— Собственно, Стенстрём решил загадку убийства Терезы, — сказал Мартин Бек.

— Да, — согласился Колльберг. — Однако он поступил неразумно, решив работать в одиночку, и к тому же не оставив никаких документов по этому делу. Просто удивительно, но этот парень так и не стал до конца взрослым.

Зазвонил телефон. Мартин Бек поднял трубку.

— Привет. Это Монссон.

— Где ты?

— В Вестберге. Я нашел ту страницу.

— Где?

— В кабинете Стенстрёма. Под бумагой, которая покрывает столешницу письменного стола.

Мартин Бек молчал.

— А мне казалось, что вы все здесь обыскали, — укоризненно добавил Монссон. — По-моему, ты так говорил.

— Ну?

— Он сделал две пометки на этой странице. В правом верхнем углу написал: «Положить в папку „Дело Терезы"», а внизу написал имя и фамилию: Бьёрн Форсберг и поставил вопросительный знак. Вам это говорит о чем-нибудь?

Мартин Бек и на это ничего не ответил. Держа трубку в руке, он начал громко смеяться.

— Ничего себе, — сказал Колльберг. — Смеющийся полицейский. — Он порылся в кармане. — Вот тебе монетка.

1

Пергола (итал. pergola) — увитая зеленью беседка или коридор из трельяжей (легких решеток) на столбах или арках

2

Городок на острове Мальорка.

3

13 декабря 1939 г. в заливе Ла-Плата у берегов Уругвая состоялся морской бой между огромным германским броненосцем «Граф Шпее» и английской эскадрой. Поврежденный броненосец едва дошел до Монтевидео. После ремонта без восстановления боевой мощи он 17 декабря вышел на траверз порта Монтевидео и неожиданно взорвался.

4

Норланд — плоскогорье на севере Швеции.

5

Олаф Бергстрём (1841—1910) — баптистский проповедник, убежденный трезвенник. Основатель (1879 г.) и глава (1880—1881 гг.) масонской ложи в Швеции. Позднее активно действовал в США.

6

«Мене, текел, упарсин» — надпись, которая появилась на стене во время пира во дворце Валтасара и которая предсказывала его скорую гибель (Книга пророка Даниила, 5: 25).

7

17 мая 1900 г. Юхан Нордлунд убил четырех человек и ранил восьмерых на пароходе «Принц Карл» на озере Маларен. В декабре того же года был казнен.

8

В данной версии перевода комната была «приблизительно семь на девять метров», то есть, 63 м2. Это слишком много, и, кроме того, ниже указано, что во всей комнате имелись всего два окна. Посмотрел перевод в журнальном варианте («В тупике») — там размеры комнаты «примерно пять метров на шесть». Кажется ближе к истине, поэтому я исправил значения в соответствии с журнальным переводом.

9

В Швеции роль Деда Мороза исполняют гномы.

10

За-За Габор (р. 1923) — американская киноактриса, тип «платиновой» блондинки; была особенно популярна в 1950—1960-е гг.

11

Так в книге.

12

Миротворец *(англ.)*

13

Послушай, дружище, ты что, совсем рехнулся? *(нем.)*

14

Фамилии расположены в соответствии со шведским алфавитом.

15

Приключения смеющегося полицейского *(англ.)*

16

Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.
